

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

<i>Адаменко У.А.</i> Бренд как тип рекламного текста	5
<i>Вековищева С.Н., Хухуни Г.Т.</i> Автор и текст (к столетию со дня смерти Фердинанда де Соссюра).....	10
<i>Киосе М.И.</i> Референциальный статус не прямых номинативных единиц в тексте	16
<i>Сейранян М.Ю.</i> Роль просодии в реализации конфликтного дискурса.....	22
<i>Хомутский К.И.</i> Темпоральный план репрезентативных речевых актов	27

РАЗДЕЛ II. ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ

<i>Кузьмина М.А.</i> Распределение форм обращения по речевым типам лексики в рамках грамматики речи	34
<i>Лызлов А.И.</i> Об оценочной семантике концептов «друг» и «враг» в английских и русских поговорках	40
<i>Молчкова Л.В.</i> Информационный компонент фразеологического кода.....	45

РАЗДЕЛ III. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Балута А.А.</i> Возникновение глагольных имён в индоевропейских и семитских языках (психолингвистический аспект).....	51
<i>Гаврилова Ю.В.</i> Изучение языков тихоокеанского региона в XIX-XX вв.	57
<i>Евсюнина Т.С.</i> Понимание переводного текста: проблема перевода реалий.....	62
<i>Зоидзе Э.А.</i> Роль парцеллированных конструкций в аналитическом газетном тексте (на материале русского и английского языков).....	67

РАЗДЕЛ IV. РОМАНО-ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Дергунова А.А.</i> Роль парантетических конструкций в текстах новостей немецкоязычных СМИ	73
--	----

РАЗДЕЛ V. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

<i>Мезенцева Ю.И.</i> Православный сюжет в творчестве русских художников	77
--	----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Романские языки в межкультурном пространстве	83
НАШИ АВТОРЫ	86

CONTENTS

SECTION I. THEORETICAL QUESTIONS OF A GENERAL LINGUISTICS

<i>U. Adamenko.</i> Branding texts as a type of advertising discourse.....	5
<i>S. Vekovishceva, G. Khukhuni.</i> An author and the text (to the hundredth anniversary of the death of Ferdinand de Saussure)	10
<i>M. Kiose.</i> Referential status of indirect nominals in the text	16
<i>M. Seyranyan.</i> The role of prosody in conflict discourse	22
<i>K. Khomutskiy.</i> Temporal plane of representative speech acts	27

SECTION II. LANGUAGE UNITS OF LANGUAGE SYSTEM

<i>M. Kuzmina.</i> Distribution of forms of address in accordance with speech types of lexis in the communicative grammar	34
<i>A. Lyzlov.</i> On the evaluative semantics of the concepts “friend” and “enemy” in English and Russian proverbs	40
<i>L. Molchkova.</i> The information component of phraseological code	45

SECTION III. COMPARATIVE LINGUISTICS

<i>A. Baluta.</i> Formation of verbal nouns in Indo-European and Semitic languages (psycholinguistic aspect)	51
<i>J. Gavrilova.</i> Studies of Pacific languages in the XIX and XX century	57
<i>T. Evsyunina.</i> Comprehension of translated text: problem of translating realia	62
<i>E. Zoidze.</i> Parcelling in an analytical newspaper text (on the basis of the Russian and the English language)	67

SECTION IV. ROMANO-GERMAN LINGUISTICS

<i>A. Dergunova.</i> The role of parenthesis in the German news media texts	73
---	----

SECTION V. ART STUDIES

<i>Y. Mezentzeva.</i> Orthodox theme in works of Russian artists	77
--	----

OUR AUTHORS	86
-------------------	----

РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 81.00

Адаменко У.А.

Московский педагогический государственный университет

БРЕНД КАК ТИП РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА

U. Adamenko

Moscow State Pedagogical University

BRANDING TEXTS AS A TYPE OF ADVERTISING DISCOURSE

Аннотация. В статье текст бренда рассматривается в рамках диктемной теории М.Я. Блоха. Автор статьи проводит сопоставительный анализ текстов бренда с текстами художественной литературы и пропагандной рекламы и делает вывод о том, что массив текстов бренда представляет собой самостоятельную разновидность жанра рекламы, близкую по целеполаганию к пропаганде, строящуюся на привлечении имагинального языка со всей его стилистической глубиной для достижения жанрово-определяющей функции – создания образа искусственной ценности объекта в сознании потребителя. Кроме того, автор подразделяет тексты бренда на некатегорический и категорический типы и обнаруживает в последнем присутствие диктем побудительного типа.

Ключевые слова: жанр бренда, пропагандная реклама, имагинальный язык, побудительная диктема, диктемная теория профессора М.Я. Блоха.

Abstract. Branding discourse is considered within the framework of the dictemic theory developed by Professor M.Y. Blokh. Analyzed in comparison with imaginative literature and propaganda, branding texts are presented as an independent variety of advertising genre, close to propaganda in its objective and based on employing imaginative language with its stylistic inventory to fulfill the differential genre function of creating the artificial value image of an object in consumer's mind. Branding texts may be subdivided into non-categoric and categoric types, a special inductive dictemic type being present in the latter.

Key words: genre of branding discourse, propaganda, imaginative language, inductive dictemic type, a dicteme, the dictemic theory of Professor M.Y. Blokh.

С развитием дисциплины маркетинга, которую М.Я. Блох определяет как организацию успешной рыночной продажи при максимально возможной прибыли, в дискурсивном массиве выделился пласт коммуникаций, направленных на формирование в сознании потребителя устойчивых эмоциональных взаимосвязей с конкретными продуктами, получившими название брендов. Обратимся к основным «лексикалам» лексемы *бренд*: 1) *обозначение товара*: обозначение продукта, производимого определённой компанией, который имеет особое на-

звание и дизайн [11]; 2) *отличительные признаки*: имя, термин, знак, символ или дизайн или комбинация всего этого, предназначенные для идентификации товаров или услуг одного продавца или группы продавцов, а также для отличия товаров или услуг от товаров или услуг конкурентов (определение предложено Американской ассоциацией маркетинга) [8, с. 18]; 3) *ментальная конструкция*: устойчивые образные представления о товарах, сохранённые в памяти заинтересованных групп и отражающие чёткий и значимый набор ценностей и атрибутов, которые выполняют функции идентификации и дифференциации и определяют поведение потребителей при выборе продуктов и услуг. Из трёх приведённых выше лексикол мы выбираем последнюю как наиболее общую и существенную для данного исследования.

Семантический треугольник Ф. де Соссюра прекрасно подходит для понимания идеальной сути феномена бренда и его материальной основы. Данный треугольник вбирает в себя языковой знак как обозначение, объект действительности, с которым соотносится этот языковой знак, и концепт как обозначаемое, как образ, который формируется в сознании человека и закрепляется за определённым языковым знаком. По Ф. де Соссюру, интерес для лингвистики представляет соотношение языкового знака и обозначаемого, то есть концепта [1, с. 31]. В терминах теории маркетинга объекту действительности соответствует брендируемый продукт, языковому знаку – товарный знак, представляющий собой зарегистрированные в установленном законодательном порядке на имя владельца символ, слово, изображение, звуковые позывные или оригинальная форма, имеющие зафиксированный набор характеристик и особенностей, служащих для однозначной идентификации товара. В свою очередь концепт (по Ф. де Соссюру) будет соответствовать бренд-имиджу (образу бренда) в сознании потребителя. Бренд-имидж и товарный знак составляют материальную основу этого явления, в то время как выстраиваемый на их основе образ бренда по сво-

ей сути идеален, так как существует исключительно в сознании потребителя, и всегда субъективен.

Под **брендом** принято понимать образ марки товара или услуги, выделенный покупателем среди конкурирующих изделий, некое впечатление о товаре в умах потребителей, ярлык, который мысленно “наклеивается” на товар. Бренд-имидж как технология создания бренда и управления им в целом концентрируется вокруг бренд-имиджа как метода обеспечения добавочной стоимости продуктов и маркетинговых инструментов продвижения товаров на рынке. Бренд-имидж фокусируется на соотношении продукта (*предмета действительности* Ф. де Соссюра) и его образа в сознании потребителя (*концепта* – в терминологии науки о языке). Это соотношение актуализируется посредством бренд-коммуникаций, успех которых определяется их выдержанностью и финансированием («consistency and financing»).

Каждому бренду соответствует определённое текстовое выражение, словесная оболочка, репрезентируемая через сайт компании, информацию на упаковке, маркетинговые материалы и рекламу, через которую транслируется философия бренда. Каналы передачи бренда призваны визуализировать и вербализировать бренд, создать его эмоциональную и функциональную дифференциацию в сознании потребителей. основополагающая цель оказания эмоционального воздействия на сознание потребителя параллельно с формированием в его сознании бренд-имиджа и определяет жанрово-стилистическое своеобразие текстов бренда. Для бренд-коммуникации характерно использование «имагинального (литературно-образного) языка», разновидности языка народа, противопоставленной М.Я. Блохом «витальному (жизненному языку)» [2, с. 270]. Имагинальный язык роднит тексты бренда с художественной литературой, в произведениях которой, по выражению Е.В. Великой, «представлен весь сложный спектр строевых разновидностей языка в формальных и содержательных рамках языковой эстетики» [3, с. 56].

Однако в текстах бренда свободное течение имагинального языка преломляется в соответствии с целеполагающим мотивом брендинговой коммуникации – оказанием воздействия. Подобная пропагандистская основа представляет собой принципиальное отличие текстов брендов от художественной литературы и роднит их с жанром пропагандной рекламы. Тенденцию к взаимопроникновению жанровых характеристик предсказал В.В. Виноградов, заметив, что стили речи находятся в тесном взаимодействии, могут частично смешиваться и проникать друг в друга [3, с. 56]. В этом случае под **стилем речи** понимается «совокупность характеристик рода и вида искусства разных отраслей», лексика, отражающая самое широкое понимание стиля, и, как было продемонстрировано М.Я. Блохом, вторгающаяся в компетенцию жанра и в точности соответствующая терминологической номинации последнего. Соглашаясь с М.Я. Блохом, мы понимаем стиль как выразительную характеристику текста, а жанр – как его целеполагающую характеристику [3, с. 6]. В соответствии с прагматической ориентацией брендингового дискурса, которая определяет его содержание, далее мы рассматриваем тексты бренда как поджанр рекламного текста, образовавшийся на стыке художественной литературы и пропагандной рекламы. Суть брендинговых коммуникаций можно определить как создание ценности в сознании потребителя средствами имагинального языка.

При анализе с позиций диктемной теории М.Я. Блоха в текстах бренда чётко прослеживаются жанровая и стилистическая составляющие. Как известно, диктема, элементарная тематическая и стилеоформленная единица текста, формируемая предложениями [3, с. 5], реализуется благодаря совместному выделению четырёх её аспектов: номинации, предикации, тематизации и стилизации. Аспект тематизации соотносит описываемые текстом явления с явлениями окружающего мира и, в случае текстов бренда, точно фокусирует сознание потребителя на конкретном продукте, что соответствует их целеполаганию,

т. е. жанровой характеристике. Далее происходит эмоциональная имплантация бренд-имиджа в сознание потребителя, формирование устойчивых связей с конкретными ассоциациями, что становится возможным благодаря инструментарию имагинального языка, стилистической составляющей текста бренда, раскрывающегося в аспекте стилизации отдельно взятой диктемы.

Тематически диктемы жанра бренда сосредоточены на передаче содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой информации (по классификации И.Р. Гальперина [4, с. 26]). **Содержательно-фактуальный** тип информации об окружающей действительности, эксплицитный по природе и полностью вербальный по выражению, вторичен для этого жанра. Содержательно-концептуальная информация, сообщающая читателю индивидуально-авторское понимание и передающая творческое переосмысление объекта через экспликативные эмоционально-субъективного характера [3, с. 30] (стилистические приёмы, эксплицитные по своей семантике – метафору, гиперболу, перифраз, сравнение), и, кроме того, несущая ассоциативные и коннотативные значения, первична для данного типа и предоставляет базис для передачи имплицитной содержательно-подтекстовой информации, способствующей проникновению в глубинный смысл авторского замысла.

Возвращаясь к аспекту стилизации, следует отметить, что именно благодаря присущей ей художественности диктема текста бренда воздействует на интеллектуальную и эмоциональную сферы, становится выражением не просто фактуального содержания, а «метасодержания», выходящего за пределы семантического использования языка (термин введён М.С. Чаковской [9, с. 17]). Как следствие, текст бренда также отличают сущностные признаки, сформулированные М.А. Гвенадзе для художественного текста в противопоставление нехудожественному, такие, как имплицитность содержания (наличие подтекста), наличие эстетической функции и установка на неоднозначность. Оставшиеся два сущ-

ностных признака данной классификации (отсутствие непосредственной связи между коммуникацией и жизнедеятельностью человека и установка на отражение нереальной действительности [5, с. 91]) характерны только для категорического типа жанра бренда (см. ниже). Как отмечено выше, основой для дифференциации художественных текстов и текстов брендов может служить целеполагающая основа последних, берущая начало из текстов пропагандной рекламы.

По форме воздействия на реципиента массив текстов жанра бренда можно подразделить на категорический и некатегорический типы. Некатегорическому типу присущ информационно-рекомендательный характер повествования. Авторская субъективность эксплицируется, однако из неё не следует безальтернативной прагматической ориентации покупателя на пристрастие к определённому товару.

Для диктемы некатегорического типа текстов брендов характерно преобразование фактуальной информации в эстетически-образную и импрессионную под воздействием прагматических факторов, определяющих её природу (явление ранее выявлено А.В. Грицковой в аргументативном дискурсе [6]). Как следствие, для текстов бренда некатегорического типа, как и жанра в целом, типично наличие фактуально-оценочных диктем, однозначно транслирующих отношение автора к описываемому предмету и стимулирующих реципиента на положительное отношение к нему. По наблюдению Ивановой А.А., данный смешанный тип диктемы характерен и для текстов пропагандной рекламы [7, с. 14], что ещё раз подтверждает сходство целеполагающей основы обоих жанров.

В качестве примера фактуально-оценочной диктемы обратимся к брендинговым коммуникациям компании «Fuji», продвигающей на рынок новую камеру «Fujinon 30x»: *«The widely renown Fujinon Lenses are used popularly in numerous situations including satellites in outerspace, TV/film, surveillance, and compact cameras. With the highly adept manufacture of Fuji film, high precision optic and technology are*

provided for the best 24mm wide angle and 30x optical zoom» [10]. Денотемы *«widely renown Fujinon Lenses»*, *«used popularly»*, *«highly adept manufacture»* раскрывают авторскую позицию по отношению к объекту, однако вывод о целесообразности использования объекта остаётся «за кадром» повествования, его экспликации не происходит, что свидетельствует о ненавязчивости коммуникации.

В отличие от вышеописанных текстов, категорический тип жанра бренда подразумевает агрессивное навязывание объекта потребителю. В подобных текстах, помимо трансляции предвзятого отношения автора, находит выражение установка к действию, открытое побуждение реципиента к желаемому развитию событий. Подобное программирование становится возможным благодаря особому виду диктем, ранее не освещённых в научной литературе, которые мы назовём побудительными диктемами, по-особому реализующими свой предикативный аспект (зачастую с использованием побудительных конструкций).

Проиллюстрируем побудительную диктему на примере брендинговых коммуникаций всемирно известной кофейни «Starbucks», продвигающей продукт «Bottled Vanilla Frappuccino»: *«You're craving the creamy, rich taste of vanilla. Suddenly, you're presented with a bottle of Vanilla Frappuccino® coffee drink. The lowfat taste of coffee, real milk and vanilla is chilled to perfection. Do you a) guzzle it down, indulging in a wave of sweet vanilla richness? Or b) drink it gently, savoring each and every heavenly sip? It really doesn't matter – this classic is meant to be enjoyed»* [12]. Наряду с фактуальной информацией общего типа о составе продукта (*«low fat taste of coffee, real milk and vanilla»*) приведённое описание содержит явную экспликацию характера восприятия продукта говорящим (*«sweet vanilla richness»*, *«heavenly sip»*), что является чертой оценочного типа диктем. Однако помимо этих признаков ранее изученных типов диктем, в тексте задаётся прямая установка на восприятие продукта потребителем *«You're craving the creamy, rich taste of vanilla»*, с последующим программи-

рованием вариантов развития ситуации, что является недвусмысленным воздействием на подсознание реципиента и определяет жанр бренда в сферу интересов психолингвистики. Несмотря на вымышленность описываемой ситуации, считывается конкретная прагматическая установка «*is meant to be enjoyed*».

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что взаимопроникновение жанров художественной литературы и рекламных текстов, в частности пропагандной рекламы как поджанра последних, определило появление пласта текстов, связанных с коммуникациями в сфере брендов, которые по своим жанрово-стилистическим характеристикам не относятся к ранее изученным. На основании этого можно говорить о выделении вышеприведенных текстов в отдельный жанр бренда, который наравне с жанром пропагандной рекламы является поджанром рекламы, однако, в отличие от последнего, воздействует имажинальный язык со всей его стилистической глубиной для достижения своей жанрово-определяющей функции – создания искусственной ценности объекта в сознании потребителя.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Высшая школа, 1986. – 295 с.
2. Блох М.Я. Литературно-художественная речь и стиливая дифференциация языка // Россия и Запад: проблемы истории и филологии: Межвузовский сборник научных трудов. – Нижневартовск, 1999. – С. 269-272.
3. Блох М.Я., Великая Е.В. Просодия в стилизации текста: монография. – М.: Прометей, 2012. – 148 с.
4. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 144 с.
5. Гвенадзе М.А. Коммуникативная лингвистика и типология текста. – Тбилиси, 1986. – 315 с.
6. Грицкова А.В. Аргументативный дискурс в свете диктежной теории строя текста [Электронный ресурс]. [Сайт]. – URL: <http://discourse-prm.ur.ru/avtor6/grickova.php> (дата обращения: 17.05.2012).
7. Иванова А.А. Строй текста рекламной пропаганды: на материале английского языка: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – М., 2009. – 25 с.
8. Капферер Ж.Н. Бренд навсегда: создание, развитие, поддержка ценности бренда. – М.: Вершина, 2007. – 448 с.
9. Чаковская М.С. Текст как сообщение и воздействие. – М., 1986. – 128 с.
10. Fujifilm Global [Электронный ресурс]. [Сайт]. – URL: http://www.fujifilm.com/products/digital_cameras/x/fujifilm_x10/features/ (дата обращения: 01.05.2012).
11. Longman Dictionary of Contemporary English [Электронный ресурс]. [Сайт]. – URL: <http://www.ldoceonline.com/> (дата обращения: 13.05.2012).
12. Starbucks menu [Электронный ресурс]. [Сайт]. – URL: http://www.starbucks.com/menu/catalog/product?drink=frappuccino-blended-beverages#view_control=product (дата обращения: 01.05.2012).

УДК 81'42

Вековищева С.Н., Хухуни Г.Т.

Московский государственный областной университет

АВТОР И ТЕКСТ (К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ФЕРДИНАНДА ДЕ СОССЮРА)

S. Vekovishceva, G. Khukhuni

Moscow State Regional University

AN AUTHOR AND THE TEXT (TO THE HUNDRETH ANNIVERSARY OF THE DEATH OF FERDINAND DE SAUSSURE)

Аннотация. Статья посвящена одной из заслуживающих внимания дат в истории науки о языке – столетию со дня смерти выдающегося швейцарского лингвиста, фактического основоположника языкознания XX столетия Фердинанда де Соссюра. Отмечается, что вопрос об авторстве вышедшего посмертно под его именем «Курса общей лингвистики» и о степени идентичности текста названного труда идеям «подлинного Соссюра» привлекал внимание многих исследователей и неоднократно являлся предметом острых дискуссий. В связи с этим обосновывается целесообразность различать биографическую и собственно историко-научную сторону формирования и развития лингвистических концепций.

Ключевые слова: Ф. де Соссюр, текст, источник, автор, язык, объект, курс.

Abstract. The present paper is dedicated to one of the important dates in the history of science of language – the hundredth anniversary of the death of the great Swiss linguist, the factual founder of the XX century linguistics Ferdinand de Saussure. It is mentioned, that the problem of the authorship of the *Cours de linguistique générale* and the extent of the authenticity of its text to the ideas of the 'real' Saussure was discussed by many scientists and is controversial till nowadays. The authors postulated the expediency to differentiate the biographical part of the creating and developing linguistic theories from the scientific and historical side as such.

Key words: F. de Saussure, text, source, author, language, object, course.

22 февраля 1913 г., незадолго до начала Первой мировой войны, в своём имении Вюффлан скончался профессор Женевского университета Фердинанд де Соссюр, за некоторое время до смерти прекративший по болезни преподавательскую деятельность. За исключением близких учеников и коллег, общавшихся с ним в последнее десятилетие его жизни, остальной лингвистический мир знал его, главным образом, по юношеской работе, посвящённой первоначальной системе индоевропейского вокализма, после которой каких-либо значительных трудов из-под его пера не выходило. А затем – публикация «Курса общей лингвистики», автором которого значился Соссюр, превращение этой книги, если можно так выразиться, в своего рода «научный бестселлер», провозглашение её «Библией современного (с позиции 20-х гг.) языкознания», перевод на ряд языков (включая японский, ставший, кстати, первой по времени публикацией книги на иностранном языке, после которой последовали издания немецкого и русского переводов) и превратившееся на многие десятилетия для подавляющего большинства учёных в аксиому утверждение о том, что «это-то несуществующее произведение, плохо ли, хорошо ли воссозданное Балли и Сеше, возвестило, что в науке о языке наступил XX век» [14, с. 667].

Для человека, не знакомого с историей появления «Курса общей лингвистики» (впрочем, вряд ли можно найти в мире языковеда, который бы её не знал), словосочетание «воссозданное несуществующее произведение» явно показалось бы оксюмороном. Согласно любо-

му толковому словарю, «воссоздать» – это «создать вновь, повторить» [12, с. 113], а каким образом возможно «повторить» то, чего никогда не было? Однако автор процитированного высказывания был абсолютно прав: с одной стороны, трудно найти общелингвистическую работу, в которой не встречались бы выражения типа: «по словам Ф. де Соссюра», «как утверждал Ф. де Соссюр» и т. п. С другой стороны, относительно очень многих положений прославленной книги шли (и продолжают идти) споры о том, действительно ли это «слова Соссюра» и действительно ли швейцарский языковед соответствующее положение «утверждал».

В задачи данной статьи, естественно, не входит рассмотрение «соссюровской проблемы» в целом. Во-первых, анализ её потребовал бы солидного монографического труда, объём которого занимал бы, вероятно, не одну сотню страниц; во-вторых, существует достаточно большое количество работ, детально исследующих различные аспекты данной темы. Ограничимся в этой связи ссылкой на монографию Е. Кёрнера [18], к сожалению, относительно малоизвестную отечественному читателю, располагающему, правда, достаточно информативными работами Н.А. Слюсаревой [9], А.А. Холодовича [14; 15], В.Г. Кузнецова [5] и др., в достаточной мере учитывающими и данные зарубежных исследователей. Остановимся поэтому лишь на некоторых моментах, связанных с более общим вопросом о соотношении понятий «автор» и «текст», поскольку, если говорить о научной литературе, «Курс общей лингвистики» предоставляет для этого особенно подходящий материал.

Но приступить к рассуждению мы позволим себе с одного примера, приведённого в своё время А.А. Леонтьевым и, на первый взгляд, какого-либо отношения к интересующей нас теме не имеющего: «...В практике экспертной работы мы столкнулись с проблемой, когда подсудимый обвинил следователя в том, что тот продиктовал ему текст показаний. Возник естественный вопрос следственных органов – могло ли такое про-

изойти? В результате исследования текстов показаний и заведомо принадлежащих тому же исполнителю других текстов комиссия пришла к единодушному заключению о том, что следователь не являлся автором анализируемого текста, но являлся *автором содержания этого текста*, то есть, по-видимому, говорил подсудимому, что надо писать, а тот излагал то же содержание “своими словами”» [6, с. 350].

Если применить сформулированное в приведённом высказывании разграничение к «Курсу общей лингвистики», то, вероятно, проще всего будет сказать, что Соссюр был именно «автором содержания текста» книги, отражённого в конспектах его студентов, а Ш. Балли и А. Сеше, опираясь на последние, изложили его в ряде фрагментов «своими словами», поскольку иным способом объединить то, что содержалось в тетрадях разных лиц, к тому же слушавших в разное время три не совпадающих варианта лекций, вряд ли было возможно.

Однако, даже приняв подобную трактовку (которая, несомненно, точнее, чем именование Соссюра «автором» текста «Курса»), неизбежно придётся ответить, по меньшей мере, ещё на два вопроса: в какой степени Соссюр являлся «автором содержания текста» и насколько «свои слова» Балли и Сеше соответствуют этому самому содержанию? Оба вопроса нашли достаточно подробное освещение в ряде исследований, в том числе, и упомянутых выше. Поэтому коснёмся здесь лишь нескольких связанных с ними моментов.

О так называемых «источниках» «Курса общей лингвистики» (который, как известно, сам практически не содержит «ссылок на использованную литературу» и, с этой точки зрения, абсолютно не соответствует предъявляемым к научному труду формальным требованиям – что, впрочем, понятно, учитывая лекционный жанр, в котором формулировал свои мысли жене́вский лингвист) говорилось и писалось весьма много. В связи с этим А.А. Холодович в своё время иронически заметил: «Почти любое утверждение, сформулированное Соссюром, нетрудно свести к

идее, высказанной кем-либо из его предшественников или кем-либо из современников. Очень многие лингвисты с изрядным рвением занимались этим малопродуктивным делом. При этом одни стремились превратить весь «Курс» в парафраз сочинений одного единственного лингвиста, другие пытались, демонтировав Соссюра на части, показать, что каждая из демонтированных частей имеет своего духовного отца в лице того или другого лингвиста, социолога, философа и т. п.» [14, с. 669].

Пожалуй, в наиболее заострённой (и наиболее парадоксальной) форме мысль о некоей «мифологичности» самого соссюрского авторства (именно в качестве «автора содержания текста») высказал отечественный лингвист В.К. Журавлёв. В научно-популярной книге «Занимательные диалоги о языкознании» при рассмотрении данного вопроса находим следующий обмен репликами между ним и одним из персонажей («Математиком»):

«М а т е м а т и к. Это напоминает коллективного автора Никола Бурбаки, группу молодых математиков, предпринявших смелую попытку пересмотреть основания математики. Может быть, и здесь под именем Соссюра выступает коллективный автор и один из них – Бодуэн и кто-нибудь из его учеников?

– Любопытнейшая мысль! Так эта проблема не ставилась. Вполне вероятно, что именно такой подход и поможет разрешить некоторые загадки “Курса”...» [4, с. 101].

Предположение, разумеется, выглядит весьма интригующим и, вероятно, было бы вполне уместным в художественном произведении. Однако, поскольку речь идёт о реальной истории науки, думается, что оно скорее порождает новые загадки, нежели разрешает существующие.

Прежде всего, вряд ли целесообразно пренебрегать тем обстоятельством, что Никола Бурбаки – лицо вымышленное, тогда как в реальном существовании Фердинанда де Соссюра сомнений, вроде бы, не существует.

Во-вторых, если учесть, что сам Соссюр излагал материал, лёгший в основу «Курса», ис-

ключительно на лекциях, и никаких записей его после себя не оставил, то придётся считать, что либо «коллективный автор» обладал сверхъестественной проницательностью, заранее зная, что ничего не подозревающие об этой грандиозной мистификации Ш. Балли и А. Сеше через несколько лет после его смерти задумают «воссоздать» этот труд, либо авторы сами были её участниками.

Наконец, в-третьих, довольно сомнительно в этическом плане выглядит при таком раскладе роль самого Ф. де Соссюра, излагавшего своим слушателям чужие мысли. Не говорим уже о том, что совершенно непонятны мотивы, по которым И.А. Бодуэн де Куртенэ (да ещё в компании с «кем-нибудь из его учеников») стал бы приписывать свои идеи швейцарскому коллеге, с которым он, правда, был знаком и состоял в переписке, но никакими особенно тесными узами связан не был. Один из этих самых учеников – В.А. Богородицкий – действительно претендовал на «долю участия» в соссюрском наследии, но ссылаясь на гораздо более простую причину (вопрос о том, насколько основательно, – не является предметом нашего рассмотрения): «...Идею» синхронизма «при лингвистических сопоставлениях я выдвинул за целую четверть века до... де Соссюра, который имел в своём распоряжении мою немецкую брошюру... и если нет в его книге упоминания о ней, то это я объясняю посмертным изданием его книги, отчасти составленной по записям слушателей» (цит. по: [7, с. 209]), – не без иронии, явно вызванной задетым самолюбием, добавляя: «Мне очень лестно, что идею «синхронизма», выдвинутую мною в 1890 г., ваши лингвисты Виноградов, Петерсон и нек. др. ставят в особую заслугу знаменитого Ф. де Соссюра в книге «Cours de linguistique générale» (1916)...» [13].

Впрочем, хотя о заслугах на данном прищце самого В.А. Богородицкого, действительно, и в самой России, кроме него самого, никто до появления работ Ф.М. Березина (см., в частности, [2]) особенно не вспоминал, то утверждения о том, что «посмертная книга Ф. де Соссюра, которая многими была вос-

принята как некое откровение, не содержит в себе буквально ничего нового в постановке и разрешении общелингвистических проблем по сравнению с тем, что давным-давно уже было добыто у нас Бодуэном и бодуэновской школой» [8, с. 3-4] были весьма распространены среди отечественных учёных. Отразилась эта точка зрения и в зарубежных работах, чему очень способствовала известная статья Р.О. Якобсона [17].

Вместе с тем и в российском (советском), и в зарубежном языкознании не отрицали того бесспорного факта, что различий между текстом «Курса общей лингвистики» и содержанием работ И.А. Бодуэна де Куртенэ можно найти, пожалуй, не меньше, чем сходств. Об этом, в частности, писали в упомянутых выше работах Н.А. Слюсарева, А.А. Холодович и др. В книге В.К. Журавлёва также после процитированных выше слов о том, что «именно такой подход и поможет разрешить некоторые загадки “Курса”...», – читаем: «...Ведь при всём огромнейшем сходстве идей Соссюра и Бодуэна архитектура их произведений, без сомнения, различна, как различны и источники, питавшие их» [4, с. 101], – хотя, на наш взгляд, это несколько противоречит допущению о возможности наличия в составе «коллективного автора» «Курса» Бодуэна и его неназванного ученика. В работе же Е. Кёрнера предположение о тождественности общелингвистических взглядов Бодуэна и Соссюра вообще квалифицируется как «вводящее в заблуждение» (*quite misleading*): «В действительности нет никаких свидетельств того, что Бодуэн когда-либо рассматривал язык как систему в том смысле, в каком её понимал Соссюр... его, в основном, интересовали не социальный, а индивидуальный и психологический аспекты языка – в противоположность Соссюра, который никогда не занимался лингвистикой речи (*parole*), хотя и признавал её возможность... а подчёркивал, что подлинная лингвистика занимается исключительно языком (*langue*)» [18, с. 140].

Но как бы ни относиться к тезису о «вторичности» тех идей, которые – в чём не приходится сомневаться – Ф. де Соссюр дей-

ствительно высказывал в своих лекциях и которые легли в основу «Курса общей лингвистики», – фактом остаётся то обстоятельство, что именно текст последнего стал той книгой, которая определила развитие науки о языке на протяжении значительной части XX столетия, в то время как предпринимавшиеся попытки реставрации «подлинного» Соссюра (см. о них в: [14; 10] и др.), в общем, остались достоянием достаточно узкого круга специалистов и никакого особого влияния на мировую лингвистическую мысль не оказали. Ещё раз подтвердилась известная истина, что нередко текст, став достоянием читателя, начинает жить в значительной степени независимо от автора. Выяснение отношения Соссюра к предшественникам и современникам, естественно, очень важно и интересно для биографии учёного, но для формирования тех концепций, появление которых было в значительной степени вызвано публикацией этой книги, данный вопрос вряд ли играл сколь-нибудь существенную роль. И в этом смысле именно «воссозданный» Ш. Балли и А. Сеше текст и приходится считать «подлинным» Соссюром – даже если бы сам учёный, имя которого стоит на титульном листе, кое с чем и не согласился бы.

Пожалуй, наиболее наглядной иллюстрацией этого положения можно считать вопрос о знаменитой фразе, которой заканчивается этот «канонический» текст: «Из сделанных нами экскурсов в пограничные области нашей науки вытекает следующий принцип... тем более интересный, что он совпадает с основной идеей этого курса: *единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в себе самом и для себя*» [11, с. 208].

Пожалуй, трудно найти работу о Ф. де Соссюре, созданную за последние полвека, где бы не было сказано о том, что никакого отношения к Соссюру этот, по выражению Р.О. Якобсона, «апокрифический эпилог» [16, с. 394] не имеет, что данную формулировку «следует оставить всецело на совести издателей, ибо она не зафиксирована ни в одном конспекте, ни в одном цикле лекций» [15, с. 18] и

т. п. В этом смысле «обличение» Ш. Балли и А. Сеше в своего рода «искажении Соссюра» стало неким общим местом в лингвистической историографии. С фактической стороны, возможно, это действительно так – нет никаких оснований сомневаться в том, что в *сохранившихся* источниках «Курса общей лингвистики» и студенческих конспектах, которые легли в его основу, данного положения действительно нет. Однако неизбежно возникает вопрос: зачем же в этом случае его создателям понадобилось такое сознательное «искажение»? Причём, как отмечалось в специальной литературе, Ш. Балли в дальнейшем процитировал его именно «как если бы оно было сформулировано самим Соссюром» [18, с. 222].

Можно было бы, разумеется, предположить, что сделано это было для того, чтобы «освятить» авторитетом учителя свои собственные взгляды – подобно некоему средневековому автору, который признавался, что «распространённое отрицательное отношение к новшествам вынуждает его выдавать свои мысли за чужие и приписывать их древним или арабским мыслителям» [3]. Однако думается, что в данном случае такое предположение выглядит несколько натянутым. Когда Балли и Сеше приступили к созданию «Курса», Ф. де Соссюр отнюдь не мог считаться признанным авторитетом в мировом языкознании (по характеристике А.А. Холодовича, к моменту смерти это был учёный, «известный лишь близким ученикам, но почти совершенно забытый современниками» [14, с. 671]). С другой стороны, данное положение отнюдь не может безоговорочно признаваться характерным для концепции названных лингвистов в целом. Известно, что «Ш. Балли в отличие от Ф. де Соссюра не ограничивал своё исследование рамками внутренней лингвистики», а у А. Сеше можно найти тезис о том, что «нужно идти не по предполагавшемуся Соссюром пути» [1, с. 160, 164]. Кроме того, поскольку к моменту выхода в свет «Курса общей лингвистики» слушатели и коллеги Соссюра находились в добром здравии, нельзя было не считаться

с возможностью возражений с их стороны. Однако, насколько известно, последовали они со стороны историков науки значительно позже – во второй половине прошлого столетия, когда большинство людей, лично общавшихся с тем, от имени которого говорили составители и издатели книги, уже покинуло этот мир.

Никоим образом не претендуя на окончательное разрешение этого вопроса, позволим себе выдвинуть следующее соображение в качестве рабочей гипотезы. Как известно, предисловие Ш. Балли и А. Сеше, которым предваряется собственно текст книги, начинается со следующих слов: «Сколько раз нам приходилось слышать из уст Фердинанда де Соссюра сетования на недостаточность принципов и методов той лингвистики, в сфере которой развивалось его дарование» [11, с. 85]. Вряд ли приходится сомневаться в том, что речь идёт именно о том, что в «Курсе общей лингвистики» именуется *лингвистикой языка*. Характеризуя её, учёный вполне мог использовать ту формулировку (или нечто, её напоминающее), которую Балли и Сеше сочли возможным включить в печатный текст в качестве собственно соссюровской мысли. Кстати, она немногим отличается от слов, которыми завершается глава о лингвистике языка и лингвистике речи и которые отнюдь не вызвали такой бурной реакции: «Можно в крайнем случае сохранить название лингвистики за обеими этими дисциплинами и говорить о лингвистике речи. Но её нельзя смешивать с лингвистикой в собственном смысле, с той лингвистикой, единственным объектом которой является язык» [11, с. 58]. Таким образом, приходится констатировать, что, несмотря на то внимание, которое уделялось в специальной литературе «соссюровскому вопросу», ряд связанных с ним моментов не получил однозначного решения и заслуживает дальнейшей разработки.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алпатов В.М. История лингвистических учений. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 368 с.
2. Березин Ф.М. Русское языкознание конца XIX – начала XX века. – М.: Наука, 1976. – 368 с.

3. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры [Электронный ресурс]. – URL: <http://justlife.narod.ru/gurevich/gurevich06.htm> (дата обращения: 14.09.2012).
4. Журавлев В.К. Занимательные диалоги о языкознании. – М.: КомКнига, 2010. – 208 с.
5. Кузнецов В.Г. Женевская лингвистическая школа: от Соссюра к структурализму. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 184 с.
6. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1997. – 287 с.
7. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. История науки языке. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 376 с.
8. Поливанов Е.Д. За марксистское языкознание. Сборник популярных лингвистических статей. – М.: Федерация, 1931. – 183 с.
9. Слюсарева Н.А. О заметках Ф. де Соссюра по общему языкознанию // Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. – М.: Прогресс, 1990. – 280 с.
10. Слюсарева Н.А. Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики. – М.: Едиториал УРСС, 2010. – 112 с.
11. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – 696 с.
12. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов // Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2008. – 1175 с.
13. Труды В.А. Богородицкого. Казанская лингвистическая школа (1875 – 1939 гг.) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kls.ksu.ru/bogor/works_bib_bogor.php?id=1&num=1000000 (дата обращения: 16.09.2012).
14. Холодович А.А. Ф. де Соссюр. Жизнь и труды // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – 696 с.
15. Холодович А.А. О «Курсе общей лингвистики Ф. де Соссюра // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – 696 с.
16. Якобсон Р.О. Значение лингвистических универсалий для языкознания // Звегинцев В.А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. Часть II. – М.: Просвещение, 1965. – 496 с.
17. Jakobson, R. The Kazan' School of Polish linguistics and its place in the international development of phonology. // R. Jakobson. Selected Writings. Vol. 2. The Hague: Mouton, 1971. – 752 p.
18. Koerner E.F.K. Ferdinand de Saussure. Origin and Development of his Linguistic Thought in Western Studies of Language. – Braunschweig: Vieweg, 1973. – 428 p.

УДК 81-114.4

Киосе М.И.

Институт языкознания РАН (г. Москва)

РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС НЕПРЯМЫХ НОМИНАТИВНЫХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТЕ

M. Kiöse

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow

REFERENTIAL STATUS OF INDIRECT NOMINALS IN THE TEXT

Аннотация. В статье выявлены логико-семантические особенности референциальной отнесённости не-прямых номинативных единиц в тексте. Рассмотрены типы референциального статуса не-прямых номинаций в тексте и факторы, влияющие на снятие референциальной неясности. Обоснована роль фокусного признака референта – объекта познания (концептуального референта) в создании не-прямой номинативной единицы. На основе логико-математических и дискурсивных концепций применительно к номинативным единицам описаны логические типы концептуальных референтов не-прямых номинаций.

Ключевые слова: не-прямая номинация в тексте, референция и референциальный статус, логические типы концептуальных референтов.

Abstract. The article represents a logical-semantic view on referential relations created by indirect nominal groups in the text. Various types of referential status of indirect nominals are analyzed to clarify the issue of resolving referential ambiguity (opacity) by means of textual and non-textual factors. The role of the indirect nomination referent - the cognitive object - and its focusing component is defined. Logical-mathematical and discourse theories contributed to developing the typology of indirect nomination referents.

Key words: indirect textual nomination, reference and referential status, referent types.

Референциальная отнесённость не-прямых номинативных единиц является проблемой, решение которой не представляется возможным в рамках исключительно семантических и прагматических подходов. Изучение отношений «референт – семантика – прямая / не-прямая номинация» подразумевает обращение к логико-философским, логико-семантическим и логико-математическим концепциям референции, само понимание которой является дискуссионной темой в разных научных парадигмах. В традиционных семантических концепциях (как и в логической семантике) референция понимается как “отношение между лингвистическими элементами и не-лингвистическим миром, в котором мы живём (the non-linguistic world of experience)” [14, с. 30]. В современных когнитивно-функциональных теориях понимание референции иное: референция осуществляется не по отношению к “реальным референтам окружающего мира, а их когнитивным проекциям (cognitive counterparts)... Таким образом, слова интерпретируются не относительно мира, а относительно наших знаний и верований о мире” [19, с. 37]. В когнитивно-дискурсивной парадигме, поэтому, рассматривается не объект окружающей действительности, а объект познания, концептуализируемый и категоризируемый мышлением с опорой на его семантику. Именно поэтому в дискурсивной семантике этот термин стал часто использоваться для обозначения кореферентных связей (см.: Р.С. Томлин, 1984 (“the syntax of reference, referential distance”) [18, с. 456]; Т. Сандерс и П. Маат, 2006 (“referential coherence”) [17, с. 592]). Мы, однако, в настоящей работе обращаемся не к кореферентным отношениям, а к референциальным в том понимании, которое прослеживается в когни-

тивных концепциях. Антропоцентрическое понимание референции и типов референциальных отношений, однако, не означает невозможность изучения обозначенных явлений логическими методами для установления референциальных отношений между объектом познания – **концептуальным референтом** – и его ментальными репрезентациями. Само содержание объекта познания как идеального объекта, результата проецирования сознания на окружающую действительность, может быть изучено, на наш взгляд, исключительно с помощью когнитивных методов. Выявление особенностей этих отношений в совокупности с изучением содержания когнитивного референта составляет логико-когнитивную основу последующего моделирования процессов кореференции прямых и не прямых текстовых номинаций.

Рассмотрим, каким образом наше сознание фиксирует когнитивный референт и выявим типы референциального статуса единиц не прямой номинации в тексте.

Как уже было отмечено, не прямая номинативная единица в тексте, выраженная анафорой, несёт большую функциональную нагрузку, выполняя, прежде всего, **семантическую и референциальную** функции. Перечисленные функции номинаций получили широкое освещение в традиционных и каузальных логико-семантических концепциях, начиная с Дж. С. Милля (рассматривающего исключительно референциальную функцию номинативных единиц), Б. Расселла, К. Доннеллана и Г. Фреге (описывающих как референциальную, так и семантическую функции номинативных единиц). О семантической функции референции говорит Н.Д. Арутюнова, называя её атрибутивной. Однако мы склонны разграничивать **семантическую и атрибутивную функции** референции на основе анализа именно единиц не прямой номинации как фокусирующих те или иные области референта. Понятие атрибуции рассматривается в логике для описания референта как объекта окружающей действительности, оно гораздо реже используется в когнитивно-функциональной семантике для описания

объекта познания (как пример, однако, можно привести работы Г.Л. Мерфи и Д.Л. Медина), поэтому в нашем исследовании, посвящённом разработке логико-когнитивного подхода к феномену референции не прямых номинаций мы будем использовать более традиционный термин **фокусный признак**, то есть тот “интеракциональный признак” [4, с. 78], который помогает обнаружить место концептуального референта в структуре нашего опыта и структуре создаваемого текста. Таким образом, семантическую функцию референции, вслед за Б. Расселлом, Дж. Сёрлем, У. Куайном, Г. Фреге, Р. Карнапом, мы понимаем как выражение экстенциональных свойств, в то время как **фокусную** функцию референции (описываемую Н.Д. Арутюновой) – как **выражение интенциональных свойств** (термины Р. Карнапа, анализирующего не имена (как Г. Фреге и Дж. Сёрль), а предикаты). Фокусный признак В.ф. Гумбольдт назвал внутренней формой слова (как обозначение, модифицирующее понятийное выражение [3, с. 92]), а А.А. Потебня – дальнейшим значением [7, с. 8] на фоне ближайшего. В этой связи актуально и замечание В.Г. Гака о разноаспектных номинациях, номинирующих один референт, т. е. номинациях, высвечивающих различные признаки референта либо посредством генерализации (*зверь* вместо *медведь*), либо посредством разного переноса (*косопланный* вместо *медведь*) [2, с. 245].

Особую сложность представляют случаи референциальной неясности, референциального и фокусного сдвигов применительно к единицам не прямой номинации в тексте. Существование этой проблемы объясняется особым референциальным статусом единиц не прямой номинации. Для установления референциальных отношений, создаваемых единицами не прямой номинации, представляется необходимым рассмотреть **типы референциального статуса** единиц не прямой номинации.

Как мы уже упоминали, в философской логике категория референции подразумевает введение “принципа предметности, опира-

ющегося на предпосылку существования... и составляет одно из условий истинности оценки суждения” [1, с. 179]. Истинность (**truth-value**), **центральное понятие референциальной** пропозициональной логики, представляется достаточно важной категорией, которая позволяет анализировать типы референциальных сдвигов при использовании одной номинативной единицы для установления различных референциальных отношений. Также нужно отметить, что существование или не-существование объекта познания и выявление семантико-синтаксических особенностей предложения, реализующих эту категорию, выводят на первый план проблему изучения вымышленных миров (*possible worlds* или *possible states of the world* (термин Ш. Крипке)). При анализе номинации *Священная Римская Империя* Ш. Крипке отмечает, что в действительности этот референт не является ни священным, ни Римским, ни империей (к подобному выводу приходит Ш. Крипке и при анализе номинации *Организация Объединённых Наций*) [12, с. 26]. Однако этот пример убедительно доказывает, что даже в основе категории истинности лежит опять-таки категория когнитивной ценности, о которой Г. Фреге говорил, что “существование – это свойство концептов [а не свойство объектов]” [10, с. 184]. Речь идёт о способах познания объекта через его свойства (у Г. Фреге) или функции (у Б. Рассела), которые в случае их фиксирования в тексте номинативными единицами прямого или непрямого характера выступают в качестве фокусных компонентов их ментальных пространств.

Изучение текстовых способов актуализации фокусных отношений единиц прямой и непрямой номинации убедительно доказывает, что тип референциального статуса [6, с. 87] в высказывании определяет способ дальнейшего установления кореферентных отношений между текстовыми единицами прямой и непрямой номинации. В рамках логико-семантического подхода к пониманию сущности референции разработано множество гипотез по установлению референциального статуса (можно привести ключевые

концепции референции, описанные в терминах: *modes of reference* [9, с. 69] Г. Фреге; *types of descriptions* [16, с. 43] – у Б. Рассела (за ним у Дж. Сёрля и К. Доннеллиана); *phases of reference* [16, с. 106] – у У. Куайна; вид/ тип референции [1, с. 204] в работах Н.Д. Арутюновой, *activation states* [8, с. 69] – у У. Чейфа). В основе некоторых из названных концепций лежат семантические характеристики самого референта (например, у У. Куайна это рассмотрение абсолютных общих термов, общих термов, термов-кластеров (*mass production of general terms*). экстраполированных термов), в основе других – семантические особенности отношений номинации и референта (Е.В. Падучева). Наиболее общей, обстоятельной и разработанной, применительно к номинативным группам, является типология Е.В. Падучевой, в которой она описывает три типа референциального статуса: определённый (однозначная референциальная отнесённость), слабоопределённый (неоднозначная референциальная отнесённость) и неопределённый (невозможность определения референциальной отнесённости) [8, с. 87].

Мы полагаем, что для непрямы анафорических номинаций, которым в тексте предшествует антецедент (прямой порядок следования в тексте), характерен **слабоопределённый референциальный статус**, так как для установления референциальных отношений, помимо контекстуальных и фоновых факторов, необходимо задействовать тезаурусные факторы, которые содержат знания об особенностях содержания сближаемых с помощью когнитивных механизмов доменов.

Для непрямы анафорических номинаций, которым антецедент не предшествует (непрямой порядок следования в тексте) или когда антецедент отсутствует в тексте, характерен **неопределённый референциальный статус**, который может быть установлен только при дальнейшем развёртывании повествования текста.

Рассмотрим следующие примеры:

– *Joe hasn't drawn in his textbook ever since... And who knows, I may have encouraged a **budding Picasso*** (A. Faber, E. Mazlish). В данном

примере реализована непрямая номинативная конструкция “*a budding Picasso*”, следующая за антецедентом. Контекстуальных и фоновых недостаточно для установления фокусирующего признака когнитивного референта непрямого номинативной единицы *a budding Picasso*. Необходимо привлечение тезаурусных знаний (в данном случае, о художнике и особенностях его таланта). Перед нами – пример слабоопределённого референциального статуса непрямого номинации.

– *А в ней – вот главное! – драгоценный пассажир в золотой шапочке! Отвязал Колька баночку, от избытка чувств поцеловал ее в золотую макушку.* (А. Приставкин). Этот пример иллюстрирует проявление неопределённого статуса непрямого номинации в случае реверсивного порядка антецедента и анафоры. Для установления референции адресату необходимы контекстуальные индикаторы, которые устранят неясность. В данном случае неясность устраняется посредством использования последующей прямой номинации и поддерживающего контекста *золотая макушка*).

Однако нередки случаи отсутствия прямой номинации в тексте, что затрудняет установление референциальных отношений единиц непрямого номинации. Например:

– *There are two things in this world at which I happen to know I excel. One is driving an automobile and the other is you-know-what. So to have him sit here and tell me I didn't know how to behave with my own wife was a monstrous piece of effrontery* (R. Dahl). Для установления референции необходимо задействовать фоновые знания, которые при отсутствии прямой номинации в последующем тексте (как в данном примере) помогут адресату устранить неясность. Эти фоновые компоненты автор текста актуализирует, разворачивая их в последующем описании ситуации. Необходимо также отметить, что непрягая номинация, используемая автором текста в данном примере, выполняет те же функции (в данном случае функцию намека), что и так называемые десемантизированные номинации (*shell words*) или неопределённые местоимения.

Таким образом, слабый или неопределённый референциальный статус непрямого номинации обусловлен её положением в тексте относительно антецедента и необходимостью задействования контекстуальных, фоновых, тезаурусных факторов для устранения референциальной неясности.

Необходимо отметить, что именно наличие неопределённого или слабоопределённого референциального статуса у непрямого номинативных единиц создаёт ситуацию возможности *референциального сдвига* последующим текстом, т. е. смены когнитивных референтов одной номинативной единицы (при наличии у слова прямого и непрямого значения) в ходе развёртывания текста; явления, лежащего в основе таких проявлений, как каламбур, подразумевающего “игру смыслов” [5, с. 83]. Референциальный сдвиг реализуется посредством фокусировки в ходе развёртывания ситуации новых признаков, которые не лежат в области семантики референта непрямого наименования. Например:

– *Ты хоть Фадеева читал?*

– *Как я мог читать Фадеева, если это посёлок?* (М. Задорнов)

Непрямое наименование, реализующее единицу “Фадеев” в первом высказывании (автор – произведения автора), становится прямым в ответной реплике (название посёлка). Подобные референциальные сдвиги актуализируются с помощью контекстуальной смены фокуса когнитивного референта с последующей сменой референта, как не имеющего в своей семантике этих компонентов.

Однако заметим, что гораздо чаще референциальный сдвиг, создающий комический эффект, используется адресантом для актуализации разных значений полисемантического слова.

Далее рассмотрим *логические типы концептуальных референтов*, которые получают манифестацию в тексте в виде единиц непрямого номинации. Логико-философские и логико-семантические теории выделяют лишь идеальные и материальные объекты в качестве референтов, нас же интересуют объекты познания, которые в результате концеп-

туализации, категоризации и манифестации в дискурсе могут быть переданы в тексте непрямыми номинативными единицами (как мы уже отмечали, семантика референтов – объектов познания – может быть описана когнитивными методами, однако логические методы необходимы для выявления логических категорий когнитивной референции). Поэтому при исследовании типов концептуальных референтов непрямого номинации в тексте мы опирались, прежде всего, не на логико-философские, а на логико-математические теории, в которых анализ типов референциальной отнесённости проводится на основе разрабатываемых дискурсивных моделей фрагментов текста.

Рассмотрим логические типы референций непрямого номинации с опорой на логические теории множеств (в которых рассматриваются как единичные, так и множественные объекты), которые получают своё развитие и в дискурсивных теориях применительно к номинативным единицам. Особый интерес для нас представляют положения теории репрезентации дискурса (*Discourse representation theory*) Г. Кампа и Ю. Рейля, в которых за основу взяты концепции множеств Цермело-Френкеля (ZF) (дополненная К. Гёделем и П. Бернейсом) и Г. Линка (т. н. *Lattice theories*). В рамках этих теорий обосновано существование как предметных (единичные и коллективные референты), так и когнитивных референтов (неисчисляемые референты, а также генерализованные референты, которые в терминах Г. Линка обозначены как *non-atomic entities* [13, с. 129-130], в терминах FZ – как *mixed sets* (например, *мебель*) [11, с. 398].

Мы, однако, будем рассматривать все типы референтов как концептуальные, в которых логические отношения определяются именно когнитивным контекстом.

По результатам текстового анализа можно выявить следующие **типы концептуальных референтов непрямого текстового номинации**:

1. В рамках категории «**единичное-множественное**»:

– **единичные референты** – это подавляющее большинство концептуальных референ-

тов непрямого номинации, что мы объясняем именно индивидуализирующей функцией непрямого номинации;

– **коллективные референты** – вторая большая группа концептуальных референтов, фокусирование некоторого признака которых выполняет функцию их объединения и отграничения от других коллективных референтов;

– **неисчисляемые референты** – концептуальные референты, которые могут быть проецированы на конкретный объект только с помощью когнитивных механизмов непрямого номинации.

2. В рамках категории «**генерализация-субординация**»:

– **генерализованные референты** – большая группа концептуальных референтов; когнитивные проекции в данном случае устанавливаются механизмами перекатегоризации (более высокий уровень категоризации);

– **субординированные референты** – группа концептуальных референтов, также являющихся результатом активизации когнитивного механизма перекатегоризации (более специфический уровень категоризации);

– **одноуровневые референты** – группа концептуальных референтов, являющихся результатом интер-доменной проекции с сохранением уровня категоризации.

Рассмотрим некоторые примеры:

Он был безымянным рыцарем. Его же звали просто Вася, и это имя не подходило для рыцаря (Ю. Яковлев). Номинация *безымянный рыцарь* актуализирует **единичный одноуровневый референт**.

The existence of an exile did not make for simplicity – so many documents, so many visits to government offices (G. Greene). Номинация *simplicity* актуализирует **неисчисляемый генерализованный референт**.

И оттуда, из глубины, всё выходили и выходили серо-зелёные фигуры, с автоматами наизготовку (Б. Васильев). Номинация *серо-зелёные фигуры* актуализирует **коллективный субординированный референт**.

Описанные типы концептуальных референтов непрямого текстового номинации позволяют увидеть направления кореферентных

проекций прямых и непрямых номинаций в тексте и разработать когнитивные механизмы этих проекций на основе когнитивного содержания этих референтов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арутюнова Н.Д. Элементы теории референции // Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы / АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1976. – 383 с.
2. Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация: Общие вопросы. – М., 1977. – С. 230-293.
3. Демьянков В.З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. – 172 с.
4. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. Книга 1: Разум вне машины / Пер. с англ. И.Б. Шатуновского. – М.: Гнозис, 2011. – 512 с.
5. Никитина С.Е., Васильева Н.В. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. – М., 1996. – 172 с.
6. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносённость с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. – Изд. 5-е, испр. – М.: ЛКИ, 2008. – 296 с.
7. Потенба А.А. Из записок по русской грамматике: Том I-II. – М.: Учпедгиз, 1958. – 536 с.
8. Chafe W. Discourse, consciousness and time: The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing. – Chicago University Press, 1994. – 328 p.
9. Frege G. On Sense and reference // Translations from the philosophical writings of Gottlob Frege. – Oxford: Basil Blackwell, 1952. – P. 56-78.
10. Frege G. On Concept and object // Collected Papers on Mathematics, Logic, and Philosophy, B. McGuinness (ed.). – Oxford: Basil Blackwell, 1984. – P. 182-194.
11. Kamp H., Reyle U. From Discourse to logic. – Kluwer Academic Publishers, Dordrecht; Boston; London, 1993. – 713 p.
12. Kripke S.A. Naming and necessity. – Oxford: Basil Blackwell, 1980. – 174 p.
13. Link G. The logical analysis of plurals and mass terms. A lattice-theoretical approach // Meaning, use and the interpretation of language / ed. R. Bauerle, etc. – Pertner and Partee, 2002. – P. 127-146.
14. Palmer F.R. Semantics: A new outline. – Cambridge University Press, 1976. – 166 p.
15. Quine W.v.O. The Ontogenesis of Reference // Word and Object. – The Massachusetts Institute of Technology, the USA, 1960. – 296 p.
16. Russell B. On Denoting// Logic and knowledge. – London, 1956. – P. 41-56.
17. Sanders T., Pander Maat H. Cohesion and coherence: Linguistic approaches// Brown K. et al. Encyclopedia of language and linguistics. – Vol. 2. – P. 591-595.
18. Tomlin R.S. Linguistic reflections of cognitive events // Coherence and grounding in discourse. – John Benjamins publishing company, 1987. – P. 455-479.
19. Van Dijk T.A. Issues in Functional discourse analysis // Liber Amicorum for Simon Dik. – Dordrecht: Foris, 1990. – P. 27-46.

УДК 811.111'34

Сейранян М.Ю.

Московский педагогический государственный университет

РОЛЬ ПРОСОДИИ В РЕАЛИЗАЦИИ КОНФЛИКТНОГО ДИСКУРСА

M. Seyranyan

Moscow State Pedagogical University

THE ROLE OF PROSODY IN CONFLICT DISCOURSE

Аннотация. Исследование специфики конфликтного дискурса предполагает применение комплексного подхода на стыке таких дисциплин, как конфликтология, антропология, социо- и прагмалингвистика, а также анализ дискурса т. д. Цель данной статьи состоит в определении роли просодии в реализации конфликтного дискурса. Изучая интонационный аспект звучащего сообщения, мы, по сути дела, решаем две задачи: получаем представление о том, какие просодические средства отражают конфликтное состояние индивида, т. е. как человек осуществляет выбор просодических средств в состоянии конфликта, и о способности определённой интонационной реализации речи провоцировать конфликт.

Ключевые слова: конфликтный дискурс, просодический маркер, контекстуализация, речевое поведение, прагматический аспект, междисциплинарный подход.

Abstract. Merging the time-tested and new concepts of conflict theory, pragmatics, sociology, psychology, linguistics and discourse analysis helps us manage a welter of information on external and internal aspects of conflict. Viewed from the multidisciplinary perspective conflict is regarded as an ongoing product in a social event and prosody as providing resources for the goals accomplishment. The findings of the study show that prosodic means as contextualizing cues could both signal and lead to non-compliant behavior of the participants.

Key words: conflict discourse, prosodic marker, contextualization, speech act, pragmatic aspect, multidisciplinary approach.

На сегодняшний день актуально встал вопрос о месте просодии в системе конфликтной коммуникации, о её взаимодействии с другими языковыми уровнями, о роли просодии в создании и восприятии конфликтного дискурса. Отметим, что в данном случае просодия выступает в двух ипостасях: как конфликтоген и как маркер конфликтогенов, выраженных средствами других языковых уровней. При этом сложным и неоднозначным остаётся вопрос о дифференциации собственно функций просодии, в частности определение общих, первичных и частных, вторичных функций просодии. По словам Ю.А. Дубовского, «теоретически интонации можно приписать любую функцию организации и функционирования высказывания. Но при этом надо иметь в виду, какие функции она выполняет самостоятельно, а какие – вспомогательно» [3, с. 100]. Дэвид Кристал указывает на самостоятельность функции просодической системы в организации содержательной стороны высказывания, подчёркивая при этом важность принципов сочетаемости просодических параметров [11].

Очевидно, что выбор того или иного подхода к описанию просодии и выделению её функций определяется конкретными целями и задачами исследования. Более того, все научные направления, занимающиеся изучением текстовой просодии, тесно переплетаются и направлены на выявление определённых закономерностей в просодическом варьировании на текстовом уровне. В каждом из этих направлений предлагаются различные модели просодической структуры текста. В качестве примеров можно выделить когнитивные, пропозитивные и формальные модели (А. Wichmann), инвариантные модели – актуализаторы смысловых отношений (Р.М. Тихонова).

Принципиальное отличие этих и других моделей, как справедливо отмечает Е.Л. Фрейдина, обусловлены следующими факторами: одни авторы рассматривают звучащий текст статично, другие изучают его в динамике (как на уровне порождения, так и на уровне восприятия). Кроме того, анализу могут подвергаться просодические характеристики либо отдельных единиц текста, либо целого текста [15, с. 179].

Анализируя исследования функционального аспекта текстовой просодии в рамках коммуникативного и прагматического подходов, можно сделать вывод о том, что в фокусе внимания исследователей находится использование интонации в естественной звучащей речи, влияние просодического оформления на смысл всего высказывания, помещённого в контекст реальной речевой коммуникации. Поиск ответа на вопрос, «что происходит во время взаимодействия и что имеют в виду люди, когда говорят» [19, с. 23], подразумевает выявление «контекстных факторов, влияющих на выбор говорящим просодических средств» [11, с. 233]. В подобном ключе просодия выступает как средство контекстуализации, или материализации звучащей речи. Подтверждение этому находим в работах Р.К. Потаповой, которая демонстрирует, что при реконструкции последовательности реплик стимулов и реплик реакций в диалоге опорными являются интегративное смысловое содержание высказывания и просодические характеристики – мелодика и ударение. К подобному выводу приходит и Е. Купер-Кулен, постулируя тем самым значимость интерактивной просодии как маркера коммуникативного намерения участника дискурса [14]. В связи с этим интересными представляются некоторые выводы, полученные в исследованиях в области интеракционной лингвистики (фонетики):

1) использование фонетических средств тесно взаимосвязано с интерактивной речевой деятельностью;

2) системные различия фонетических характеристик могут быть зафиксированы как в пределах одного речевого сигнала, так и целого высказывания;

3) компоненты речевого поведения участников дискурса полифункциональны;

4) фонетические данные одновременно предоставляют информацию о прагматическом, грамматическом и интерактивном аспекте дискурса.

Изучение просодии в данном ракурсе позволяет выявить в ходе исследования зависимость просодического оформления звучащего текста от типа и динамики дискурса. Коррелятом подобной контекстуализации выступает стилизация – ситуативно обусловленный выбор языковых средств, снабжающих текст коннотациями, необходимыми для адекватной передачи ситуации в конкретных условиях общения [1, с. 133].

Таким образом, к настоящему моменту в результате усилий исследователей достаточно подробное освещение получили следующие аспекты: роль просодии в формировании смысловой структуры текста, роль просодии в реализации функции воздействия, стилеобразующая функция просодии, взаимодействие просодии с лексико-грамматическими средствами. Следует отметить, что характерной особенностью современных исследований является перемещение интереса с фразовой просодии на просодию связного текста, а также переход от анализа смоделированных фраз к анализу естественной речи. Данные изменения обуславливают применение междисциплинарного (комплексного) подхода к изучению просодии звучащего текста в контексте дискурс-анализа и теории текста.

Представляется, что подобный ракурс исследования является продуктивным для анализа функционирования просодических единиц в конфликтном дискурсе.

Ввиду того, что в данной статье качестве примера конфликтного дискурса выступает политический дискурс, следует подробнее остановиться на некоторых просодических особенностях последнего. Очевидно, что звучащий политический текст характеризуется определённым набором просодических характеристик, которые выделяют его среди других видов устно-речевого дискурса. Это выражается в той роли, которую играет про-

содия в осуществлении основной цели политического дискурса – воздействие на аудиторию с целью присоединения к своей точке зрения, изменения точки зрения и идеологических установок аудитории. Помимо этого, следует отметить особенности мелодического и ритмического оформления, а также роль просодических средств в формировании информациональной значимости звучащей речи посредством членения высказывания на фокус и фон.

Как утверждает Л.В. Постникова, просодия политического дискурса является «чутким и тонким индикатором риторических приёмов воздействия, соответствующих заданной коммуникативной ситуации и имеющейся языковой личности, осуществляющей коммуникацию» [7].

Одним из основных факторов речевого воздействия является фразовая акцентуация. Выделительные акценты могут располагаться на любом слове в высказывании, в зависимости от его коммуникативной значимости [5; 6]. Помимо этого, важную роль в реализации политического дискурса играет мелодическое и ритмическое оформление, а именно широкий диапазон модуляций и гибкость голоса [10; 13].

Доказано, что в ходе коммуникации, при восприятии звучащего дискурса слушающий реагирует на ритмические и интонационно-паузальные решения говорящего, что позволяет ему ориентироваться в самом процессе создания дискурса (Кривнова О.Ф. 2001, Углова Н.Г. 2010).

Таким образом, обобщая вышеизложенное, мы можем сформулировать основные постулаты дискурсного подхода к изучению просодии конфликтного дискурса.

1. Важной характеристикой языка является его встроенность в контекст ситуации общения. Следовательно, просодические средства (как и лексико-грамматические) ситуативно обусловлены. Просодия, как неотъемлемый компонент общения, является проявлением мотивированной (и немотивированной) активности, направленной на установление и поддержание контакта, обмен

информацией, эмоциональное воздействие, и т. п.

2. Просодия детерминирована культурой. Поскольку любое взаимодействие встроено в культурный контекст, можно говорить о том, что культура задаёт стандарты речевого поведения (в том числе и конфликтного взаимодействия) в целом и просодического варьирования в частности.

3. Интерпретация просодической организации строится на основе ситуативно-культурного толкования, в основе которого лежит целостное восприятие, с учётом пропозиции и постпозиции актуального высказывания.

4. Просодия лабильна. Подразумевается гибкость просодических средств, модификация в ходе естественного общения (переключение кода, вариативность, обусловленная целым набором факторов).

5. Просодические средства проявляются в определённом формате общения и конкретизируются в виде определённых стилей.

6. Просодические средства оформления конфликтного взаимодействия предполагают множественную интерпретацию. В данном контексте уместно говорить о стандартном и нестандартном использовании просодии, обуславливающих реализацию дополнительных смыслов.

7. Просодия характеризуется рациональным и эмоциональным содержанием. Здесь мы подчёркиваем способность просодии воздействовать на рациональную и эмоциональную деятельность человека, отражать эмоциональное состояние индивида.

8. Просодические модели в исследованиях основаны на учёте таких параметров, как личность, дискурс, концепт. Учёт личности отражает свойственный лингвистике антропоцентризм. Концепт – продолжение исследований в русле когнитивной лингвистики, моделирование дискурса и т. д.

Представляется, что одним из коммуникативно-функциональных предназначений просодических единиц является маркирование конфликтного дискурса. Изучая интонационную составляющую звучащего сообщения, мы, по сути дела, решаем две задачи:

получаем представление о том, какие просодические средства отражают конфликтное состояние индивида, т. е. как человек осуществляет выбор просодических средств в состоянии конфликта, и о способности определённой интонационной реализации речи провоцировать конфликт.

Известно, что факт актуализации / неактуализации тех свойств языкового знака, которые создают ситуацию риска, почву для коммуникативных конфликтов, зависит от контекста, (прагматического, личностного, социокультурного и т. п.), который «создаёт структуру предпочтений, а последняя создаёт новый контекст» [17]. Иными словами, контекстуальная обусловленность вербальной экспликации подразумевает, что выбор говорящим средств и способов достижения коммуникативных целей, с одной стороны, ограничен рамками актуального контекста, с другой, может варьироваться в зависимости от него.

Отправной точкой для нас послужили ранее установленные результаты о том, что просодические характеристики являются доминирующими при дифференциации реплик поддержки на аффилятивные и конфронтативные [14; 18; 19]. Так, восходящий тон сигнализирует о поддержке активного говорящего и маркирует данные реплики как сигналы обратной связи. Низкий нисходящий тон, напротив, придаёт данным репликам конфронтативный характер, выступает сигналом смены темы и/или захвата роли.

Подобным образом можно соотнести кооперативные и конфронтативные перебивы, когда просодия усиливает действие лексико-грамматического контекста или восполняет его отсутствие. Сопоставляя голосовые регистры участников интеракции, исследователи пришли к выводу, что абсолютное их совпадение (имитация) при переспросах, косвенной речи, ссылок на высказывание третьего лица создают негативный эффект и воспринимаются адресатом как мимикрия, или насмешка, что ещё раз подчёркивает постулат об индивидуальном характере интонации. Функцию поддержки активного

говорящего выполняет относительное (естественное) совпадение нижнего и верхнего регистров. Рассматривая просодию через призму семантической функции, О.А. Мейер констатирует, что мелодические, темпоральные и динамические характеристики высказывания являются сигналами интерактивной установки говорящего (конфликтной и кооперативной). В данном контексте уместно говорить, по мнению автора, о реализации риторической функции [4, с. 170].

Результаты исследования просодических средств реализации вежливости/невежливости в конфликтном диалоге показали, что основными в данном случае являются темп, мелодика, тембр. При этом главными при реализации вежливости являются темпоральные изменения, а приоритетными для реализации невежливости – мелодические. В свою очередь американские исследователи конфликтного взаимодействия указывают на приоритетную роль тонального диапазона и мелодического контура как маркеров конфликтного дискурса [16].

Следует отметить, что изучение просодии как средства контекстуализации (или средства стилизации) конфликтного дискурса предполагает включение в сферу рассмотрения следующих вопросов:

- роль просодических средств в реализации коммуникативного намерения говорящего;
- роль просодии в обеспечении динамики конфликтного дискурса, способность просодии выступать в качестве сигнала фазы конфликта (зарождение, развитие, пик и спад);
- просодическая составляющая коммуникативной стратегичности;
- способность просодии выступать в качестве конфликтогена, причины конфликта;
- зависимость просодической реализации от жанрового своеобразия конфликтного дискурса;
- роль просодических средств в дифференциации конфликтов на конструктивные и деструктивные;
- просодические маркеры конфликтного стиля поведения;

– роль просодии в маркировании «чужого слова»;

– взаимодействие просодических средств с лексико-грамматическими средствами.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка. – М.: Высшая школа, 2000. – 350 с.
2. Водак Р. Язык, дискурс политика. – Волгоград.: Перемена, 1997. – 139 с.
3. Дубовский Ю.А. Просодические контрасты в языке. – Симферополь: СГУ, 1983. – 194 с.
4. Мейер О.А. Риторическое размножение акцентов // Проблема фонетики. – Выпуск 4. – М., 2002. – С. 169-181.
5. Надеина Т.М. Просодическая организация речи как фактор речевого воздействия: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 2004. – 50 с.
6. Николаева Т.М. Семантика акцентного выделения. 3-е изд. – М.: Книжный дом «Либроком» / URSS, 2010. – 104 с.
7. Постникова Л.В. Просодия политического дискурса в британской и американской лингвокультурах. – М: Книжный дом «Либроком», 2011. – 250 с.
8. Потапова Р.К. Коннотативная паралингвистика. – М.: Триада, 1998. – 67 с.
9. Соколова М.А. и др. Теоретическая фонетика английского языка. – М.: Высшая школа, 1994. – 240 с.
10. Сопер Поль Л. Основы искусства речи. – М.: Яхтсмен, 1995. – 416 с.
11. Фрейдина Е.Л. Контекстные факторы и стилевая вариативность звучащей речи // Сборник материалов научной сессии МПГУ. – М.: Прометей, 2011. – 250 с.
12. Фрейдина Е.Л. Некоторые подходы к изучению просодии звучащего текста // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики: сборник научных трудов. – Выпуск 6. – М.: Прометей, 2007. – 200 с.
13. Фрейдина Е.Л. Риторическая функция просодии (на материале британской академической публичной речи): автореф. дис.... докт. филол. наук. – М., 2005. – 40 с.
14. Couper-Kuhlen E. and Selting M. *Studies in Interactional Linguistics*. – Amsterdam; Philadelphia, 2001. – 200 p.
15. Crystal D. *The encyclopedia of the English language*. – Cambridge, 1998. – 480 p.
16. Fisher R., Ury W. *Getting to yes: Negotiating agreement without giving in*. – Penguin Group, 1981. – 230 p.
17. Kotthoff H. Disagreement and concession in disputes: on the context sensitivity of preference structures // *Cambridge journal*, 1993. – № 22. – P. 193-216.
18. Local J. Variable domains and variable relevance: interpreting phonetic exponents // *Journal of Phonetics*, Vol. 31. – 2003. – 170 p.
19. Wichmann A. *Intonation in text and discourse*. – Pearson Education Limited, 2000. – 164 p.

УДК 811.111

Хомутский К.И.

*Национальный исследовательский университет -
Высшая школа экономики (г. Москва)*

ТЕМПОРАЛЬНЫЙ ПЛАН РЕПРЕЗЕНТАТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

K. Khomutskiy

National Research University - Higher School of Economics, Moscow

TEMPORAL PLANE OF REPRESENTATIVE SPEECH ACTS

Аннотация. В статье рассматриваются видо-временные формы пропозиции перформативных глаголов (*guess, confess, assume*) в репрезентативных речевых актах. Автор анализирует аспектуальные формы данных глаголов, выделяя претеритальную, презентную и футуральную темпоральную перспективы высказываний. Кроме того, в статье выделяются основные синтаксические структуры репрезентативных речевых актов и типы сказуемого в их пропозиции. Материалом исследования послужили произведения художественной литературы XX-XXI вв. **англоязычных авторов:** Дж. Апдайк, Д. Брауна, Дж. Гришема, Н. Новик, Ч. Паланика, Ш. Харрис и других. В ходе анализа было выделено 840 контекстных употреблений репрезентативных речевых актов.

Ключевые слова: речевые акты, перформативность, темпоральность, пропозиция, видо-временные формы, репрезентативы.

Abstract. The article deals with aspectual verbal forms of performative verbs (*guess, confess, assume*) in the proposition of representative utterances. The author analyzes the aspectual forms of these verbs, defining them as preterital, presential and futural. The main syntactical structures of representative speech acts and the types of predicate in propositions of this type of utterances are described in the article. Works of modern English writers J. Updike, D. Brown, J. Grisham, N. Novik, Ch. Palahniuk, Ch. Harris and others have been analyzed, and 840 examples of contextual usage of representative speech acts have been singled out.

Key words: performativity, temporality, proposition, aspectual forms, representatives.

Человек, как правило, говорит не ради самого процесса говорения: не для того, чтобы насладиться звуками собственного голоса, не для того, чтобы составить из слов предложение и даже не для того, чтобы просто упомянуть в предложении какие-то объекты и приписать им те или иные свойства. В процессе говорения человек одновременно совершает ещё и некоторое действие, имеющее какую-то внеязыковую цель: он спрашивает или отвечает, информирует, уверяет или предупреждает, назначает кого-то кем-то, критикует кого-то за что-то и т. п. Человек не просто произносит грамматически правильные, семантически значимые и фонетически безошибочные предложения, а совершает речевые действия. Следовательно, основными единицами речевой коммуникации являются не слова, не словосочетания и не предложения, а речевые акты, основывающиеся на интенции и подкреплённые системой правил.

В первой половине XX в. языкознание в течение довольно длительного периода было сосредоточено на изучении одной из двух диалектически взаимосвязанных сторон языка – языковой системе. Но, начиная со второй половины 60-х гг., центр внимания лингвистов переносится на вторую сторону этого диалектического единства – речевую деятельность и её продукт – связный текст, дискурс [1, с. 10].

Интерес исследователей к речевой деятельности человека дал начало новой теории в языкознании – теории речевых актов, основоположниками которой по праву считаются

Дж. Остин и Дж. Сёрль. Позже разработкой данной теории занимались и другие видные зарубежные и отечественные учёные (З. Вендлер, П. Грайс, Дж.Т. Фрейзер, Э. Кошмидер, Д. Вундерлих, Н.Д. Арутюнова, В.Г. Гак, Е.В. Падучева, Г.Г. Почепцов, И.П. Сусов).

Наиболее точное определение теории речевых актов даёт И.М. Кобозева: «Данная теория – это логико-философское по исходным интересам и лингвистическое по результатам учение о строении элементарной единицы речевого общения – речевого акта» [1, с. 12]. В свою очередь, речевой акт определяется как «целенаправленное речевое действие, совершенное в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе. Основными чертами речевого акта являются намеренность, целеустремлённость, конвенциальность. Речевой акт всегда соотносён с лицом говорящего. Последовательность речевого акта создаёт дискурс» [5, с. 412-413].

По Дж. Остину, выполнить речевой акт – значит произнести членораздельные звуки, принадлежащие общепринятому языковому коду; построить высказывания из слов данного языка по правилам его грамматики; снабдить высказывание смыслом и референцией, т. е. соотнести его с действительностью, осуществив речение (англ. *Locution*); придать речению целенаправленность, превращающую его в иллокутивный акт (англ. *Illocutionary act*, т. е. «выражение коммуникативной цели в ходе произнесения некоторого высказывания» – термин Дж. Остина); вызвать искомые последствия (англ. *Perlocution*), т. е. воздействовать на сознание или поведение адресата, создать новую ситуацию (например, объявление войны) [3, с. 103].

Следует отметить, что наибольший интерес у лингвистов вызывает иллокутивный акт, так как именно он связывает информацию, заложенную в речевом акте, с коммуникативной целью высказывания. Иллокутивный акт нераздельно связан с понятием иллокутивной функции, или иллокутивной силы высказывания (*illocutory forces*), т. е. с той целью, которую преследует говорящий.

Знание иллокутивной силы высказывания равносильно знанию того, какой иллокутивный акт, если такой вообще имел место, был реально осуществлён при произнесении этого высказывания.

Несмотря на то, что главным номинатором речевого акта является перформативный глагол, который способен обозначать явления и процессы реальной действительности, а следовательно, и сами действия, именно иллокутивная цель высказывания является основой при классификации речевых актов. Иллокутивная цель – это главная часть иллокутивной силы, но она не исчерпывает её. Так, иллокутивная цель просьб и приказаний совпадает: они представляют собой попытку побудить слушающего что-то сделать. Иллокутивные же силы у них различаются.

Выделение репрезентативов как отдельного класса речевых актов с перформативными глаголами произошло не сразу. В классификации Дж. Остина имеются два схожих класса речевых актов – вердиктивы и экспозитивы.

Дж. Сёрль подверг критике выделение двух этих классов речевых актов. Он считает, что в классификации Дж. Остина многие глаголы (например, *affirm, deny, describe, state*) относятся к пограничным случаям употребления в речевых актах и могут рассматриваться и как вердиктивы, и как экспозитивы. Дж. Сёрль объясняет это отсутствием у Дж. Остина чётко сформулированного принципа классификации и смешением понятий «иллокутивный глагол» и «иллокутивный акт».

В своей таксономии Дж. Сёрль выделяет класс репрезентативов, помещая туда речевые акты с перформативными глаголами, которые Дж. Остин относил то к вердиктивам, то к экспозитивам. «Признав, что репрезентативы образуют совершенно отдельный класс, основанный на понятии иллокутивной цели, мы легко объясним существование огромного числа перформативных глаголов, обозначающих иллокуции, таких, которые укладываются в противопоставление «истинно-ложно», но при этом не являются просто

«утверждениями»: они будут толковаться как глаголы, указывающие на такие признаки иллюкутивной силы, которые являются дополнительными к свойству иллюкутивной цели» [4, с. 181].

Иллюкутивная цель репрезентативов состоит в том, чтобы зафиксировать ответственность говорящего за сообщение о некотором положении дел, т. е. за истинность выражаемого суждения. Репрезентативы могут оцениваться по шкале: «истина – ложь». Для них характерно приспособление слов к реальности, а выражаемым ими психологическим состоянием является убеждение. При этом пропозициональное содержание репрезентативов ничем не ограничено. Репрезентативы могут выражать:

- сообщение (Ср.: *Экзамен по химии назначен на второе июня*);
- осуждение (Ср.: *Вы поступаете неправильно*);
- прогнозирование (Ср.: *Этот конфликт перерастёт в полномасштабную войну*);
- квалификацию (Ср.: *Такие действия являются грубым нарушением устава*);
- признание (Ср.: *Я тебя всё это время обманывал*);
- описание (Ср.: *Дом расположен на вершине холма и окружён великолепным садом*).

В данной статье рассматриваются эксплицитные, или классические, перформативные конструкции, т. е. высказывания, соответствующие следующей формуле: **I verb (perform. 1st pers., Present Indef., Indic., Active) you + p**, где *p* – пропозиция. «Пропозиция – семантический инвариант, общий для всех членов модальной и коммуникативной парадигм предложений и производных от предложений конструкций» [5, с. 401]. В состав пропозиции входят термы (terms) или актаны, способные к референции (субъект, объекты, местоимения, предикаты, способные приобретать модальные и видо-временные характеристики). Иначе их называют коммуникативными или пропозициональными установками (communicative or propositional attitudes).

Настоящая статья ставит перед собой цель рассмотреть видо-временные формы глаго-

лов в пропозиции репрезентативных речевых актов, выявить особенности их употребления и определить влияние иллюкутивной силы на видо-временные формы глаголов в пропозиции.

Учитывая, что целью репрезентативов является сообщение о положении дел в окружающем мире, а их пропозициональное содержание ничем не ограничено, мы предполагаем, что пропозиция в речевых актах с перформативными глаголами класса репрезентативов может иметь разнообразную темпоральную перспективу и различные синтаксические структуры выражения.

Для анализа были выбраны три наиболее частотных перформативных глагола (согласно словарным статьям в словаре *Macmillan*) репрезентативных речевых актов – *guess*, *assume* и *confess*. Глаголы *guess* и *assume* входят в корпус 2 500 наиболее употребляемых слов английского языка, глагол *confess* – в корпус 5 000.

Рассмотрим репрезентативные высказывания с перформативным глаголом *guess* в значении «полагать», «считать». *Guess – to say or decide what you think is true, without being certain about it* [36].

Отметим, что этот глагол широко употребляем в американском варианте английского языка, а именно – в диалогической речи, в объекте данного исследования.

Количественный анализ эмпирического материала показывает, что пропозиция перформативного высказывания глагола *guess* имеет полную темпоральную перспективу, т. е. употребляется в претеритальной, презентной и футуральной перспективах. Ср.:

- “*Something medieval. Then she married badly, like the rest of them. I guess they inherited that talent from me*” [22, с. 247];
- “*I guess it takes all kinds of colors to make a bureaucratic rainbow*” [9, с. 117];
- “*I guess I’ll just have to kick your ass and break out of here*” [6, с. 49].

Что касается частотности употребления того или иного вида темпоральной перспективы в пропозиции перформативного глагола *guess*, данные количественного анализа по-

казывают, что основной является презентная темпоральная перспектива. В ней употреблены более половины примеров (55%).

Презентная темпоральная перспектива выражается видо-временными формами глагола, относящимися в английском языке к настоящему времени – *Present Indefinite* и *Present Continuous*. Ср.:

– “*I guess they always have one of these, too*” [9, с. 92];

– “*I guess I’m not saving anybody*” [29, с. 151].

Модальные глаголы, употребляемые в настоящем времени, также относят действия в пропозиции репрезентативного перформативного высказывания к презентной темпоральной перспективе. Ср.:

– “*Now I guess I have to accept that he’s gone. That he won’t be coming back*” [24, с. 360];

– “*I guess you can call it a selfhelp manual. It’s titled Best Sexual Positions for Baby-Making*” [9, с. 278].

Второй по частотности употребления в пропозиции репрезентативных высказываний с перформативом *guess* является претеритальная темпоральная перспектива (30% от общего количества примеров).

Основными видо-временными формами в претеритальной темпоральной перспективе в пропозиции *I guess* являются формы глагола, относящиеся в английском языке к прошедшему времени – *Past Indefinite*, *Past Continuous* и *Past Perfect*. Ср.:

– “*I guess I discovered the body*,” she said. “*I mean, I was the first person who knew that he was really dead, and not just faking*” [31, с. 28];

– “*I guess I was providing insight — just not the kind she can use right at this moment*” [10, с. 547];

– “*I guess you had picked out the tree, the perfect spot*” [20, с. 259].

Материал исследования наглядно показывает наличие модальных глаголов с перфектным инфинитивом в пропозиции репрезентативных речевых актов с перформативным высказыванием *I guess*. Данные видо-временные формы глагола также относят действие в пропозиции к претеритальному темпоральному плану. Ср.:

– “*And I was wet, too. I guess it must have rained on me. Or maybe the sprinklers came on*” [32, с. 237];

– “*I guess I should have just sent a message*” [10, с. 332].

Основными видо-временными формами глагола, выражающими футуральную перспективу, являются формы будущего времени – *Future Indefinite* и *Future Continuous*. Ср.:

– “*I guess we’ll know in a minute*” [9, с. 331];

– “*So I guess you will be accompanying Aurya on this great adventure*” [10, с. 25].

Примеры футуральной темпоральной перспективы пропозиции в репрезентативных речевых актах с перформативным глаголом *guess* составляют 15% от общего количества.

Структурно пропозиция репрезентативных речевых актов с перформативным глаголом *guess* может выражаться как при помощи простого предложения, так и при помощи сложносочинённых и сложноподчинённых предложений. Основной, согласно количественному анализу материала исследования, является структура простого предложения (60% предложений от общего числа примеров). Ср.:

– “*I guess you don’t have a way with animals*” [31, с. 249];

– “*I guess ‘modern’ is a relative term*” [8, с. 341].

Сложноподчинённые предложения составляют 30% от общего числа примеров материала нашего исследования. Ср.:

– “*Look, Patrick – I guess it’s okay if I call you Patrick and not Danilo*” [20, с. 365];

– “*I guess I shouldn’t force you to stay when you’re so set on leaving*” [10, с. 610].

Сложносочинёнными предложениями пропозиция репрезентативных речевых актов с перформативным глаголом *guess* выражается всего лишь в 10% случаев. Ср.: “*I guess they were in the same office for a while, but that’s all I know for sure*” [32, с. 127].

Объяснение тому факту, что основной синтаксической единицей выражения пропозиции в репрезентативных высказываниях с перформативным глаголом *guess* является простое предложение, заключается в особенно-

стях диалогической речи, в которой чаще всего употребляются данные высказывания. Наиболее частотная синтаксическая конструкция диалогической речи – простое предложение.

С точки зрения типа сказуемого, употребляемого в пропозиции репрезентативных речевых актов с перформативным глаголом *guess*, наиболее частотной конструкцией является простое глагольное сказуемое – 42% от общего количества примеров. Ср.:

– “*I happened to have been there, Art. My daughter was with me. When it occurred. I guess I don't know what I'm thinking, other than we're lucky to be alive*” [23, с. 291];

– “*I guess you learn a few things over a dozen decades*” [9, с. 218].

Согласно данным количественного анализа, составное именное сказуемое, наряду с простым глагольным сказуемым, является часто употребляемым (30%) в пропозиции репрезентативного перформативного высказывания *I guess*. Ср.:

– “*Yes, I suppose you're right. I hadn't thought of it like that. I guess I am too impatient*” [11, с. 43];

– “*Yeah, I'm a little crazy now, I guess, but I'll get over it*” [21, с. 205].

Сложные типы сказуемого – составное модальное (20%) и составное видовое глагольное сказуемое (5%) – также свойственны пропозиции *I guess*. Ср.:

– “*Yeah, for sure, I guess I can probably still love you*” [29, с. 74];

– “*I guess we're about to find out how well your adviser is dealing with sea travel*” [10, с. 439].

Количественный анализ эмпирического материала показывает, что в пропозиции *I guess* может употребляться *Compound Verbal Predicate of Double Orientation* (сказуемое двойной ориентации) (3% от общего числа примеров). Ср.: “*I guess he has proven himself to be one of the biggest enemies of Islam, if the not the biggest*” [34, с. 253].

Данный факт даёт основания полагать, что нет никаких ограничений в употреблении различных типов сказуемого в пропозиции репрезентативных речевых актов с перформативным глаголом *guess*.

Пропозиция перформативного глагола *assume* в репрезентативных речевых актах имеет схожие показатели с употреблением глагола *guess*. Пропозиция перформативного высказывания *I assume* обладает также полной темпоральной перспективой, т. е. может использоваться во всех трёх темпоральных перспективах:

– претеритальной; ср.: “*I assume you inherited the weapon*” [12, с. 190];

– презентной; ср.: “*I assume they know we are coming*” [28, с. 63];

– футуральной; ср.: “*They can get life sentences for the rape. I assume they will also be charged with kidnapping and aggravated assault*” [19, с. 538].

Согласно количественному анализу, основной темпоральной перспективой в пропозиции глагола *assume*, как и в случае с глаголом *guess*, является презентная темпоральная перспектива (50% от общего числа примеров). Второй по частотности употребления является претеритальная темпоральная перспектива (40%), третьей – футуральная (10%).

Частотность употребления синтаксических структур пропозиции в репрезентативных речевых актах с перформативным глаголом *assume* практически совпадает в процентном выражении с частотностью синтаксических структур пропозиции репрезентативных речевых актов с перформативным глаголом *guess*.

– Простое предложение – ср.: “*I assume I closed my eyes. Instead of Karl's face with bugging eyes, I have a mental picture of a red-brown blanket*” [18, с. 285].

– Сложносочинённое предложение – ср.: “*I assume you've gone through his notes and papers and you found the manuscript*” [33, с. 101].

– Сложноподчинённое предложение – ср.: “*I assume Father Pyrlig revealed that Alfred had conspired at my return*” [13, с. 132].

Употребление различных типов сказуемого в пропозиции репрезентативных речевых актов с глаголом *assume*, как и с глаголом *guess*, ничем не ограничивается.

– Простое глагольное сказуемое – ср.: “*I assume she was putting misplaced items back into their correct positions*” [25, с. 191].

– Составное именное сказуемое – ср.: “*Well, he can't stand those Wroths. I assume it is a personality clash*” [15, с. 510].

– Составное модальное сказуемое – ср.: “*I assume I can still have the back bedroom*” [14, с. 409].

– Составное видовое глагольное сказуемое – ср.: “*I assume that the Pelts gave up on having their own little, and they adopted a baby*” [27, с. 210].

Такие типы сказуемого, как *Compound Verbal Predicate of Double Orientation* (сказуемое двойной ориентации) и *Compound Nominal Double Predicate* (двойное номинативное сказуемое), в материале нашего исследования, касающегося пропозиции репрезентатива *assume*, обнаружены не были.

Репрезентативные речевые акты с перформативным глаголом *confess* (в значении «признаваться») довольно частотны в разговорной речи. Количественные данные, полученные в ходе анализа материала нашего исследования, свидетельствуют о том, что темпоральная перспектива пропозиции репрезентативных речевых актов с перформативным высказыванием *I confess* качественно (т. е. по наличию трёх темпоральных перспектив) совпадает с данными, касающимися пропозиции репрезентативных речевых актов с перформативными глаголами *guess* и *assume*.

Отличием является то, что основной темпоральной перспективой в случае с перформативным высказыванием *I confess* является претеритальная темпоральная перспектива. Ср.:

– “*I confess I looked with some interest myself towards the old family pew*” [7, с. 513];

– “*I confess I had rehearsed this opening all afternoon*” [30, с. 73].

Приоритет претеритальной темпоральной перспективы для пропозиции перформативного высказывания *I confess* объясняется значением перформативного глагола *confess*: “*Confess – to admit something about yourself that you would not normally tell people because you are embarrassed about it or they could be disappointed by it*” [37]. Признаваться чаще приходится в поступке, который был совершён в прошлом.

Для репрезентативных речевых актов с перформативным высказыванием *I confess* характерны такие же синтаксические структуры, выражающие пропозицию, как и в случаях с глаголами *guess* и *assume*.

– Простое предложение – ср.: “*I confess I was in a foul temper*” [13, с. 72]; “*I confess I felt a little sad for myself*” [25, с. 318].

– Сложносочинённое предложение – ср.: “*I confess I'm half in love with this place, and wish I did not have to leave*” [10, с. 391].

– Сложноподчинённое предложение – ср.: “*I confess, I trembled when I saw him holding them so close to the candle*” [7, с. 473].

Что касается типов сказуемого в пропозиции перформативного высказывания *I confess*, то они также совпадают с видами сказуемого в пропозиции перформативных глаголов *guess* и *assume*.

– Простое глагольное сказуемое – ср.: “*Well, I confess I don't know*” [17, с. 212].

– Составное именное сказуемое – ср.: “*I confess, I'm worried about those two being right down the road from my house*” [26, с. 87].

– Составное модальное сказуемое – ср.: “*I confess I can't do it better*” [16, с. 290].

– Составное видовое глагольное сказуемое – ср.: “*I confess I continued to lie to you all the time we'd been dating*” [35, с. 120].

Изучив и проанализировав репрезентативные речевые акты с перформативными глаголами *guess*, *assume* и *confess*, мы пришли к следующим выводам:

1. Пропозиция данных перформативных глаголов имеет расширенную темпоральную перспективу, т. е. может употребляться в трёх темпоральных перспективах – претеритальной, презентной и футуральной.

2. Основной темпоральной перспективой у пропозиции перформативных глаголов *guess* и *assume* является презентная темпоральная перспектива, у глагола *confess* – претеритальная.

3. Синтаксические конструкции, выражающие пропозиции данных перформативных глаголов, не имеют существенных различий и ограничений в употреблении. Пропозиция глаголов *guess*, *assume* и *confess* выражается

формами простого, сложносочинённого и сложноподчинённого предложения.

4. Типы сказуемого, употребляемого в пропозиции перформативных глаголов *guess*, *assume* и *confess*, также ничем не ограничены и представлены простым глагольным, составным именным, составным модальным, сложным видовым (аспектуальным) типами сказуемого. В пропозиции репрезентативных речевых актов с перформативным глаголом *guess* имеет место употребление *Compound Verbal Predicate of Double Orientation* (сказуемое двойной ориентации), в то время как у глаголов *assume* и *confess* данный тип сказуемого в пропозиции не выявлен в материале нашего исследования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Кобозева И.М. Теория речевых актов как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 17. – С. 7-21.
2. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов / Пер. с фр.; Предисл. В.А. Звегинцева. Изд. 2-е, испр. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 440 с.
3. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып. 17. – С. 22-129.
4. Сёрль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып. 17. – С. 170-194.
5. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. Ярцева В.Н. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 668 с.
6. Andrews I. Magic Burns. – New York: Ace Books, 2008. – 260 p.
7. Bronte A. The Tennant of Wildfell Hall. – London: Coradella Collegiate Bookshelf Editions, 2004. – 698 p.
8. Brown D. The Da Vinci Code. – New York: Anchor Books, 2006. – 486 p.
9. Butcher J. Turn Coat. – London: Roc, 2009. – 432 p.
10. Canavan T. Priestess of White. – Sydney: Orbit Books, 2006. – 676 p.
11. Canavan T. The Last of Wild. – London: Little Brown Book, 2008. – 614 p.
12. Coben H. Tell No one. – New York: Dell Pub., 2002. – 400 p.
13. Cornwell B. The Burning Land. – New York: Harper Collins Publishers, 2009. – 366 p.
14. Cruise J. Tell me Lies. London: Pan, 2004. – 544 p.
15. Franzen J. The Corrections. – New York: Picador, 2002. – 576 p.
16. Forsyth F. The Day of the Jackal. – New York: Bantam Books, 1983. – 383 p.
17. Forsyth F. The Fourth Protocol. – New York: Bantam Books, 1985. – 435 p.
18. Garland A. The Beach. – London: Penguin Books, 2008. – 456 p.
19. Grisham J. A Time to Kill. – New York: Bantam Dell, 2009. – 600 p.
20. Grisham J. The Partner. – New York: Random House Publishing Group, 2005. – 416 p.
21. Grisham J. The Street Lawyer. – New York: Delta, 2005. – 384 p.
22. Grisham J. The Testament. – New York: Delta, 2005. – 465 p.
23. Gross A. Don't Look Twice. – New York: Harper Collins, 2009. – 400 p.
24. Gross A. The Dark Tide. – New York: Harper Collins, New York, 2008. – 452 p.
25. Harris Ch. All Together Dead. – London: Gollancz, 2007. – 336 p.
26. Harris Ch. Dead to the World. – London: Gollancz, 2010. – 352 p.
27. Harris Ch. Definitely Dead. – London: Ace Books, 2006. – 324 p.
28. Kerry D. In Less than a Second. – Phoenix: Kerry Dennis Publisher, 2009. – 308 p.
29. Palahniuk C. Choke. – New York: Doubleday, 2001. – 304 p.
30. Segal E. Love Story. – London: Beacon Press, 2006. – 133 p.
31. Smith L.J. The Struggle. – New York: Harper Collins, 1999. – 320 p.
32. Sparks N. The Wedding. – New York: Time Warner Paperbacks, 2008. – 280 p.
33. Tan A. The Bonesetter's Daughter. – New York: Libraries Unlimited, 2005. – 138 p.
34. Updike J. Terrorist. – New York: Ballantine, 2007. – 320 p.
35. Warren N. Speed Dating. – New York: Harper Collins, 2002. – 224 p.

Электронные ресурсы:

36. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners online URL: <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/guess> (дата обращения 21.06.2012).
37. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners online URL: <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/confess> (дата обращения 21.06.2012).

РАЗДЕЛ II. ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ

УДК 81'36; 811.111

Кузьмина М.А.

*Московский государственный гуманитарный
университет им. М.А. Шолохова*

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ФОРМ ОБРАЩЕНИЯ ПО РЕЧЕВЫМ ТИПАМ ЛЕКСИКИ В РАМКАХ ГРАММАТИКИ РЕЧИ

M. Kuzmina

*Moscow State University for Humanities
named after M.A. Sholokhov*

DISTRIBUTION OF FORMS OF ADDRESS IN ACCORDANCE WITH SPEECH TYPES OF LEXIS IN THE COMMUNICATIVE GRAMMAR

Аннотация. В данной статье обращение рассматривается с позиций грамматики речи, как одна из форм вокативного предложения, оформляемая по речевым моделям синтаксической организации и реализующая значения времени и направленности к адресату, что даёт возможность анализировать формы обращения как единицы речевого уровня. В статье представлена классификация языковых единиц, способных выполнять функцию обращения по речевым типам лексики, среди которых выделяются конкретизирующий, ассоциативный и синтезирующий типы; также приводятся результаты статистического анализа.

Ключевые слова: обращение, грамматика речи, вокативное предложение, конкретизирующий тип лексики, ассоциативный тип лексики, синтезирующий тип лексики.

Abstract. The article examines address as a part of the communicative (speech) grammar where it is considered as one of the forms of vocative sentences formed according to the speech patterns of syntactic organization and conveying the temporal meaning and the meaning of the direction to the receiver. This fact allows to analyze the forms of address as the units of speech level. The article presents the classification of the language units capable of performing the function of address in accordance with the speech types of lexis: concretizing, associative and synthesizing types. The article also gives the results of the statistical analysis.

Key words: address, communicative (speech) grammar, vocative sentence, concretizing type of lexis, associative type of lexis, synthesizing type of lexis.

Традиционно под термином «обращение» понимается слово или сочетание слов, обозначающее того, кому адресована речь. Обращение восходит к зоне речевого этикета, где зафиксированы нормы общения, установленные для каждого человеческого коллектива. Формы обращения формируют часть языкового фонда и при этом являются неотъемлемой составляющей коммуникативного акта. Таким образом, возникает необходимость в составлении классификации форм обращения по речевым типам лексики, что определило цель данной статьи.

© Кузьмина М.А., 2012.

Из поставленной цели вытекают задачи распределения форм обращения по следующим типам лексики: конкретизирующий, ассоциативный, синтезирующий [2, с. 66; 8, с. 39].

Нормы речевого этикета объединяются в вокативные предложения, в составе которых нами анализируются формы обращения. Обращение было впервые отнесено к разряду «вокативных предложений» академиком А.А. Шахматовым, который выделил вокативные предложения в отдельный тип синтаксических моделей. Главным и единственным членом такого типа предложений является обращение, т. е. имя лица, к которому обращена речь, при условии его произнесения с особой интонацией, вызывающей сложное представление, в центре которого стоит данное лицо; в этой мысли может быть выражен упрек, сожаление, укор, негодование [10, с. 86].

Д.Э. Розенталь и М.А. Теленкова в «Словаре-справочнике лингвистических терминов» дают следующее определение вокативному предложению: «Вокативное предложение – предложение-обращение, т. е. односоставное предложение, в котором главным и единственным членом является название лица – адресата речи. Произнеся такое предложение, говорящий не только называет лицо, к которому обращена речь, но интонацией выражает различные оттенки мысли или чувства (упрек, испуг, радость и т. д.)» [7, с. 43].

В настоящее время понимание вокативных предложений значительно расширилось. Согласно теоретической концепции, предложенной профессором И.Г. Кошевой, в состав вокативных предложений включены не только обращения, но и пожелания, представления, приветствия, прощания. За основу данной концепции принята иерархия глубинных и поверхностных структур и разделение грамматики на две составляющие её части:

- 1) грамматика языка;
- 2) грамматика речи.

Согласно рассматриваемой теории, вокативные предложения оформляются не по языковым, а по речевым моделям синтаксической организации, которые, как правило,

не повторяют модели повествовательного, вопросительного, восклицательного и повелительного предложения. В дополнение к этому им свойственно включение в себя двух грамматических значений:

- 1) значения времени;
- 2) значения направленности к адресату.

Для речевого этикета, в рамках которого рассматривается обращение, характерна речевая ситуация непосредственного общения говорящего и слушающего, которая ограничена координатами «я-ты-здесь-сейчас» [6, с. 413], таким образом реализуются грамматические значения, присущие речевым моделям синтаксической организации, а именно: значение времени «здесь-сейчас» и значение направленности на адресата «я-ты». В моделях речевого этикета реализуется первичная линия коммуникативной связи, включающая говорящего и слушающего, как непосредственных участников коммуникации [5, с. 113].

Эти значения присущи любому вокативному предложению, поэтому естественно сделать вывод, что они присущи также и обращениям. Как упоминалось выше, обращённость или направленность к адресату является неотъемлемым признаком обращения. Значение времени реализуется непосредственно в ситуации общения, которая имеет место в тот отрезок времени, когда адресант и адресат встречаются «здесь» и «сейчас». Таким образом, обращение, обладая грамматическими значениями, присущими любому виду вокативного предложения и будучи формой речевого этикета, относится к речевому уровню, из чего следует, что обращение необходимо рассматривать в рамках грамматики речи.

В отличие от грамматики языка, которая статична, стабильна в своих моделях, описывает объект действительности только в одном из его проявлений и не выходит за пределы предложения, грамматика речи динамична, изменчива в своих моделях и описывает объект в речевой ситуации [3, с. 3].

Речевая ситуация, или ситуация речи, определяется как ситуация, в рамках которой

осуществляется речевое общение [1, с. 413]. В процессе коммуникации адресант подходит к выбору языковых структур избирательно и из представленных в языке синонимичных конструкций выбирает те, которые в наибольшей степени отражают речевую ситуацию и соответствуют психологической оценке говорящего. Выбор нужной единицы детерминирован присущим речи значением элективности, которая представляет собой ту специфически речевую форму связи логических, психологических, языковых и социальных отношений, синтез которых характеризует речь в её коммуникативной установке [3, с. 5]. Соответственно, элективность проявляется в речи каждого носителя языка, когда люди могут выражать одну и ту же мысль по-разному, употребляя различные речевые синонимы, в силу чего элективность определяет выбор слова из ряда вариативных, относящихся к одному и тому же инварианту значений. В ходе общения говорящий и слушающий рассматривают некоторую реальность с разных позиций и имеют о ней каждый своё определённое мнение, поэтому адресант призван выразить исходное значение так, чтобы оно являлось в равной мере понятным собеседнику. При этом речевая ситуация выступает в качестве некоторого дополнительного периферийного фона, позволяющего избежать избыточности речевого описания.

Таким образом, речевая ситуация оказывает воздействие на человека как на коммуниканта, от которого требуется адекватно найти решение поставленной коммуникативной задачи. Мы можем сделать вывод, что имеющиеся в языке формы обращений отражают действительность через воспринимающего их индивида, соответственно, при переходе в речь они не являются однородными. Этот факт требует рассмотрения соответствующих лексем по их отнесённости к речевым типам лексики.

К конкретизирующему типу лексики относятся полнозначные единицы языкового фонда, фиксирующие объект действительности и отражающие единство чувственной и логической ступеней, которое появляется в резуль-

тате непосредственной или опосредованной соотнесённости с объектом [3, с. 12]. При непосредственной соотнесённости слово называет конкретный объект внешнего мира, в котором имеет место его языковое отражение. Эти слова могут быть обозначены как «слова первичной репрезентации» [2, с. 67; 8, с. 40].

Примером может служить слово «boy» – мальчик. Сравним то же слово, но употреблённое в качестве обращения, где оно составляет вокативное предложение: *Boy!* В этом случае данная лексическая единица образует высказывание, сведённое до одного слова, которое при произнесении с определённой интонацией прибавляет к обозначению конкретного субъекта внешнего мира новые значения. Интонация на этом этапе играет особую роль, так как она не только оформляет речь, но и выводит мысль в чувственно-смысловом ракурсе. К направленности на адресата (обращение к конкретному мальчику с целью привлечь его внимание) в зависимости от ситуации прибавляются различные оттенки значения, например подчеркнутое дружелюбие или, напротив, враждебное отношение, что будет в речи передаваться через интонацию. На отдельно взятое слово накладывается, во-первых, направленность на адресата, во-вторых, имплицатура, т. е. небуквальные аспекты значения и смысла, которые не определяются непосредственно языковым кодом, но подразумеваются в конкретной ситуации.

При опосредованной соотнесённости имеет место идентификация, касающаяся не самого объекта, а свойств, которые как бы отвлечены от него [2, с. 67; 8, с. 41]. Например, мы можем употребить слово «dear» со многими формами обращения: *dear boy, dear girl, dear son, etc.* Во всех случаях качество, вложенное в слово «dear», переносится на тех субъектов, которых мы им наделяем, т. е. при вторичной репрезентации имеет место наложение на определённую группу слов объединяющего их качества, хотя данные лексемы между собой семантически не связаны.

Следует отметить, что функционирование лексических единиц вторичной репрезен-

тации в качестве обращения переводит их в сферу слов первичной репрезентации, так как в такой речевой ситуации лексемы называют определённый объект внешнего мира и, следовательно, приобретают непосредственную соотносимость с ним. Это замечание относится к **субстантивированным прилагательным**. Ср., например:

– LORD GORING [catches her in his arms and kisses her. Then there is a pause of bliss] *Dear! Do you know I was awfully afraid of being refused!* [17, с. 234];

– FREDDY. *Goodnight, darling, darling, darling* [16, с. 100];

– “All right. Good night, *handsome*” [14, с. 206].

Некоторые субстантивированные прилагательные, употребляемые в функции обращения, получают форму множественного числа, что ещё больше свидетельствует об их переходе в сферу лексических единиц первичной репрезентации в данной речевой позиции; например: “Come on, *sillies*”, he cried, “they can’t bite...” [13, с. 44]. Хотя подобные лексемы могут иметь формы, присущие прилагательным, например, употребление в превосходной степени. Ср.: SERGIUS *Dearest: all my deeds have been yours. You inspired me. I have gone through the war like a knight in a tournament with his lady looking down at him!* [15, с. 25].

Функцию обращения могут выполнять такие лексические единицы, относящиеся к конкретизирующему типу, как, например:

– **имена собственные**: LADY CHILTERN *Surely, Robert! What else is there to do?* [17, с. 187];

– **имена нарицательные**: DUCHESS OF BERWICK *My poor child!* [17, с. 13];

– **имена, возникшие на основе метафорического переноса**: CAESAR. *You scratch, kitten, do you?* [16, с. 173]. Мы выделяем данный тип обращений в отдельную подгруппу, поскольку составляющие её лексические единицы обладают некоторыми особенностями по сравнению с другими, а именно это лексемы, возникшие на основе переноса значения с одного объекта на другой. Таким образом, слова, возникшие в результате не-

посредственной соотнесённости, переходят в разряд слов, возникших в результате опосредованной соотнесённости, и далее к обращениям, рассматриваемым в данном подтипе конкретизирующей лексики [2, с. 67];

– **имена лично индивидуализированные**, т. е. прозвища, клички: “Another bottle, *Mouse*” [12, с. 52]. В эту группу мы включили лексические единицы, появляющиеся в качестве обращения в конкретной коммуникативной ситуации, определённой, как правило, подчёркнуто неформальными отношениями между адресатом и адресантом и соответственно неофициальной сферой общения. Данные формы обращения направлены на конкретного собеседника и могут быть известны только узкому кругу лиц. Известно, что прозвище, кличка – это неофициальное имя субъекта, и, в отличие от имени, прозвище отражает какие-либо качества носителя, его происхождение и т. п., таким образом, прозвище фиксирует особый смысл, который имеют эти качества для окружающих. «Кличка построена на отражении эмоционального фактора... раскрывает конкретные черты объекта» [4, с. 67];

– **прономинальные формы обращения**: “*You!*” said the Caterpillar contemptuously. “Who are you?” [11, с. 70].

Каждый из вариантов обращения предполагает определённый смысловой оттенок и несёт дополнительную коннотацию, обусловленную ситуацией общения. Характерно, что в художественной литературе обращение становится не просто способом привлечения внимания к говорящему, а является особым стилистическим приёмом, который реализует функцию воздействия на читателя, а также опосредованно свидетельствует об отношении автора к называемому персонажу [9, с. 8]. Здесь на первый план выходит значение элективности, где отражено отношение говорящего к действительности, на основании которого оценивается объективный мир [3, с. 5].

Ассоциативная лексика отличается от конкретизирующей тем, что в состав данной группы входят лексические единицы, у

которых отсутствует непосредственное или опосредованное соотнесение с объектом. Не называя сам объект, этот тип лексики непосредственно или опосредованно соотносится с той системой отношений, в которой он может находиться [2, с. 69]. В нашем исследовании мы остановимся на лексических единицах, имеющих непосредственную соотнесённость с объектом в определённой системе отношений, поскольку такие лексемы передают относительно самостоятельное значение (в то время как при опосредованной соотнесённости с системой отношений возникают полуграмматизованные языковые единицы). Сравним: *there – там* (непосредственная соотнесённость) и *there* в значении псевдоподлежащего (опосредованная соотнесённость).

В качестве обращения в вокативном предложении могут употребляться лексемы первого типа, т. е. обладающие непосредственной соотнесённостью с системой отношений, в которой может находиться объект; например: *“Here! you may nurse it a bit, if you like!” the Duchess said to Alice, flinging the baby at her as she spoke* [11, с. 84]. Подобные формы обращения не позволяют создать образ адресата информации, не предоставляют каких-либо характеристик того, на кого направлено обращение, но позволяют обозначить адресата в конкретной речевой ситуации.

К синтезирующему типу лексики мы относим междометия, выступающие в роли обращения и выполняющие роль привлечения внимания адресата к адресанту; например: *“Hey,” I said. “Don’t tell her I got kicked out, will ya?”* [14, с. 38]. Следует отметить, что на речевом уровне мы имеем дело с междометиями, вступающими во взаимодействие с речевой ситуацией, благодаря чему междометия приобретают характерное для конкретной ситуации значение. Таким образом, на третьем, т. е. речевом, уровне следует употреблять термин «сенсаты», который закрепился за междометиями в рамках грамматики речи [8, с. 56].

Сенсаты в роли обращения могут выполнять функцию сигнала привлечения внима-

ния, а также подчёркивать фамильярность по отношению к адресату. Ср.: *“Hey, Horwitz,” I said. “You ever pass by the lagoon in Central Park? Down by Central Park South?”* [14, с. 89].

Статистический анализ лексем, выступающих в роли обращения, продемонстрировал следующее распределение по речевым типам лексики. На 100 случаев употребления обращения в результате сплошной выборки было выявлено следующее процентное соотношение: 81% примеров обращений относится к конкретизирующему типу, 7% составляет тип ассоциативной лексики и 12% случаев употребления лексем синтезирующего типа в роли обращения. Эти результаты свидетельствуют о наибольшей продуктивности конкретизирующего типа лексики при формировании такой речевой модели синтаксической организации, как обращение.

В соответствии с поставленной целью мы можем сделать следующие выводы.

1. **Формы обращения** обладают грамматическими значениями времени и направленности к адресату, поэтому их следует рассматривать как одну из форм вокативного предложения в составе грамматики речи.

2. **Формы обращения** следует классифицировать по речевым типам лексики, среди которых выделяются конкретизирующий, ассоциативный, синтезирующий типы. В рассматриваемой классификации наиболее продуктивным является конкретизирующий тип, о чём свидетельствует проведённый статистический анализ форм обращения.

Таким образом, анализ обращения как одной из форм вокативного предложения в составе грамматики речи даёт возможность по-новому раскрыть сущность данного явления, обладающего грамматическими значениями времени и направленности к адресату, что позволяет рассматривать обращение как единицу речевого уровня. Статистический анализ лексем различных речевых типов в роли обращения позволяет установить наибольшую продуктивность конкретизирующей лексики при формировании моделей обращения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: КомКнига, 2007. – 576 с.
2. Кошевая И.Г. Курс сравнительной типологии английского и русского языков. – М.: Высшая школа, 2008. – 327 с.
3. Кошевая И.Г. Textoобразующие структуры языка и речи. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1983. – 181 с.
4. Кошевая И.Г. К проблеме знака и значения в языке: учеб. пособие. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1976. – 143 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 683 с.
6. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.
7. Свиридова Л.К. Роль эмоциональных структур в реализации категории тождества при построении драматургического текста. – М.: Изд-во МГОУ, 2004. – 272 с.
8. Силис Я.Я. Семиотика вариантных форм обращения в английском и латышском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1979. – 19 с.
9. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – Изд. 4-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 624 с.
10. Carrol, L. Alice's Adventures in Wonderland & Through the Looking-Glass. – London: Wordsworth Editions, 1993. – 288 p.
11. Fowles, J. The Ebony Tower. – М.: Менеджер, 1998. – 256 p.
12. Huxley, Aldous L. Point Counter Point. – Harmondsworth: Penguin Books, 1965. – 435 p.
13. Mansfield, K. Bliss, and Other Stories. – Hamburg: Albatros, 1935. – 218 p.
14. Salinger, Jerome D. The Catcher in the Rye. – М.: Юпитер-Интер, 2004. – 232 p.
15. Shaw, George B. Arms and the Man. – New York: Dover Publications, 1990. – 56 p.
16. Shaw, George B. Pygmalion. Caesar and Cleopatra. – СПб.: Антология, КАРО, 2008. – 288 p.
17. Wilde, Oscar The Importance of Being Earnest and Other Plays. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 368 p.

УДК 11. 111. 373

Лызлов А.И.

Смоленский государственный университет

**ОБ ОЦЕНОЧНОЙ СЕМАНТИКЕ КОНЦЕПТОВ
«ДРУГ» И «ВРАГ» В АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ПАРЕМИЯХ**

A. Lyzlov

Smolensk State University

**ON THE EVALUATIVE SEMANTICS OF THE CONCEPTS “FRIEND”
AND “ENEMY” IN ENGLISH AND RUSSIAN PROVERBS**

Аннотация. В основе статьи – результаты сравнительно-сопоставительного анализа когнитивно-оценочных признаков, объективированных концептами «друг» и «враг», вербализованных в английских и русских паремических единицах. Семантика паремий многоаспектна. Анализируемые концепты позволяют объективировать положительные и отрицательные оценочные значения паремических единиц, иными словами, они амбивалентны. Паремические картины мира обоих языков в рамках рассматриваемых концептов характеризуются значительной степенью сходства.

Ключевые слова: паремия, образ, положительная оценка, отрицательная оценка, концепт, признак, картина мира.

Abstract. The article is based upon the results of the comparative analysis of cognitive evaluative features, objectified by the concepts “friend” and “enemy” expressed in Russian and English proverbs and sayings. Proverbial semantics is many-sided. These concepts can objectify both positive and negative evaluative meanings of proverbial expressions; in other words, they are ambivalent. The proverbial mapping of both languages, in the sphere of the given concepts, is characterized by significant similarity.

Key words: proverb, image, positive evaluation, negative evaluation, concept, feature, mapping.

Пословицы и поговорки – часть системы языковых явлений, которые носят название малых речевых жанров, или паремий. Термин *паремия* происходит от древнегреческого слова *paroimia*, которое означает «поговорка, пословица, изречение, притча». Термин появился в средние века. Изначально он связывался с чтением притч из Священного Писания во времена вечернего богослужения в церкви накануне праздников. Книги, содержащие эти притчи, назывались паремиониками. Позже термин получает распространение не только в религиозной сфере, но и в фольклористике [2, с. 26].

Семантика паремий многоаспектна. Так, В.Н. Телия отмечает прагматическую ценность связанных сочетаний [7, с. 21]. Паремии в значительной мере способны выражать отношение говорящего к окружающему миру, стремление говорящего воздействовать на слушающего.

Многие концептуальные единицы в рамках конкретных образных высказываний могут объективировать оценочную семантику. Н.Ф. Алефиренко описывает содержание концепта как взаимодействие когнитивной, эмотивно-оценочной и языковой сфер. Каждая из этих сфер находит особое преломление в содержании концепта, делая его многоярусным образованием, выполняющим роль речемыслительного посредника между языковым знаком и мыслительными корреляциями этого знака – образами, представлениями и понятиями [1, с. 80].

Анализируя понятие концепта, В.В. Красных отмечает сложный характер этого понятия, которое, с одной стороны, представляет собой максимально абстрагированный ментальный конструкт, а с другой – обладает способностью репрезентироваться в языковом сознании в

виде конкретных структур [6, с. 96]. Кроме того, концепт характеризуется национально-культурной маркированностью.

Различные концептуальные образования находят отражение в паремическом тезаурусе. Система взглядов и представлений языкового сообщества, складывающаяся в картину мира, имеет выражение при помощи разных лексико-стилистических средств, в том числе и паремических. Идеи В. фон Гумбольдта послужили основой для развития теории языковой картины мира, которая показывает отношение автора к языку как к «миру, лежащему между миром внешних явлений и внутренним миром человека», как средству, «заложеному в самой природе человека и необходимому для развития его духовных сил и формирования мировоззрения» [4, с. 51].

Современными учёными вводятся понятия «паремическая картина мира» и «провербиальная картина мира». Они описывают картину мира, объективированную в связанных сочетаниях и отражающую интеллектуальное и эмоционально-ценностное отношение народа к миру [2, с. 25]. Как отмечает Е.В. Иванова, пословицы образуют достаточно обозримый и законченный участок языковой системы, в котором реализуются языковые концептуальные образования, иными словами, они представляют собой важный участок картины мира [5, с. 162].

Н.Д. Арутюнова указывает на неразрывную связь между понятиями оценки и картины мира. Для того, чтобы оценить объект, человек должен рассмотреть его относительно собственной системы ценностей. Природа оценки отвечает природе человека. Картина мира, или «идеализированная модель мира», по её мнению, состоит как из макромира, так и из микромира, то есть самого мыслящего субъекта. Как утверждает Н.Д. Арутюнова, «в идеализированную модель мира входит и то, что уже есть, и то, к чему человек стремится, и то, что человек воспринимает, и то, что он потребляет, и то, что он создаёт, и то, как он действует и поступает; наконец, в неё целиком и полностью входит и сам человек» [3, с. 5]. В основе образной оценки находят-

ся когнитивный оценочный признак. Под когнитивно-оценочным признаком мы понимаем элемент плана содержания оценочного высказывания, репрезентирующий знания аксиологического характера.

По утверждению В.П. Аникина, паремии, как частное проявление художественного творчества, возникают и развиваются на основе быта и в связи с ним [2, с. 177]. Противопоставление по признаку «свой – чужой» издавна свойственно человеческому коллективу [8, с. 212]. Рассмотрим образы, реализующие концепты «друг» и «враг», которые выражают оценку, основываясь на том или ином когнитивно-оценочном признаке, в рамках паремических высказываний.

Дружба как ценность. Чем дольше длится дружба, тем большую ценность она представляет, что подтверждает образ старого вина в паремии: *old friends and old wine are the best* [13] – букв.: ‘нет ничего лучше старого вина и старых друзей’. Данная единица сопоставима по своей семантике с русской паремией: *старый друг лучше новых двух* [10].

В пословицах утверждается приоритет дружбы над деньгами, богатством: *a friend in court is better than a penny in purse* [11] – букв.: ‘друг при дворе лучше пенни в кошельке’. Русские паремические единицы *не имей сто рублей, а имей сто друзей* [10]; *друг рубль дороже* [10] раскрывают семантику предпочтений, в которых дружба рассматривается как наивысшая ценность. Дружба в русской паремической картине мира ценится выше богатства.

Дружеские отношения не должны идти вразрез с деловыми отношениями, иной раз может возникнуть конфликт интересов: *дружба дружбой, а служба службой* [10]. В подобном случае англоязычная картина мира оперирует высказыванием: *business is business* [14] – букв.: ‘бизнес есть бизнес’. Таким образом, можно отметить, что чувство долга, ответственность ставится в русской картине мира выше выгод, которые может дать дружба.

Семантика предпочтений в паремии *a friend's frown is better than a foe's smile* [9] (букв.: «хмурое лицо друга лучше, чем улыбка врага») говорит о том, что нужно прислушаться

к критике друга, нежели к лести врага. Для аксиологического анализа семантики данной единицы ключевыми понятиями являются «друг» и «враг». Помощь друга ценится особенно высоко, когда нет возможности получить помощь от родственников: *a friend nearby is better than a brother far off* [13] – букв.: ‘лучше друг рядом, чем брат далеко’.

Русская паремическая картина мира рассматривает взаимоотношения в семье как наивысшую ценность. Причём семейные отношения рассматриваются как более приоритетные, чем дружеские. Об этом повествует паремия с элативной семантикой: *нет такого дружка, как родная матушка* [10]. Внутрисемейные отношения также подвержены оценочной градации: *три друга: отец, да мать, да верная жена* [10].

Предпочтительность в сохранении дружбы. Дружба – одна из наивысших ценностей. Сохранение дружбы – одна из первоочередных прагматических задач. Данную идею описывают паремии: *better lose a jest than a friend* [12] (букв.: ‘лучше упустить возможность пошутить, чем потерять друга’); *better a lean peace than a fat victory* [15] (букв.: ‘худой мир лучше доброй ссоры’). Последняя из приведённых единиц имеет в русском языке дословный эквивалент.

Русская паремическая картина мира отмечает, что собственное «я» является для человека наивысшей ценностью. Паремия *делай другу добро, да себе без беды* [10] порицает стремление помочь ближнему в ущерб самому себе. При этом моральный постулат о том, что человек не должен желать другому того, чего не желает сам, преобразуется в паремическую единицу: *не пожелай другу, чего сам не желаешь* [10].

Зачастую денежные интересы расходятся с дружескими интересами. Попытка совместить первые со вторыми могут принести вред. Об этом предупреждает нас паремическая единица: *если хочешь врага нажить, дай денег взаймы* [10]. Данная единица перекликается с английской паремией: *if you want to lose a friend, lend him some money* [15] – букв.: ‘если хочешь потерять друга, займи ему денег’.

Неискренность в дружбе. В паремиях осуждается поверхностная, ненастоящая дружба, дружба без разбора. Паремическая единица: *before you choose a friend eat a bushel of salt with him* [13] (букв.: ‘прежде, чем выберешь друга, съешь с ним бушель соли’) советует нам тщательно и долго проверять человека, который может стать другом. Лишь только обоюдная заинтересованность приводит к укреплению и развитию дружеских отношений. В противном случае подобного рода отношения рано или поздно закончатся разрывом. Об этом повествует паремия: *friendship cannot stand always on one side* [13] (букв.: ‘дружба не может существовать за счёт одной стороны’).

Прагматика осуждения злоупотребления расположением других представлена в паремии: *a friend to all is a friend to none* [14] – букв.: ‘тот, кто дружит со всеми, не дружит ни с кем’. Тот, кто стремится быть другом для всех – неискренний человек и не заслуживает дружбы. В английской паремиологии порицается нахлебничество, стремление часто бывать в гостях: *a constant guest is never welcome* [11] – букв.: ‘частого гостя радушно не встречают’. Даже лучшие из друзей требуют внимания к себе, иной раз в ущерб важным делам, поэтому в паремии *friends are thieves of time* [13] (букв.: ‘друзья – воры нашего времени’) друзья предстают в метафорическом описании как воры времени.

Прагматика единицы *false friends are worse than bitter enemies* [11] (букв.: ‘неискренний друг хуже, чем злейший враг’) направлена на оценку тайных недоброжелателей как наиболее опасных людей и осуждение неискренности дружеских чувств. Данная паремическая единица имеет вариант: *better an open enemy than a false friend* [13] – букв.: ‘лучше открытый враг, чем неискренний друг’. Содержание их идентично. Данные компаративно-оценочные высказывания отличаются оценочными модификаторами: «хуже» встречается в первой из упомянутых паремий и «лучше» – во второй. Соответственно меняются местами сопоставляемые объекты: «неискренний друг» и «злейший/открытый враг».

Антитеза рассматриваемых понятий встречается в русской паремической единице: *не бойся врага умного, бойся друга глупого* [10]. В русской паремии отсутствует прямая оценочная шкала, объективированная понятиями «лучше» / «хуже». Оценка в русской паремии концентрируется в рамках семантики глагола сказуемого. Страх всегда соотносится с отрицательной семантикой.

Идея осуждения неискренности людей, стремящихся получить выгоду под личиной дружбы, описывают единицы: *был бы друг, будет и досуг* [10], *были бы пирожки, будут и дружки* [10]. Они говорят о том, что состоятельные и успешные люди никогда не имеют недостатка в тех, кто готовы разделить наши радости и удовольствия, но искренними эти отношения не назовёшь. От чрезмерного стремления полагаться на друзей нас предостерегает русская пословица: *на друга надеяться, самому пропадать* [10].

Дружеские отношения невозможно построить с позиций выгоды. Деньги не помогут найти друга. Русская паремия *друга за деньги не купишь* [10] имеет английский эквивалент. Нужно отметить, что в английской паремической единице *friendship is not to be bought at a fair* [13] (букв.: «дружбу на рынке не купишь») указывается на место, а не на способ приобретения желаемого.

Осмотрительность по отношению к врагам. Английская паремия *there is no little enemy* [12] (букв.: «маленьких врагов не бывает») предостерегает от пренебрежительного отношения к тем недоброжелателям, которые кажутся неопасными. Семантика отрицания усиливает эмоционально-оценочный эффект данной единицы. Иной раз даже незначительный человек может причинить серьёзные неприятности. Семантика паремических высказываний *he laughs best who laughs last* [14] (букв.: «хорошо смеётся тот, кто смеётся последним»), *he laughs best who laughs longest* [15] (букв.: «лучше всех смеётся тот, кто смеётся дольше всех»), *don't boast until you see your enemy dead* [12] (букв.: «не хвастайся, пока не увидишь своего врага мёртвым») предупреждает человека, что не следует заранее

праздновать победу над врагом. В приведённых выше паремиях победа объективируется с помощью ситуации торжествующего смеха. Паремия *take heed of reconciled enemies* [11] (букв.: «опасайся раскаявшихся врагов») советует не доверять тем из недоброжелателей, кто выказывает стремление к дружбе.

В английском паремическом тексте *never tell your enemy that your foot aches* [12] (букв.: «не следует говорить своему врагу, что у тебя болит нога») порицаются люди, выказывающие слабость перед неприятелем. В ней для объективации страдания задействуются соматические образы.

Идея о том, что наибольший вред, так же, как и наибольшее благо, человек творит сам, выражается в английской паремической единице: *a man is nobody's worst enemy but his own* [13] – букв.: «нет худшего врага для человека, чем он сам». Поэтому человек должен остерегаться не только происков недоброжелателей, но и собственных неразумных действий. В русской паремической картине мира можно встретить схожее по смыслу высказывание: *сам себе и друг, и недруг* [10]. Русская единица характеризуется отсутствием эмоционального заряда, присущего английской единице, в которой задействована превосходная степень сравнения прилагательного, выражающего оценку.

Русская паремия *грозен враг за горами, а грозней того за плечами* [10] при общем негативном отношении к врагам выстраивает оценочную шкалу разного рода врагов; согласно ей наиболее опасными являются те недоброжелатели, которые находятся рядом с нами.

Милосердие к врагам. Семантика английской паремии *a foe vanquished is a foe no more* [9] (букв.: «поверженный враг – больше не враг») выражает амбивалентный характер отношения к врагам и советует быть с ними милосердным. В русской паремиологии присутствует единица со схожей семантикой: *лежащего не бьют* [10]. Примечательно, что поверженный враг – «лежащий» – не назван в ней напрямую.

Примечательно, что русская паремическая картина мира характеризуется незна-

чительным количеством единиц, в которых присутствует концепт «враг». Английские паремии чаще задействуют данный концепт. Некоторые из русских паремических единиц являются заимствованиями из других, более древних источников. В качестве примера подобного заимствования можно привести единицу: *язык мой враг мой* [10]. Данная сентенция встречается в паремиологических текстах многих языков.

Подводя итоги, отметим, что образная составляющая концептов «друг» и «враг» весьма разнообразна. Как в английской, так и в русской паремической картине мира оба концепта обладают значительным оценочным потенциалом. Паремические высказывания, в плане содержания которых задействованы описываемые концепты, выражают как положительно-, так и отрицательно-оценочные признаковые значения, иными словами, они амбивалентны. Эти образы выражают такие положительные когнитивно-оценочные признаки, как предпочтительность в сохранении дружбы, в них дружба описывается как величайшая ценность. В паремиях порицается неискренность в дружбе, между тем они призывают нас проявлять милосердие к врагам. Паремии предостерегают нас от вражеских козней, они учат человека проявлять осмотрительность по отношению к врагам. Таким образом, проведённый сопоставительный анализ выявил значительное сходство в объективации концептов «друг» и «враг» в английской и русской паремических картинах мира.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Литература:

1. Алефиренко Н.Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
2. Аникин В.П. Русское устное народное творчество. – М.: Высшая школа, 2001. – 239 с.
3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русск. культ., 1998. – 895 с.
4. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 2000. – 396 с.
5. Иванова Е.В. Антропоцентризм в пословице // Антропоцентризм в языке и речи: межвуз. сб. ст. /отв. ред. Л.П. Чахоян. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2003. – С. 162-168.
6. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
7. Телия В.Н. Типы языковых значений. Связное значение слова в языке / отв. ред. А.В. Уфимцева. – М.: Наука, 1981. – 269 с.
8. Jackendoff R. Patterns in the mind. – N.Y., 1994. – 300 p.

Источники языкового материала:

9. Васильева Л. Краткость – душа остроумия. Английские пословицы, поговорки, крылатые выражения. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. – 350 с.
10. Даль В.И. Сборник пословиц и поговорок русского народа. В 2 т. Т. 1 / В.И. Даль; вступ. ст. В.И. Даля. – М.: Художественная литература, 1989. – 350 с.
11. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. – 5-е изд., исправл. – М.: Живой язык, 1998. – 944 с.
12. Модестов В.С. Английские пословицы и поговорки и их русские соответствия. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2003. – 467 с.
13. Cambridge International Dictionary of Idioms. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 590 p.
14. The Oxford dictionary of proverbs / ed. by Jennifer Speakes. 5th edition. – NY: Oxford University press, 2008. – 388 p.
15. The Wordsworth dictionary of proverbs / G.L. Apperson [et al.]. Wordsworth editions Ltd. – Hertford-London, 2006. – 656 p.

УДК 81'22

Молчкова Л.В.

Международный институт рынка (г. Самара)

ИНФОРМАЦИОННЫЙ КОМПОНЕНТ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО КОДА

L. Molchkova

International Market Institute, Samara

THE INFORMATION COMPONENT OF PHRASEOLOGICAL CODE

Аннотация. В статье рассматриваются первичная и вторичная знаковые структуры фразеологизма, где на первом ономасиологическом уровне (в прямом значении) фразеологизм состоит из слов, а на втором ономасиологическом уровне (в переносном значении) – из фразеониминаторов, которые, в свою очередь, содержат фразеодесигнаторы и фразеодистинкторы. Лексемы, входящие в состав фразеологизма, могут являться самостоятельными номинаторами или десигнаторами, либо дистинкторами, в составе фразеониминатора. Фразеониминаторы, в свою очередь, могут состоять из любого количества лексем, входящих в состав фразеологизма.

Ключевые слова: фразеологизм, фразеологический код, ономасиологический уровень, фразеониминатор, фразеодесигнатор, фразеодистинктор, лексема.

Abstract. The article deals with primary and secondary semiotic systems of phraseological units where phraseological unit viewed in its primary meaning consists of words and in its transferred meaning it consists of phraseonominators containing phraseodesignators and phraseodistinguishers. Lexical units comprising the phraseological unit can have the function of the nominator, designator or distinguisher. Phraseonominator can consist of different number of lexical units comprising phraseological unit.

Key words: phraseological unit, phraseological code, onomasiological level, phraseonominator, phraseodesignator, phraseodistinguishers, lexical unit.

В данной работе под идиомами понимаются все идиоматичные единицы языка, а фразеологизмы рассматриваются как разновидность таких единиц. Вслед за В.М. Савицким, мы используем термины фразеологизм / фразеологическая идиома для обозначения фразовых (раздельнооформленных) идиом, имеющих переносное значение [9].

Переходя к теории кодов, отметим, что разнотипные сочетания слов создаются на основе разных кодов: один код порождает сочетания с прямым значением (стандартный код), другой код порождает фразеологизмы (фразеологический код). Фразеологический код представляет собой семиотическое устройство, предназначенное в первую очередь для создания (порождения) фразеологизмов – точнее, «протофразеологизмов», то есть раздельнооформленных речевых тропов, по своим структурно-семантическим свойствам соответствующих фразеологическому канону [8]). (Фразеологизмами некоторые из них становятся на завершающей стадии фразеобразования, если обретают устойчивость и входят в систему языка на правах её единиц.) По отношению к фразеокоду фразеологизмы предстают как мини-тексты – продукты работы кода. Как и всякие тексты, они состоят из знаков, которые в составе текста объединены в синтагму, а в составе кода – в парадигму. Парадигма знаков, из которых строятся фразеологизмы, представляет собой **информационный компонент** фразеологического кода. Эта парадигма делится на несколько субпарадигм по уровневой принадлежности входящих в неё знаков.

На первый взгляд, представляется очевидным, что фразеологизмы состоят из слов. Однако это справедливо лишь для первого ономасиологического уровня, на котором лексические

компоненты фразеологизмов имеют прямые значения и действительно являются словами. По сути дела, из слов состоят не фразеологизмы, а их буквальные прототипы, составляющие план выражения фразеологизмов. На втором же ономастиологическом уровне подтверждается тезис Ю.М. Лотмана о том, что при приложении к тексту различных кодов он различным образом распадается на знаки [3, с. 32]. На какие же знаки распадается фразеологизм на втором ономастиологическом уровне? Рассмотрим этот вопрос с позиций функционального подхода.

В рамках функциональной лингвистики языковые единицы рассматриваются как средства выражения содержания и классифицируются по способам выполнения этой функции. В трудах М.В. Никитина [5; 6] приводится классификация языковых единиц, в рамках которой уровневая принадлежность единицы увязана с её основной функцией. По М.В. Никитину, фонемы являются дистинкторами смысла, морфемы – фиксаторами смысла, слова – номинаторами смысла, а высказывания – коммуникаторами смысла. Отдавая должное высокой конструктивности этой идеи, мы всё же считаем необходимым сделать несколько оговорок касательно применяемых терминов.

Во-первых, следует отметить, что фонемы являются дистинкторами языковых значений, а не речевых смыслов слов. Поэтому термин *дистинкторы смысла* представляется нам неточным.

Во-вторых, термин *фиксаторы* в применении к морфемам представляется несколько расплывчатым. В лингвистике давно существует точный термин *десигнаторы*, который с полным правом можно отнести к морфемам. Морфемы – десигнаторы, притом опять-таки языковых значений, а не речевых смыслов. Десигнировать значение – значит быть носителем значения, но это ещё не значит – называть внеязыковой объект, соответствующий данному значению. Этим морфемы отличаются от слов: они лишь несут значения, а слова, к тому же, выполняют номинативную функцию.

В-третьих, если вспомнить треугольник Ч. Огдена – А. Ричардса, десигнация (означивание) характеризует связь знака и концепта (десигната), а номинация (обозначение) – связь знака и объекта (денотата). Поэтому представляется терминологически не вполне корректным рассуждать о номинаторах смысла (или значения). На наш взгляд, правильнее будет говорить о номинаторах внеязыковых объектов (которые так и называются – *объекты номинации*).

Мы принимаем термин *коммуникаторы смысла*. Высказывания действительно имеют не значение, а смысл, который они передают (коммуницируют) в процессе речевого общения.

Таким образом, в языке существуют единицы, которые с функциональной точки зрения могут рассматриваться как дистинкторы значений, десигнаторы значений, номинаторы объектов и коммуникаторы смысла.

Единица каждого следующего уровня выполняет те же функции, что и единицы предыдущих, плюс собственную функцию [5]. Морфема, будучи десигнатором, в то же время выполняет и функцию различения значений, присущую фонеме; слово, будучи номинатором, является одновременно и десигнатором, как морфема; высказывание, будучи коммуникатором, в то же время номинирует ситуацию, о которой оно повествует.

Если языковая единица по той или иной причине утрачивает свою собственную функцию, она продолжает выполнять функции предыдущих уровней. Например, английские морфемы *cran*⁻¹ в слове *cranberry* – *клюква*, *bar*- в слове *barberry*² – *барбарис* и *bil*⁻³ в слове *bilberry* – *калина* – не выполняют десигнативную функцию (на современном этапе существования английского языка они сами по себе не значат ничего), но выполняют дистинктивную функцию: они служат для того, чтобы отличать значения этих слов друг от друга и от значений других слов, оканчивающихся на *-berry* ('ягода'): *strawberry* (клубника), *gooseber-*

¹ Этимол. *crane* – журавль.

² Искаж. лат. *berberis* – из араб. *barbaris* – бербер.

³ Этимол. предположит. от индоевр. *bhel- – круглый.

ry (крыжовник), *blackberry* (ежевика) и др.). Морфемы *cran-*, *bar-* и *bil-* суть дистинкторы значений, функционально эквивалентные единицам нижележащего уровня – фонемам. Учитывая, что, по Л. Блумфилду, морфема есть наименьшая единица языка, имеющая значение (то есть минимальный десигнатор), десемантизированные морфемы иногда называют псевдоморфемами.

Аналогичным образом, при лексикализации словосочетаний составляющие их слова функционально “деградируют” до единиц нижележащего уровня (морфем), теряя самостоятельную номинативную функцию и сохраняя лишь десигнативную. Это явление особенно характерно для английского языка – языка аналитического строя. Приведём пример: после того как английское словосочетание *big bug* (“большой жук”) обрело в разговорном языке значение “воротила”, его лексические компоненты в значительной мере перестали быть номинаторами объектов и в функциональном отношении приблизились к десигнаторам значений – морфемам – настолько, что в некоторых словарях английского языка эта единица представлена как сложное слово *big-bug*, компоненты которого окончательно превратились из лексем в морфемы, а само словосочетание окончательно превратилось в слово.

Сказанное позволяет вплотную подойти к вопросу о функциональных свойствах лексических компонентов фразеологизмов и далее – к вопросу об их семиотическом и лингвистическом статусе.

В лингвистике пока не выработано единства взглядов о свойствах лексических компонентов фразеологизмов: одними учёными они расцениваются как «слова, но только специфически употреблённые» [10, с. 202], другими – как «особые образования, только генетически восходящие к слову» [4, с. 26]. Если исходить из представления, согласно которому **все** они имеют один и тот же функциональный статус, то однозначно решить данную дилемму не удаётся. Во фразеологизме *кот из дому – мыши в пляс* компонент *кот*, несомненно, является словом, фигурально

обозначающим контролёра, а во фразеологизме *кот наплакал* компонент *кот* – не слово, поскольку он сам по себе ничего не обозначает, то есть не является номинатором. К фонду лексических компонентов фразеологизмов требуется дифференцированный подход. Более того, следует учитывать, о каком ономаσιологическом уровне строения фразеологизма идёт речь.

По нашим представлениям, на первом ономаσιологическом уровне (в буквальном плане) все лексические компоненты фразеологизма – слова. Каждое из них – номинатор; по стандартному правилу их значения в сумме дают прямое значение словосочетания.

На втором ономаσιологическом уровне (в переносном плане) одни лексические компоненты фразеологизмов остаются словами, а другие теряют словный статус. Всё зависит от характера переосмысления исходного значения. Фразеологизм имеет особую семиотическую структуру, которая в общем случае отличается от семиотической структуры своего прототипа – словосочетания с прямым значением.

Фонемы и морфемы, составляющие фразеологизмы, в общем случае являются единицами не собственно фразеологического, а общезыкового кода. Однако, как справедливо отмечает О.Ю. Зеленкина [2], фонемы в составе фразеологизмов способны выполнять особую функцию – функцию так называемой корреляции смыслов. Они способствуют со- и противопоставлению смыслов лексем в рамках художественного повтора, создавая, по выражению Р.О. Якобсона, поэтическую «сверхорганизацию» синтагмы. Например, во фразеологизме *ложка дёгтя в бочке мёда* ассонанс ударных подчёркивает антитезу смыслов ‘малое’ – ‘большое’ (*ложка – в бочке*) и ‘вредное’ – ‘полезное’ (*дёгтя – мёда*). На этом основании О.Ю. Зеленкина считает фонемы, обеспечивающие художественный повтор, особыми, собственно фразеологическими знаками – корреляторами смысла.

В целом идея корреляции смыслов, заимствованная из семиотики художественного текста и перенесённая на фразеологизмы,

представляется конструктивной. Следует, однако, заметить, что функцию художественного повтора во фразеологизмах выполняют не фонемы, а звуки (фонологи такой функции за фонемами не числят). Кроме того, эту функцию выполняют не только отдельные звуки, но и звукоряды (во фразеологизме *слон в посудной лавке* корреляция смыслов 'неуклюжий' – 'хрупкий' подчеркнута метатезой [слн – с-н-л]), и целые рифмующиеся клаузулы (*ни кожи ни рожи*), и корни (*горе горькое*), и форманты (*пригодится воды напиться*), и словоформы (*ложка дёгтя в бочке мёда*: повтор словоформы род. пад. ед. ч.), и синтаксемы (*в огороде бузина, а в Киеве дядька*: параллельные конструкции), и лексемы (*рука руку моет*), и лексические синтагмы (*хоть ты меня бей, хоть ты меня режь*). Не представляется целесообразным объединять все эти единицы в отдельный вид фразеологических знаков – корреляторы смысла – потому, что, во-первых, они слишком разнородны и разноуровневны, а во-вторых, они не сугубо фразеологичны: эта функция выполняется ими также в составе паремий, крылатых выражений, афоризмов, поэтических текстов и т. п. Целесообразнее считать, что это одна и та же функция, выполняемая разными видами языковых единиц и моделей.

Что касается лексических компонентов фразеологизмов, они, на наш взгляд, не могут считаться единицами фразеокода в том же смысле, в каком слова суть единицы общеязыкового кода. Вопрос о том, являются ли лексемы в составе фразеологизмов словами или «особыми образованиями», не может решаться глобально, применительно ко всем фразеологизмам; он решается в зависимости от того, какой ономаσιологический уровень имеется в виду и какую функцию выполняет та или иная лексема в составе фразеологизма.

На первом ономаσιологическом уровне структуры фразеологизмов лексемы проявляют большую часть словных свойств: изменяемость (хотя бы частичную) по грамматическим категориям, словесную схему ударения, раздельное написание, а главное – способность складываться в «сложночлени-

мую семантему» (выражение Н.Н. Амосовой [1, с. 81]), то есть прямое значение словосочетания, служащее внутренней формой фразеологизма и мотиватором фразеологического значения¹. Эти словные свойства играют важную роль в функционировании фразеологизмов и непременно должны приниматься во внимание. На этом уровне лексические компоненты фразеологизмов, несомненно, являются словами.

На втором ономаσιологическом уровне словами остаются те лексемы, которые сохранили самостоятельную номинативную функцию. Это могут быть лексемы с буквальным значением (*Сизифов труд, львиная доля, медвежья услуга, танталовы муки*) или с переносным значением (*каша в голове* – 'путаница в мыслях', *подсластить пилюлю* – 'сдобрить дурную весть', *волк в овечьей шкуре* – 'злодей в безобидном обличье', *выносить сор из избы* – 'разглашать внутриколлективные дразги'). Такие слова представляют собой монологические номинаторы в составе фразеологизмов. Подчеркнём, что номинативная самостоятельность таких лексем в большей или меньшей мере подавлена неразрывной связанностью их значений со значениями соседних лексем и "нависающим" приращённым смыслом, придающим фразеологизму ту или иную степень семантической целостности и глобальности номинации. Так что лексические компоненты фразеологизмов – не полноценные слова. Если номинативная самостоятельность слов не подавлена приращённым глобальным смыслом, перед нами – не фразеологизм, а словосочетание с прямым значением, если даже не буквальным, а переносным: *Перо сильнее меча*. По справедливому замечанию Г.Л. Пермякова, образность этого оборота носит лексический, а не фразеологический характер [7, с. 16]. Каждый из его лексических компонентов переосмыслен по отдельности.

Если номинативная самостоятельность лексем подавлена настолько, что они сохра-

¹ Исключение составляют лексические архаизмы и варваризмы во фразеологических сращениях (*сарынь на кичку, шерочка с машерочкой* и т. п.).

нили в основном лишь десигнативную функцию, то они не являются словами на втором ономасиологическом уровне. Это практически уже не номинаторы объектов, а десигнаторы значений, функционально подобные морфемам, но формально сохранившие рудименты словных свойств. Например, во фразеологизме *как кур в ощип* за лексемой *кур* сохранилось более или менее самостоятельное фигуральное значение ‘человек’, а за лексемой *ощип* – значение ‘трудная ситуация’; но эти лексемы не демонстрируют почти никаких словных свойств. От морфем их отличает лишь соединение по синтаксической, а не словообразовательной схеме и раздельное написание. Лексемы-десигнаторы на этом уровне – не слова, а эквиваленты морфем.

Некоторые лексемы в составе фразеологизмов утратили даже десигнативную функцию и сохранили лишь дистинктивную. Например, в междометном фразеологизме *Убиться веником!*, выражающим удивление, лексемы по отдельности ничего не обозначают и не означают. Это лексемы-дистинкторы значений. Функционально они близки к фонемам, но формально сохраняют остаточные свойства слов.

Лексемы-десигнаторы и лексемы-дистинкторы, сочетаясь друг с другом, образуют сложные (полилексемные) фразеониматоры. Так, фразеологизм *беречь как зеницу ока* состоит из двух фразеониматоров – монолексемного (*беречь*) и полилексемного (*как зеницу ока*). Последний, в свою очередь, состоит из трёх лексем-дистинкторов, переосмысленных как единое целое и совместно передающих значение ‘тщательно’. Целостность повышает устойчивость сочетания лексем. Поэтому первая лексема ‘жива’: она изменяется по грамматическим формам и заменяется синонимом *хранить*, а остальное сочетание лексем ‘застыло’ (нельзя сказать **беречь словно зрачок глаза* и т. п.). Таким образом, внутри фразеологизма могут быть участки с большей и меньшей семантической целостностью и ригидностью.

В предельных случаях весь фразеологизм представляет собой единый фразеониматор,

не делимый на более простые номинаторы. Например, во фразеологизме *синий чулок* – ‘эмансипированная дама’, лексема *синий* сама по себе не обозначает свойство эмансипированности, а лексема *чулок* – даму. Это сочетание переосмыслено целиком и представляет собой семантически высокоцелостный фразеологизм, состоящий из двух лексем-дистинкторов.

Уточним статус тех единиц, которые мы, соглашаясь с А.В. Куниным, называем лексемами, имея в виду лексические компоненты фразеологизмов. Внешне они выглядят как слова, но проявляют ряд несловных свойств; это противоречие и привело к разногласиям об их сущности. Сохраняя «по инерции» словный облик и (отчасти) словное поведение, они представляют собой, так сказать, оболочки слов, наполняемые разной содержательной и функциональной начинкой. На наш взгляд, лексемы – единицы, составляющие фразеологизмы, но не являющиеся единицами собственно фразеологического кода, подобно морфемам и фонемам на предыдущих уровнях. Основные единицы фразеокода – фразеониматоры, которые могут состоять из любого количества лексем – от одной до всех лексем, входящих в состав фразеологизма. Если лексема не представляет собой самостоятельный номинатор, то она является десигнатором либо дистинктором в составе фразеониматора. Такая специфика статуса лексических компонентов обусловлена тем, что фразеологизмы в общем случае – не словосочетания и не слова, а нечто промежуточное и переходное от словосочетаний к словам.

Итак, информационный компонент фразеокода содержит единицы-фразеониматоры (моно- и полилексемные), которые, в свою очередь, содержат фразеодесигнаторы и фразеодистинкторы. Членение фразеологизмов на слова на первом ономасиологическом уровне в разной мере совпадает (иногда совсем не совпадает) с их членением на фразеониматоры на втором ономасиологическом уровне, а синтаксическая структура в разной степени актуальна (иногда совсем не актуальна) на втором ономасиологическом

уровне. Иначе говоря, между первичной и вторичной знаковой структурой фразеологизмов в общем случае наблюдается та или иная степень анизоморфизма. Это фундаментальное свойство определяет структурные и функциональные отличия фразеологизмов от их прототипов – словосочетаний с прямым значением.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. – М.: Издательский дом «Либроком», 2010. – 216 с.
2. Зеленкина О.Ю. Состав фразеологического кода английского языка (на материале номинативных и номинативно-коммуникативных фразеологических единиц): дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2001. – 121 с.
3. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М.: Искусство, 1970. – 384 с.
4. Молотков А.И. Предисловие // Фразеологический словарь русского языка. – М.: Советская Энциклопедия, 1967. – 544 с.
5. Никитин М.В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика). – М.: Высшая школа, 1983. – 128 с.
6. Никитин М.В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика). – М.: Высшая школа, 1983. – 128 с.
7. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. – М.: Наука, 1988. – 235 с.
8. Савицкий В.М. Английская фразеология: проблемы моделирования. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 1993. – 172 с.
9. Савицкий В.М. Основы общей теории идиоматики. – М.: Гнозис, 2006. – 208 с.
10. Смирницкий А.И. Фразеологические единицы в современном английском языке // А.И. Смирницкий. Лексикология английского языка. – М.: Изд-во иностранной лит., 1956. – С. 202-230.

РАЗДЕЛ III. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.161.1'367.625

Балута А.А.

Московский государственный областной университет

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ИМЁН В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ И СЕМИТСКИХ ЯЗЫКАХ (ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

A. Baluta

Moscow State Regional University

FORMATION OF VERBAL NOUNS IN INDO-EUROPEAN AND SEMITIC LANGUAGES (PSYCHOLINGUISTIC ASPECT)

Аннотация. В данной статье рассматривается история возникновения глагольного имени в индоевропейских и семитских языках с привлечением данных психолингвистики и новых теорий глоттогенеза. Автор даёт определение понятию «глагольное имя» и доказывает существование глагольно-именного субстрата, который заключал в себе предикативную основу синтаксических конструкций в древнейших языках. Исследование проводится на базе особенностей менталитета представителей индоевропейской и семитской языковых семей, базирующихся на различиях функционирования нейронных структур головного мозга.

Ключевые слова: глагольное имя, индоевропейские и семитские языки, психолингвистика.

Abstract. The article examines the history of the verbal noun in Indo-European and Semitic languages, involving data and new theories of psycholinguistics and glottogenesis. The author defines the notion of “verb name” and proves the existence of verbal-nominal substrate, which contained the predicative syntactic structures in ancient languages. The research is based on the characteristics of mentality of speakers of Indo-European and Semitic languages conditioned by differences in brain neural functioning.

Key words: verbal name, Indo-European/Aryan and Semitic languages, psycholinguistics.

Глагол, по определению «Русской грамматики», – это «часть речи, обозначающая процесс и выражающая это значение в категории вида, залога, наклонения, времени и лица; глагол обладает также категориями числа и – в формах прошедшего времени и сослагательного наклонения – категорией рода» [11, с. 456]. К категории имени в русском языке (как и во многих других индоевропейских языках) относятся: имя существительное, имя прилагательное и имя числительное [11, с. 457]. В данном исследовании мы изучаем первые два разряда имён. *Имя существительное* – «часть речи, обозначающая предмет (субстантивацию) и выражающая это значение в словоизменяемых категориях числа и падежа и в несловоизменяемой ка-

тегории рода» [11, с. 460]. **Имя прилагательное** – «часть речи, обозначающая непроецессуальный признак предмета и выражающая это значение в словоизменительных морфологических категориях рода, числа и падежа» [11, с. 540].

При сопоставлении морфологических характеристик имён существительного и прилагательного можно отметить, что несловоизменительной является лишь категория рода существительного. Это явление характерно для многих языков в современном состоянии, когда род имени существительного закреплён в словарях, при этом родовая принадлежность существительных в разных языках может быть различной, что создаёт определённые трудности при переводе. Однако если рассмотреть данное явление в более древних языках индоевропейской семьи, например в санскрите, можно наблюдать изменение рода существительных в рамках коммуникативных единиц (предложение, текст) в зависимости от рода существительного-доминанты. Такое изменение рода в современных индоевропейских языках обычно наблюдается у прилагательных, которые вступают в согласование с существительными. Следовательно, можно предположить, что в древнейших индоевропейских языках граница между существительными и прилагательными была менее выраженной и что эти разряды имён имеют единую исходную основу. Более того, в данной работе мы постараемся установить, что имя и глагол, при всей противоположности этих категорий в современных языках, в древнейшем языковом состоянии также имели единую исходную основу. Эту основу мы будем называть термином *глагольное имя*.

Глагольное имя в индоевропейских языках по своим морфологическим характеристикам противопоставлено спрягаемой глагольной форме, то есть, прежде всего, оно является неличной формой. Правда, в семитских языках, например, в иврите, возможно присоединение местоимённых суффиксов к некоторым глагольным именам. Так, в библейском и в современном иврите местоимённые суффиксы, подобные глагольным окончани-

ям, могут присоединяться к инфинитиву [8, с. 213]. Однако присоединение местоимённых суффиксов не делает данную форму спрягаемой, а лишь указывает на косвенный субъект действия. В истории семитских языков также были случаи присоединения местоимённых суффиксов к причастиям настоящего времени [4, с. 247], но данный процесс привёл к преобразованию глагольного имени в спрягаемую глагольную форму.

Наличие остальных глагольных категорий (время, залог и др.) у глагольного имени является допустимым и может варьироваться, в зависимости от этапа исторического развития конкретного языка. Таким образом, класс глагольного имени в нашем определении включает в себя все неспрягаемые глагольные формы, которые характеризуются как субстантивные или адъективные и обладают категориями рода, числа и падежа, в зависимости от наличия данных категорий в конкретном языке на конкретном этапе исторического развития.¹ В наших исследованиях мы объединили термином «глагольное имя» инфинитивы, герундии, герундивы, супины, причастия, имена действия и вторичные отглагольные существительные, которые появились в новых языках путём преобразования древних глагольных имён. Историю формирования системы глагольных имён мы рассматриваем на материале индоевропейских и семитских языков с привлечением данных нейропсихолингвистики и новых теорий глоттогенеза.

Процесс эволюции всех языковых систем непосредственно связан с развитием нейронных структур головного мозга человека. Современное состояние науки позволяет установить, какие именно отделы головного мозга отвечают за восприятие и формирование определённых языковых моделей на разных уровнях языка. Участками головного мозга человека, отвечающими за логическую обработку информации, признаются префронтальные отделы коры больших полушарий,

¹ Имена числительные имеют более узкую семантическую специализацию, поэтому выходят за границы данного исследования.

управляющие выбором слов и движением логики в тексте [3, с. 53]. При этом доказано, что формирование коммуникативного поведения напрямую зависит от особенностей функциональной асимметрии мозга: левое и правое полушарие соотносятся с разными уровнями языковой системы [9, с. 116]. Кроме того, для понимания происхождения языка также не следует оставлять без внимания участие подкорковых структур головного мозга, в частности обнаруженных Дж. Риццоллатти и М. Арбибом «зеркальных нейронов», имеющих отношение к чувственному восприятию действительности и более или менее активированных у разных народов на разных этапах исторического развития [3, с. 13]. Все указанные нами физиологические особенности мозга человека оказывают своё влияние на формирование морфологии и синтаксиса языка.

Морфологическая форма и синтаксическая конструкция по праву могут быть оценены как носители информации о языке, а также об особенностях мышления индивида [12, с. 12]. Мировосприятие отдельного человека и целого народа, соответственно, находит отражение в морфологических формах и синтаксических структурах, которые формируются для выражения мысли в процессе коммуникации. Существуют языки (М. Бейкер называет их «полисинтетическими» [2, с. 117]), где имя и глагол могут соединяться в одно целое (санскрит, могавак). Особенности морфологических форм и синтаксических конструкций конкретного языка и целых языковых семей базируются на особенностях мировосприятия народа-носителя языка, что, в свою очередь, непосредственно связано с особенностями эволюции нейронных структур головного мозга. Все эти изменения могут иметь наследственный характер, а это позволяет выдвигать новые гипотезы по поводу истории языкового родства и перспектив языковой эволюции отдельных народов. Изучая национальные черты мировосприятия человека, необходимо обратиться к существующему в философии понятию «картина мира».

По мнению В.И. Постоваловой, «картина мира» представляет собой целостный образ

действительности, возникающей в сознании человека в ходе его контактов с миром. Этот образ формируется на базе активного познания, в форме, доступной для человеческого восприятия, и воспринимается как сама реальность. Он опосредует все акты человеческого мировосприятия и мироопределения [10, с. 25]. «Картина мира» у каждого человека индивидуальна, однако имеет общие черты у представителей одного народа, что отражается на всех уровнях языковой системы. В языках, не являющихся полисинтетическими, но тяготеющих к синтетическому типу, тем чаще встречаются синтетические морфологические формы и синтаксические конструкции, чем сильнее «космическое» представление у их народов-носителей о категориях пространства и времени. Ярким примером тяготения к синтетическому типу мышления здесь может служить *древнегреческий язык*, известный нам от Гомеровского периода. В нём присутствуют и многообразные определения, и составление многоуровневых синтаксических конструкций по принципу «матрёшек», возможность обширной субстантивации по причине представления всего последующего действия как единой картины (субстантивируются не только отдельные слова, но словосочетания и даже предложения), употребление многочисленных полупредикативных конструкций (причастных и инфинитивных оборотов) вместо развёрнутых сложноподчинённых предложений. С.С. Аверинцев объяснял особенность философии древних греков «космичностью» их представления о бытии, противопоставляя этому мировосприятие семитов, отражённое в тексте Библии. «Если мир греческой философии и греческой поэзии – это «космос», т. е. законосообразная и симметричная пространственная структура, то мир Библии – это «олам», т. е. **поток временного свершения**, несущий в себе все вещи, или мир как история. Внутри «космоса» даже время дано в модусе пространственности: в самом деле, учение о вечном возврате, явно или неявно присутствующее во всех греческих концепциях бытия, как мифологических, так и фи-

лософских, отнимает у времени столь характерное для него свойство *необратимости* и придаёт ему мыслимое лишь в пространстве свойство *симметрии*. Внутри «олама» даже пространство дано в модусе временной динамики – как «вместилище» необратимых событий» [1, с. 269].

Древнегреческую «космичность» пространственно-временных категорий можно противопоставить общесемитскому мировосприятию не только в рамках библейского текста, но и на материале более древних памятников семитских языков. По мнению И.С. Ключкова, уже *авилонскому* восприятию времени была присуща конкретность, то есть «время воспринималось не как абстрактная чистая длительность, а в неразрывной связи с потоком событий, их участников, всей цепью поколений, и, возможно, даже местом действия» [7, с. 13]. «Другой отличительной чертой вавилонского представления о времени является линейность, под которой понимается отсутствие ярко выраженного циклизма» [7, с. 21]. Линейность и конкретность семитского представления о времени являются характерными признаками *аналитического* типа мышления, которое находится в ведении префронтальных отделов коры головного мозга. Однако грамматический анализ семитов несколько отличается от индоевропейского грамматического анализа. Причины этих различий объясняются особенностями работы левого и правого полушарий [9, с. 117].

Кроме того, нельзя сказать, что именно древнегреческий прототип синтетического восприятия пространственно-временных категорий является характерным для всех индоевропейских языков. В индоевропейской семье также существует иной тип грамматического выражения пространства и времени.

В противоположность древнегреческому варианту мировоззрения можно представить мировоззрение древних римлян – носителей латинского языка. «Если у греков пространственно-временное восприятие находилось под сильным воздействием мифологического осмысления действительности, то римские

историки были более восприимчивы к линейному течению времени, и ход истории они осмысливают, опираясь на определённые исходные моменты действительности истории (основание Рима и т. д.)» [5, с. 31]. Это положение в полной мере подтверждает грамматика латинского языка, где уже в классический период «линейность» синтаксических отношений преобладает над синтетическими структурами: гораздо меньше вариантов, чем в древнегреческом, абсолютных причастных оборотов, отсутствует обширная субстантивация, но в то же время сильнее логическая, структурная организованность сложноподчинённых конструкций. Логическая упорядоченность латинской грамматики классического периода столь высока, что не возникает сомнений в преобладании у представителей народа-носителя латинского языка аналитического типа мышления. В дальнейшем это явление находит своё отражение в том, что в лингвистике признаётся явная тенденция к аналитизму большинства романских языков, которые, в свою очередь, вышли из народной латыни.

Противопоставление древнегреческого и латинского мировоззрения и грамматической организации языковых систем по принципу синтетизма и аналитизма приводит к мысли о первичности одного из способов познания мира. В области нейронных структур головного мозга синтетический путь познания (который предшествует анализу, а не следует за ним) имеет отношение к подкорковым структурам и выражается в сенсорном восприятии информации. Следовательно, этот путь познания по праву признаётся первичным [12, с. 16]. Исторически сложилось так, что древнегреческий язык признаётся более древним, чем латинский, следовательно, он в большей степени представляет синтетический способ познания. Одним из самых древних индоевропейских языков, представляющих синтетизм грамматических структур, является санскрит. Однако истоки образования глагольных имён, представляющих собой синтез глагола и существительного, следует искать в более древних языках. Полисинте-

тические языки, существующие в настоящее время, на наш взгляд, представляют лишь следы тех возможностей соединения глагола и имени, которые существовали в наиболее ранних языковых системах. В древние времена синтетичность мировосприятия в грамматике заключалась в том, что высказывания могли строиться без привычной для современности предикативной основы. Вместо неё существовал некий *субстрат*, одновременно обладающий свойствами субъекта и предиката. Этот субстрат и представлял собой древнее *глагольное имя*.

Шумерский язык, древнейший из известных науке письменных языков, не относится ни к семитской, ни к индоевропейской языковой семье. Однако он обладает чертами праосновы обеих систем. В нём глагольное имя представлено чистой корневой морфемой (иногда с одним-двумя формантами). При этом грамматические характеристики данной формы подвижны: одно и то же глагольное имя в различных синтаксических ситуациях могло выполнять функции инфинитива, причастия, прилагательного и имени действия [6, с. 180]. Таким образом, шумерское глагольное имя с неопределёнными синтаксическими характеристиками наиболее близко соотносимо с понятием глагольно-именного субстрата, который лежит в основе происхождения глагольного имени.

Существование субстрата языковой материи признаётся такими психолингвистами, как В.Л. Деглин, Л.Я. Балонов, И.Б. Долинина [9, с. 118]. Не только в психолингвистике, но и во многих других научных дисциплинах (например, физика, химия и др.) признаётся наличие субстрата существующих в природе вещей и субстанциональной действительности в целом. «Необходимо признать в природе два рода субстанций: одна форма и другой материя; ибо необходимо должна быть субстанциональнейшая действительность, в которой заключается активная потенция всего, а также наивысшая потенция и субстрат, в которой содержится пассивная потенция всего: в первой имеется возможность делать, во второй – возможность быть сделанным» [12,

с. 9]. Субстанциональная действительность и субстрат по отношению к языковой материи можно рассматривать в синхроническом и диахроническом аспекте. В синхронном плане субстратом какой-либо формы можно назвать *основной минимальный структурный элемент языковой единицы* на всех уровнях языковой системы (фонема, корень, грамматическая основа и др.). Основное свойство субстрата – его неделимость при сохранении параметров данной языковой единицы. В диахроническом аспекте субстрат можно рассматривать как *исходный элемент определённой языковой формы, существующий на разных этапах эволюции конкретного языка или группы родственных языков*. По отношению к наиболее древнему языковому состоянию субстратом грамматических категорий имени и глагола мы будем считать древнее *глагольное имя*, следы которого сохранились в шумерском языке.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аверинцев С.С. Порядок космоса и порядок истории в мировоззрении раннего средневековья (общие замечания) // Античность и Византия. – М.: Наука, 1975. – С. 266-285.
2. Бейкер М. Атомы языка: Грамматика в темном поле сознания / Пер. с англ.; Под ред. О.В. Митрениной, О.А. Митрофановой. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 272 с.
3. Бурлак С.А. Происхождение языка: новые материалы и исследования. – М.: РАН ИНИОН. Отд. языкознания, 2007. – 80 с.
4. Гранде Б.М. Введение в сравнительное изучение семитских языков. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. – 439 с.
5. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1972. – 318 с.
6. Канева И.Т. Шумерский язык. – 2-е изд., доп. и перераб. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 240 с.
7. Ключков И.С. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. – М.: Наука, 1983. – 552 с.
8. Ламбдин Т.О. Учебник древнееврейского языка. – Изд. 2-е, перераб. – М.: РБО, 2000. – 508 с.
9. Нейропсихолингвистика: Хрестоматия / Составитель К.Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2009. – 304 с.
10. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 8-69.

11. Русская грамматика: научные труды / Н.С. Авилова, А.В. Бондаренко, Е.А. Брызгунова, С.Н. Дмитренко, И.Н. Кручинина, В.В. Лопатин, М.В. Ляпон, В.А. Плотникова, М.С. Суханова, И.С. Улуханов, Н.Ю. Шведова. – Репринтное издание. Т. II. – М.: Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2005. – 712 с.
12. Халина Н.В. Категория градуальности в морфологии. (Сравнительная степень прилагательных). – Барнаул: Издательство Алтайского гос. университета, 1996. – 229 с.

УДК 81-13

Гаврилова Ю.В.

Всероссийская академия внешней торговли (г. Москва)

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА В XIX-XX вв.

J. Gavrilova

Russian Academy of Foreign Trade, Moscow

STUDIES OF PACIFIC LANGUAGES IN THE XIX AND XX CENTURY

Аннотация. Данная статья посвящена научной деятельности трёх британских лингвистов, живших в разное время в XIX-XX вв., которые внесли огромный вклад в запись и сохранение некоторых «экзотических» туземных языков Тихоокеанского региона, что стало возможным благодаря существованию Британской империи. Двое из них, Л. Трелкелд и Дж.А. Робинсон, сочетали миссионерство с изучением языка. По некоторым исчезнувшим языкам составленные ими записи являются единственными сохранившимися. Данные списки лексики нередко дают представление об изменениях, произошедших в языках с момента первого контакта с европейцами.

Ключевые слова: миссионер, туземный, исчезающий язык, империя.

Abstract. The article deals with the scientific work of 3 British linguists, who lived in different periods of the XIX – XX centuries. They made a remarkable contribution to the documentation of some exotic aboriginal languages of the Pacific region, which was possible due to the existence of the British Empire. L. Threlkeld and G.A. Robinson combined missionary activities with studying languages. The wordlists of some languages that are now extinct are the only remaining ones. These vocabulary lists provide information about changes which took place in these languages from the moment of the first contacts with Europeans.

Key words: missionary, aboriginal, extinct language, empire.

Когда первые европейские миссионеры прибыли на другие континенты, стало понятно, что экзотические языки могут стать средством христианизации местного населения. Соответственно, возникла необходимость создания словарей и грамматик этих языков. Однако изучению данного лингвистического материала до сих пор не было уделено достаточного внимания.

Со времени начала испанских завоеваний земель Нового света миссионеров направляли в регионы, где местное население говорило на языке, сильно отличавшемся от национальных языков миссионеров. Целью миссионерской деятельности было распространение Евангелия, перевод текстов богослужений и Священного Писания.

В последние столетия миссионерская деятельность религиозного характера уступила место изучению языка и привлекает к себе самые разнообразные организации, среди них особенно известны Британское и Международное библейское общество (**the British and Foreign Bible Society**) в XIX в., Летний институт лингвистики (**the Summer Institute of Linguistics**) в XX в.

Исторически Британская империя обладала большим количеством колоний. Данное обстоятельство не могло не наложить свой отпечаток и на специфику языкознания в стране. А именно, британские лингвисты имели доступ к многочисленным языкам, среди которых были и малоизученные, так называемые «туземные», или «экзотические», языки.

Несомненно, можно по-разному относиться к вопросу оценки колониальной политики Британии, однако, если признать положительные результаты миссионерской деятельности, то следует сосредоточиться на рассмотрении её языкового аспекта. Более того, вопрос зна-

чимости деятельности миссионеров остаётся актуальным для британской науки и на современном этапе. Об этом свидетельствует выход в свет специального выпуска периодического журнала Общества истории изучения лингвистических идей имени Генри Суита (**The Henry Sweet Society for the History of Linguistic Ideas**) под названием «Язык и история» («Language and History») в 2011 г. (том 54, № 2), посвящённого проведённым в XIX-XX вв. исследованиям языков Тихоокеанской группы. Журнал содержит 3 статьи, посвящённые биографии и деятельности трёх лингвистов, занимавшихся исследованием языков Тихоокеанского региона (**Pacific-Area Linguistics**), среди которых: Ланселот Трелкелд (**Lancelot Threlkeld, 1788-1859**), Джордж Огастес Робинсон (**George Augustus Robinson, 1791-1866**), Питер-Энтони Ланьон-Орджилл (**Peter Anthony Lanyon-Orgill, 1924-2002**). Из названных исследователей первые двое были миссионерами.

Трелкелд, Робинсон и Орджилл на протяжении многих лет работали с австралийскими аборигенами и записывали информацию по одному или нескольким туземным языкам. Наследие названных выше исследователей не утратило своей актуальности и в настоящее время, так как многие изучавшиеся ими языки сейчас либо уже являются исчезнувшими, либо об этих языках по-прежнему существует мало других письменных данных.

Следует сказать, что мотивацией к деятельности миссионеров служил прагматический аспект. Изучение языка было лишь частью их миссии, в то время как более важной целью традиционно назывался подъём уровня жизни аборигенов, предоставление им возможности иметь собственное видение Священного Писания и, кроме того, самостоятельно свидетельствовать в британских судах.

Итак, немалый интерес был проявлен к работам миссионера Трелкелда и его основного информанта Джона Макджилла (**John McGill**), позднее известного как Бирабан (**Biraban, 1819-1846**), лидера народа озера Маккуаэри (**Lake Macquarie people**), который ока-

зал неоценимую помощь исследователю как носитель языка. Более подробно об этом см. статью [2], в которой содержится информация Джима Уафер (**Jim Wafer**), преподавателя университета Ньюкастла (Австралия), члена исследовательской группы по документации, теории и применению исчезающих языков (**Endangered Languages Documentation, Theory and Application research group**), и Хилари М. Карей (**Hilary M. Carey**), профессора истории того же университета [1].

Карьера Трелкелда традиционно рассматривается неоднозначно. Действительно, она была полна противоречий. Его усилия во имя аборигенов Нового Южного Уэльса одновременно вызывали как поддержку, так и резкую критику. Подобная смешанная оценка характерна и для нашего времени, когда масштабной критике подвергается колониальная политика Великобритании в целом.

В основном деятельность Трелкелда была связана именно с лингвистическим аспектом. Материалом его анализа служил всего один туземный язык – «**Hunter River-Lake Macquarie (HRLM)**». Важен тот факт, что записанных им лингвистических данных было достаточно для вполне адекватной реконструкции данного языка. И в 2006 г. вышла в свет грамматика этого языка, написанная Амандой Лиссараг (**Amanda Lissarague**) [5], построенная на материале записей Трелкелда [4].

В ходе своей работы Трелкелд неоднократно подчёркивал сложность структуры туземных языков. Необходимым условием деятельности исследователя он считал, прежде всего, жизнь вблизи людей, являвшихся носителями языка, и, соответственно, запись звуков и значений слов этого языка. Далее требовалось разработать орфографию для фиксации слов и предложений, что впоследствии дало бы возможность перевести священные тексты Нового Завета и затем всю Библию целиком.

Миссия Трелкелда в районе озера Маккуаэри (**Lake Macquarie**) началась в 1825 г. В этом же году им были предприняты первые попытки разработки орфографии для записи языка. Он проявил себя как очень внимательный слушатель, заметивший отсутствие

в языке фрикативных звуков и записавший двойственное число и некоторые другие аспекты грамматики. Трелкелд стремился в какой-то мере овладеть данным языком.

В 1828 г. сотрудничество исследователя с Лондонским обществом завершилось, однако благодаря финансированию со стороны колониального правительства он смог приступить к новой миссии в том же районе. К этому времени относится начало сотрудничества с основным его информантом, Джоном Макджиллом, который оказывал огромную помощь исследователю, в частности, в появлении публикаций по грамматике.

Примерно в это же время исследователь начал предпринимать первые попытки перевода текстов англиканских молитв (**the Anglican Book of Common Prayer**), а также выступать в качестве переводчика для аборигенов, обвиняемых в Верховном суде Нового Южного Уэльса.

В целом, говоря о наследии учёного, собранный им материал традиционно делят на две части: аналитический материал (языковой) и сделанные им переводы религиозных текстов, составляющие большую часть его наследия. Взятые вместе, аналитический и иллюстративный материал дают понимание морфологии языка, а также общее представление о синтаксисе, организации высказывания и семантике.

Среди его работ выделяются «Образцы языка аборигенов нового Южного Уэльса к северо-востоку от Сиднея» («Specimens of the Language of the Aborigines of New South Wales to the Northward of Sydney», 1824) и «Орфография и орфоэпия диалекта аборигенов Нового Южного Уэльса» («Orthography and Orthoepy of a Dialect of the Aborigines of N.S.W.», 1825).

Другой упомянутый выше исследователь, Джордж Робинсон, известен в австралийской истории и современной науке тем, что записывал национальные диалекты региона Виктория и близлежащих земель, собирал информацию по языкам Нового Южного Уэльса (Австралия).

В 1839 г. протекторат Порты Филлип (Виктория) был учреждён британской Палатой

общин и просуществовал в течение 10 лет, вплоть до 1849 г. Была создана должность защитника прав аборигенов (**Protector of Aborigines**), обязанностями которого были изучение языка аборигенов, контроль за соблюдением их прав, пресечение конфликтов между европейцами и местным населением, европеизация и христианизация местного населения. На эту должность и был назначен Робинсон.

Из биографических данных известно, что Робинсон родился и вырос в Лондоне, переехал в Тасманию в 1824 г. У него не было законченного образования, однако он много читал, участвовал в деятельности религиозных организаций, путешествовал по Тасмании, изучая жизнь аборигенов и делая много записей наряду с ведением официальной отчётности. Записанные им журналы затем были использованы другими учёными при написании истории аборигенов Тасмании и антропологии.

Известно, что Робинсон любил путешествовать, открывая для себя новые регионы, а также ему нравилось общаться с аборигенами, особенно на территории около Мельбурна, что он часто и предпочитал делать в ущерб офисной работе. Он проводил массу времени в своём протекторате Порт Филлип [6], пытаясь выучить язык и узнать обычаи народов. Этот язык он называл «Waverong».

Робинсон затем планировал публикацию книги об австралийских аборигенах, но эта идея так и не была воплощена в жизнь, так как была отложена до очень позднего времени, когда его здоровье начало ухудшаться. Он умер в 1866 г., а собранные им записи были обнаружены лишь в 1939 г. в городе Бат (Великобритания) и были переданы в библиотеку Сиднея в 1948 г.

Робинсон не оставил после себя систематизированных записей о культуре аборигенов в эпоху протектората Порты Филлип, иначе называемого районом Виктория (1839–1849 гг.). Однако его заметки помогли при исследовании традиционной жизни аборигенов в Виктории, а именно записи состава и территорий социальных групп, географических названий и диалектов.

Наследие Робинсона является весьма ценным как для этнографии, так и для лингвистики, так как в его записях содержится информация по названиям групп аборигенов, их территориям, взаимоотношениям между группами (нормальные или враждебные) и между языками, причём рассматривались они в основном с точки зрения самих этих народов. Учёный применял в своей работе два метода: систематические выводы (*systematic elicitation*) с опорой на консультантов (или информантов) и постоянное личное наблюдение (*participant observation*), т. е. сбор сведений в процессе общения с представителями изучаемых народов.

Гарольд Кох (*Harold Koch*), автор статьи «Джордж Аугустус Робинсон и документация языков юго-восточного Нового Уэльса» («*George Augustus Robinson and the Documentation of Languages of South-Eastern New South Wales*»), научный сотрудник языковой школы Национального университета Австралии, так оценивает наследие учёного: «Записи Робинсона ценны с точки зрения: а) их информации о названиях, местах и взаимоотношениях носителей языков; б) их словаря, который вносит огромный вклад в создание фонологической формы многих слов; в) количества лексических данных по языкам; г) той основы, которую они предоставляют для сравнительного изучения языков» [4, р. 158]. При этом, например, для языка Тава (*Thawa*) сведения, собранные Робинсоном, абсолютно уникальны, так как три списка лексики – это в настоящее время практически единственные сохранившиеся сведения о языке. Его «документация» языков состоит прежде всего из списков слов, записанных с опорой на правописание английского языка. Списки также содержат некоторую информацию по социальному и географическому контексту слов.

Хотя Робинсона нельзя назвать в полной мере академическим лингвистом, ему удалось собрать одно из наиболее полных для того времени документальных свидетельств о языках аборигенов. Своим успехом учёный обязан тем возможностям, которые он

использовал в ходе своей службы на территории в качестве защитника прав аборигенов (*Aboriginal Protector*), его живому интересу к беседам с аборигенами и его настойчивости в записывании их слов. В целом же материал, собранный Робинсоном, составляет важный источник информации для соответствующей документации и описания языков Австралии.

Наконец, наиболее близкий к нам по времени учёный, Питер Энтони Ланьон-Орджилл (*Peter Anthony Lanyon-Orgill*, 1924-2002), не будучи миссионером, приобрёл известность в середине XX в. среди исследователей-лингвистов Тихоокеанского региона благодаря публикациям по языкам Океании и Новой Гвинеи. Его судьбе и научному наследию посвящена статья доктора Росс Кларк (*Ross Clark*), преподавателя кафедры прикладных исследований языка и лингвистики университета Окленда (Новая Зеландия) [2].

Орджилл родился в 1924 г. в северном Уэльсе. В двенадцатилетнем возрасте у него проявился интерес к языкам. 40-е гг. XX в. были для него периодом, богатым на путешествия. С 1942 по 1946 гг. он служил во флоте, побывав в это время в Средиземном море, Китае, Александрии, Таиланде, Соломоновых и Новых Гебридских островах. Хотя Орджилл учился в Оксфордском университете, однако высшее образование так и не было им завершено. В 1951 г. он занял пост директора школы в Лондоне, Норфолк, а в 1974 г. он оказался вовлечённым в скандал, связанный с экзаменационными работами учащихся, что привело к увольнению его с должности и выселению из здания школы (где он проживал), а также конфискации его библиотеки.

Орджилл никогда не занимал должностей в сфере высшего образования и не выступал с докладами на научных конференциях по лингвистике. Иногда его обвиняли в плагиате и ссылок на работы несуществующих авторов. Однако, хотя его карьера и далека от ортодоксально научной, следует принимать во внимание пока ещё общий, достаточно непрофессиональный характер исследований языков Тихоокеанского региона.

Его первая статья «Полинезийское поселение в Новой Британии» (“**A Polynesian settlement in New Britain**”) появилась в журнале Полинезийского общества “**Journal of Polynesian Society**” в 1942 г.; дальнейшие публикации по языкам Океании выходили в свет в «Бюллетене Школы изучения Востока и Африки» (“**Bulletin of the School of Oriental and African Studies**”). А в 1953 г. Орджилл предпринял попытку основать собственный научный журнал, который назывался «Журнал австронезийских исследований» («**Journal of Austronesian Studies**»), выходявший с разными интервалами между 1953 и 1966 гг.. Наряду с его собственными статьями в журнале печатались статьи известных в то время учёных, таких, как Биггс, Стимсон, Керн.

В 1950-х гг. Орджилл вернулся к публикации монографий, в частности, вышла в свет книга «Введение в тайский (сиамский) язык для студентов-иностранцев» («**An Introduction to the Thai (Siamese) Language for European Students**»). Кроме того, в 1960 г. был опубликован словарь языка ралуана («**A Dictionary of the Raluana Language**»), работа над которым шла в течение 20 лет.

В 1983 г. вышла монография Пола Герэгги (Paul Geraghty) [3], в которой заслугой Орджилла автор назвал 87 составленных лексических списков (**wordlists**) языков Тихоокеанского региона. Были отмечены также составленные им словари по языкам Mailu, Raluana, Simbo. Нельзя не отметить, что в указанный период словари по индивидуальным языкам или даже списки слов имели

большую ценность для специалистов по изучению Тихоокеанского региона.

Хотя в целом записанные к настоящему моменту данные по языкам Тихоокеанского региона (Pacific languages) немногочисленны, по мировым стандартам, ранние сведения и списки лексики по ним по-прежнему представляют интерес для специалистов, так как в них часто имеются свидетельства об изменениях, происходивших в языках с момента первых контактов с европейцами, с одной стороны, а также они доказывают существование уже исчезнувших языков – с другой.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Carey H.M., Wafer J. Waiting for Biraban: Lancelot Threlkeld and the ‘Chibcha Phenomenon’ in Australian Missionary Linguistics // Language and History. – Vol. 54. – No. 2, November, 2011. – P. 112-139.
2. Clark R. On the Margins of Pacific Linguistics: P.A. Lanyon-Orgill // Language and History. – Vol. 54. – No. 2, November, 2011. – P. 164-177.
3. Geraghty P. Review of Lanyon-Orgill // Journal of the Polynesian Society. – Vol. 92. – 1983. – P. 552-559.
4. Koch H. George Augustus Robinson and the Documentation of Languages of South-Eastern New South Wales // Language and History. – Vol. 54. – No. 2, November, 2011. – P. 140-163.
5. Lissarague A. A salvage grammar and wordlist of the language from the Hunter River and Lake Macquarie. – Nambucca Heads, NSW: Muurbay Aboriginal Language and Culture Cooperative, 2006. – 276 p.
6. Port-Phillip District // Encyclopedia Britannica [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/470942/Port-Phillip-District> (дата обращения: 02.09.2012).

УДК 81.255.2

Евсюнина Т.С.

Московский государственный областной университет

**ПОНИМАНИЕ ПЕРЕВОДНОГО ТЕКСТА:
ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ**

T. Evsyunina

Moscow State Regional University

**COMPREHENSION OF TRANSLATED TEXT:
PROBLEM OF TRANSLATING REALIA**

Аннотация. В статье на материале известного произведения А. Конан Дойла «Собака Баскервильей» рассматриваются проблемы, связанные с восприятием художественного текста на переводящем языке с точки зрения понимания читательской аудиторией слов-реалий. Отмечается, что на данный процесс влияет как выбранный переводчиком способ репрезентации указанного пласта лексики при передаче оригинала, так и степень «культурной осведомлённости» реципиентов по отношению к той действительности, которая отражена в последнем. Вместе с тем приходится принимать во внимание время создания того или иного перевода, что может отразиться на выборе способа воспроизведения реалии.

Ключевые слова: слова-реалии, национально-культурная специфика, понимание текста, художественный текст, лексический пласт.

Abstract. Problems connected with comprehension of a literary text in the translating language from the point of view of reader's understanding words-realia are analyzed in the article on the material of Arthur Conan Doyle's well-known novel *The Hound of the Baskervilles*. It's also stated that this process is influenced both by the translator's choice of the method of presenting this part of lexis while rendering the original and the degree of the recipients' cultural "awareness" of the reality reflected in it. Along with this, one should take into consideration the time the particular translation is done, since it may influence the way of rendering realia.

Key words: words-realia, national and cultural specificity, understanding of the text, literary text, lexical part.

Выдающийся отечественный учёный, труды которого сыграли ведущую роль в процессе формирования психолингвистики как научной дисциплины, Л.С. Выготский подчёркивал, что понимание заключается в умении «ориентироваться в сложном внутреннем пространстве, которое можно было бы назвать системой отношений. В этом установлении отношений, выделении важного, в сведении и переходе заключается процесс, называемый обычно пониманием... Понимание текста предполагает сохранение соответствующего пропорционального веса слов или изменение пропорций, пока они не дадут результата, удовлетворяющего цели чтения. Понимание рассказа подобно решению задачи в математике. Оно состоит в отборе правильных элементов ситуации и в соединении их в правильных соотношениях, а также в придавании каждому из них правильного веса, влияния или степени важности» [3, с. 196, 211].

Когда речь идёт о художественном тексте, неизбежно обладающем в той или иной степени *культурной маркированностью*, в упомянутой Л.С. Выготским «системе отношений» и определяющих её «правильных элементов ситуации» одну из ключевых функций, как известно, выполняют слова-реалии, традиционно квалифицируемые как «названия присущих только определённым нациям и народам предметов материальной культуры, фактов истории, государственных институтов, имена национальных и фольклорных героев, мифологических

существ и т. п.» [5, с. 5]. Известно, что – используя процитированное выше высказывание – именно «в придавании каждому из них правильного веса, влияния или степени важности», которое позволило бы обеспечить адекватное восприятие вторичного текста на ПЯ, заключается одна из самых больших сложностей при межъязыковой передаче и характеризуется часто как «перевод непере-водимого» (ср. заглавие известной книги С. Влахова и С. Флорина [2], посвящённой данному вопросу).

Однако, на наш взгляд, рассматриваемая проблема имеет и другую сторону. Если основной задачей межъязыковой передачи, несомненно, приходится считать обеспечение понимания отражённых в тексте оригинала реалий, то нельзя забывать и о том, что «понимание или непонимание – это не абсолютные понятия, а относительные: всегда существует *степень* понимания» [1, с. 44].

Таким образом, возникает вопрос о том, насколько соотносительны между собой степень (или глубина) понимания интересующих нас единиц у читателей, принадлежащих к исходной культуре (и, естественно, знакомящихся с текстом в подлиннике), и той аудитории, для которой предназначен перевод, что требует анализа его репрезентации на ПЯ.

Как известно, в отличие от текста на ИЯ, на ПЯ может существовать несколько (теоретически – неопределённое множество) вариантов одного и того же произведения, выполненных разными переводчиками (подробнее см. [6]). Отсюда следует, что исследуемый лексический пласт может быть представлен по-разному, а отдельные единицы в каких-то версиях иногда вообще опускаются (так называемый нулевой перевод).

В статье анализируются способы подачи некоторых реалий в трёх русских переводах повести А. Конан Дойла «Собака Баскервилей», выполненных, соответственно, в начале (Е.Н. Ломиковская), середине (Н.А. Волжина, чья версия на данный момент может быть признана наиболее известной) и конце (В. Михалюк) прошлого столетия. При этом

мы сочли целесообразным остановиться, в первую очередь, на тех случаях, когда наблюдались расхождения между указанными вариантами, позволяющие судить о степени постижения семантики исследуемых реалий в том или ином конкретном случае.

Сопоставим передачи *географических* реалий в трёх примерах:

“This, in truth, his neighbors might have pardoned, seeing that saints have never flourished in those parts, but there was in him a certain wanton and cruel humor which made his name a byword through **the West**” [11, p. 13].

1. «Эти качества сосѣди простили бы и ему, потому что они никогда не видѣли, чтобы святые процвѣтали въ этой мѣстности, но онъ отличался такимъ жестокииъ развратомъ, что имя его сдѣлалось притчей на всемъ **Западѣ**» [9].

2. «Соседи простили бы ему все его преступления, ибо святые никогда не водились в наших местах, но в натуре Гуго была склонность к безрассудным и жестоким шуткам, что и сделало имя его притчей во языцех во всем **Девоне**» [7, с. 450].

3. «Соседи бы молча терпели его выходки, понимая, что в столь суровых местах святыми не становятся, если бы не его распутство и склонность к жестоким шуткам, о которых по всему **западному побережью** ходили легенды» [8, с. 55].

Перевод слова **West** (Запад) каких-либо затруднений не вызывает (если иметь в виду чисто географический аспект). Тем не менее мы наблюдаем три различных переводческих решения, что вряд ли случайно. Е.Н. Ломиковская решила, что поскольку данное слово – **West** – означает «запад», то и в переводе должна фигурировать именно эта лексема, предоставляя читателю самому додумывать, какой «Запад» имеется в виду. Возможно, для начала XX столетия такое решение было наиболее приемлемым. Однако переводившие в другие эпохи Н.А. Волжина и В. Михалюк не могли не учитывать (насколько сознательно, сказать сложно), что у большинства их современников «Запад», в первую очередь, ассоциируется со странами Западной Европы

и США, обладает довольно отчётливой культурно-политической коннотацией. Очевидно, поэтому использование названного слова в данном случае совсем неуместно (несмотря на то, что оно не исказило бы смысла текста). Оба переводчика решили прибегнуть, опираясь на широкий контекст, к конкретизации значения – в указания названия графства, в котором происходят описываемые в тексте события (Н.А. Волжина), или подчеркнуть, что действие происходит в прибрежных районах Англии. Возможно, обе субституции можно признать правомерными. Однако решение В. Михалюка, на наш взгляд, выглядит более удачным – использование самим автором лексемы **West** могло свидетельствовать и о том, что дурная слава персонажа, о котором идёт речь, распространилась за пределами одного графства.

Пожалуй, среди множества видов словреалий, описанных в существующей специальной литературе, одним из наиболее сложных для восприятия русского читателя традиционно считаются так называемые «реалии-меры», т. е. метрологические единицы различного характера. Как отмечали С. Влахов и С. Флорин, при их передаче может наблюдаться определённая коллизия. С одной стороны, поскольку они являются носителями определённой информации количественного характера (расстояние, вес, объём и т. п.), постольку, «чтобы воспринимать эту информацию, читатель должен знать реальные величины этих мер или хотя бы иметь приблизительное представление о них». С другой стороны, в отличие от научных трудов, «языком художественной литературы являются образы. Так что, попадая в я з ы к о б р а з о в, меры-реалии служат не столько для передачи точной информации, сколько для создания в воображении читателя зримого представления об описываемом фрагменте действительности» [2, с. 169, 170].

О том, какие сложности может вызвать эта двойственность при восприятии текста переводчиком (и, соответственно, при «доведении» данной информации до реципиента) на наш взгляд, может свидетельствовать следую-

щий пример: «...the south wall she came down from under the eaves, and so homeward across the moor, there being **three leagues** betwixt the Hall and her father's farm» [11, p. 13]. Поскольку речь идёт о девушке, бежавшей от насильника, за которой началась погоня, представление читателя о том, насколько велико расстояние «три лиги», существенно для понимания текста. В переводе В. Михалюка они просто калькированы: «По плющу, который увивал (и продолжает увивать в наши дни) южную стену, она спустилась с верхнего этажа на землю и бросилась через болото к отчему дому. Ферма ее отца находилась **в трех лигах** от Баскервиль-холла» [8, с. 53]. Его предшественница Н.А. Волжина выбрала иное решение: «...спустилась на землю по плющу, что оплетал (и по сию пору оплетает) южную стену замка, и побежала через болото в отчий дом, отстоявший от баскервильского поместья на **три мили**» [7, с. 453]. Она заменила неизвестную широкому читателю единицу (*лига*) на более известную в России реалию *миля*. На первый взгляд, приём вполне оправданный: сохраняется, с одной стороны, «национальный колорит» (не введены же вместо *лиг вёрсты* или *километры!*), с другой – эта единица – «три лиги» – введена так, «чтобы читатель мог догадаться об их вещественном содержании» [2, с. 167]. Однако «вещественное содержание» передано не совсем точно. Согласно английским словарям, **league** – “an ancient unit for measuring distance, equal to 3 miles or about 4828 metres on land, and three nautical miles or 556 metres on sea”, тогда как **mile (mile)** определяется как “unit for measuring distance, equal to 1760 yards or about 1609 metres” [12, p. 915, 1041]. Таким образом, переводчица в *три раза сократила* расстояние, которое предстояло пробежать жертве Хьюго Баскервиля, что явно искажает восприятие смысла перевода исходного текста: во-первых, пробежать три мили (около четырёх километров, поскольку в тексте явно имеется в виду именно сухопутная миля) молодой деревенской девушке, привыкшей к физическому труду, едва ли было не по силам; во-вторых, у русского читателя вызывает недоумение, почему гнавшимся за ней на лоша-

дях собутыльникам Хьюго и своре гончих собак, потребовалось так много времени, чтобы её настичь...

Пожалуй, наиболее оптимальный способ передачи на русский язык единицы «три лиги» предложила переводчица начала прошлого столетия Е.Н. Ломиковская: «...при помощи плюща, покрывавшаго (и по нынѣ покрывающаго) южную стѣну, она спустилась съ карниза и побѣжала черезъ болото по направлению къ фермѣ своего отца, отстоявшей отъ замка на девять миль» [9]. Таким образом, полностью сохранено «вещественное содержание», с одной стороны, и в то же время сохранён исторический и национальный колорит – с другой.

Сложность вызывают при переводе реалии, которые С. Влахов и С. Флорин отнесли к *общественно-политическим*, в частности отражающие социальный статус тех или иных персонажей. Сошлёмся на один из примеров:

“No,” said he (*Dr. Mortimer*). “There are a few gipsies and labouring folk for whom I can’t answer, but among the farmers or **gentry** there is no one whose initials are those” [11, p. 106].

Согласно английским толковым словарям, **gentry** – “an old word for a someone from a high social class; *the landed gentry*” [13, p. 592].

Отметим, что перевод Н.А. Волжиной существует в двух вариантах – с сохранением реалии: «Правда, за цыган и работников на фермах я не могу ручаться, но среди самих фермеров и **джентри** такие инициалы как будто ни к кому не подходят» (с пояснением: «Джентри – мелкопоместные дворяне в Англии» [7, с. 544], – и применением в самом тексте функционального аналога: «Правда, за цыган и работников на фермах я не могу ручаться, но среди самих фермеров и **мелких помещиков** такие инициалы как будто ни к кому не подходят» [10, с. 105]).

Переводчик У.В. Михалюк использует близкий к приведённому выше вариант: “Нет”, — сказал доктор, — “ни среди фермеров, ни среди **местных дворян**, пожалуй, нет никого с такими инициалами. Разве что это кто-нибудь из цыган или работников на фермах, чьих имен я не знаю” [8, с. 163].

Таким образом, оба переводчика подчеркнули, что **gentry** принадлежат к привилегированному классу, что вполне соответствует семантике данной единицы (хотя и не передаёт её специфику в полной мере, для чего потребовалось бы более развёрнутое объяснение, явно неуместное в переводе художественного текста).

Перевод же Е.Н. Ломиковской, на первый взгляд, явно не соответствует исходному тексту: «Нѣтъ. Тутъ есть нѣсколько цыганъ и рабочихъ, именъ которыхъ я вамъ не могу назвать, но между фермерами и **интеллигентными людьми** нѣтъ ни одного, имя и фамилія котораго начинались бы на Л» [9]. Действительно, с точки зрения современного русского читателя здесь допущена явная ошибка либо в понимании, либо в интерпретации процитированного фрагмента: сельские мелкопоместные помещики отнюдь не обязательно были «интеллигентными людьми». Да и оборот этот несколько не соответствует британской традиции, где само слово «интеллигенция» (*intelligentsia*), появившееся, как известно, под влиянием русского языка, понимается как “the people in a society who are best educated and the most interested in art, science, literature, etc. at an advanced level [13, p. 747] – характеристика, явно не соответствующая большинству обитателей окрестностей Баскервиль-холла. Однако такая подача реалии оправданна. Обратившись к известному энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона, выходявшему в свет примерно в тот же период, когда создавался рассматриваемый перевод, находим следующее объяснение интересующего нас слова: «Джентри (*Gentry*), низшее землевладельческ. дворянство в Великобритании [найты (*Knights*), баронеты, эсквайры]; также чиновники и учёные в отличие от промышленников» [4]. Таким образом, в понятие **gentry** включены (другой вопрос, насколько правомерно) и работники умственного труда, т. е. как раз тот слой, который традиционно в русском языке обозначался лексемой «интеллигенция», чем, вероятно и объясняется несколько необычное для наших дней переводческое решение.

Таким образом, рассмотренный нами материал подтверждает положение о том, что понимание и интерпретация лексики, обладающей национально-культурной спецификой, представляет собой достаточно сложный процесс, при рассмотрении которого необходимо учитывать как время осуществления межъязыковой передачи, так и индивидуально-стилистические предпочтения переводчика.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социоллингвистика и социология языка: учебное пособие. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. – 336 с.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Высшая школа, 1986. – 416 с.
3. Выготский Л.С. Антология гуманной педагогики. – М.: Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 1996. – 222 с.
4. Джентри // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона [Электронный ресурс]. – URL: <http://slovari.yandex.ru/джентри/Брокгауз%20и%20Ефрон/Джентри/> (дата обращения: 05.09.2012).
5. Дойл А.К. Собака Баскервильей: повести, рассказы / пер. с англ. Н.А. Волжина. – М.: Эксмо, 2010. – 608 с.
6. Дойл А.К. Собака Баскервильей. Этюды в багровых тонах / пер. с англ. В. Михалюка. – Харьков; Белгород: Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2000. – 396 с.
7. Дойл А.К. Собака Баскервильей / перевод Е.Н. Ломиковской [Электронный ресурс]. – URL: http://az.lib.ru/d/dojlx_a_k/text_0010oldorfo.shtml (дата обращения: 05.09.2012).
8. Дойль А.К. Собака Баскервильей / пер. Н.А. Волжиной // Артур Конан Дойль. Собр. соч. в 8 т. – Т. 2. – М.: Правда, 1966.
9. Томахин Г.Д. Реалии-американизмы. Пособие по страноведению: учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высшая школа, 1988. – 239 с.
10. Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И. Межкультурная адаптация художественного текста. – М.: Прометей, 2003. – 172 с.
11. Doyle Arthur Conan. The Hound of the Baskervilles and The Valley of Fear. – Wordsworth classics, 1999. – 320 p.
12. Longman Dictionary of Contemporary English. – New Edition. – Harlow: Pearson Education Limited, 2003. – 1950 p.
13. Macmillan English Dictionary for Advance Learners. – Oxford: Macmillan Education, 2002. – 1692 p.

УДК 811.161,1'367+811.161. 1'367

Зоидзе Э.А.

Московский городской педагогический университет

**РОЛЬ ПАРЦЕЛЛИРОВАННЫХ КОНСТРУКЦИЙ
В АНАЛИТИЧЕСКОМ ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)**

E. Zoidze

Moscow City Pedagogical University

**PARCELLING IN AN ANALYTICAL NEWSPAPER TEXT
(ON THE BASIS OF THE RUSSIAN AND THE ENGLISH LANGUAGE)**

Аннотация. В статье рассматривается приём парцелляции в аналитическом газетном тексте, определяется роль данного синтаксического приёма в усилении авторской позиции и оценочности высказывания, а также участие приёма парцелляции в реализации целенаправленного воздействия на адресата. Описываются различные структурные типы предложений с парцелляцией. В заключении сформулирован вывод о том, что, вне зависимости от структуры парцеллированной конструкции, данный синтаксический приём участвует в создании подтекста, помогает передать процесс мысли автора, имитируя устную речь в письменном тексте.

Ключевые слова: парцелляция, сложносочинённое предложение, сложноподчинённое предложение, однородные члены предложения, причастный оборот, пояснительная конструкция, аналитический газетный текст, функция воздействия, подтекст.

Abstract. The article deals with parceling in analytical newspaper texts, with its role in emphasizing the author's attitude and in adding the evaluative overtones to the utterance and the way this syntactical device helps to produce a direct impact on the target audience. Different structural types of sentences with parceling are described in the article. The conclusion is that regardless of the structural type all constructions with parceling in an analytical text are mainly used to create a certain implication, to convey the process of author's contemplation, imitating oral speech within a written text.

Key words: parceling, fragmentary sentence, complex sentence, compound sentence, homogenous parts of the sentence, participial construction, explanatory construction, analytical newspaper text, impact function, implication.

Исследование синтаксической организации письменной речи является одним из актуальных направлений в современных лингвистических исследованиях. Средства массовой информации в целом и газетная пресса в частности являются сферой «естественного бытования языка» [6, с. 3], что позволяет изучать динамику и направление изменений в языке, которые, в свою очередь, фиксируются в речи.

Основополагающим научным исследованием парцелляции является работа Ванникова Ю.В., где автор даёт теоретическое обоснование данного феномена [3]. В дальнейшем явление парцелляции изучали Сковородников А.П., Иванчикова Е.А., Калинин А.Н. [13; 14; 7; 9].

За последние годы парцелляция и её значение для осуществления и усиления экспрессивного воздействия активно изучается, это работы Цумаева А.Э., Богоявленской Ю.В., Копниной Г.А. и др. [15; 2; 10]. Исследование явления парцелляции является актуальным направлением в связи с изучением способов членения и организации текста [16, с. 166-168].

Жанры газетного дискурса имеют свои отличительные особенности: лексические, синтаксические, стилистические. Наиболее глубоко изучены именно лексические особенности, так как они лежат на поверхности и проще поддаются анализу и систематизации. Исследования

синтаксического состава аналитических текстов, в частности, не столь многочисленны, а в сопоставительном плане они до сих пор не проводились, что может быть обусловлено регулярными изменениями в постоянно развивающейся языковой среде, которую представляют средства «масс-медиа». Изменения эти касаются всех языковых уровней. Ряд учёных отмечают, что в публицистике происходит «упрощение сложных синтаксических конструкций и рост употребительности простых предложений» [11, с. 11]. Сиротина О.Б. указывает на возможную связь таких процессов с влиянием разговорной речи, для которой не типична сложная синтаксическая структура [12].

Современная газетная аналитика – это жанр с ярко выраженной субъектной и идеологической модальностью, что выражается в наличии оценочного компонента, мнения автора, комментария и собственно анализа. Как отмечает Добросклонская Т.Г., «лингвистические способы выражения мнения и оценки включают в себя широкий диапазон средств», одним из которых является синтаксис: особый порядок слов, вопросительные предложения, повторяющиеся синтаксические конструкции и другие приёмы [5, с. 133-134]. Для аналитического жанра характерна как информационная функция, так и функция воздействия. Парцелляция представляет особый интерес с точки зрения её роли в усилении функции воздействия и способов его синтаксической реализации.

Термин и понятие парцелляции не имеет однозначной трактовки в лингвистической науке, что затрудняет исследование этого синтаксического явления. Не определены чёткие границы между парцелляцией и присоединением, между парцелляцией и расчленением. Одно из самых распространённых определений парцелляции дал Цумаев А.Э.: парцелляция – это такое «интонационное расчленение единой синтаксической структуры – предложения, в результате которого это предложение предстаёт в виде двух или более фраз» [15, с. 8]. Парцелляция понимается и как экспрессивный синтаксический приём, и как

стилистический приём, как приём текстообразования [4, с. 321-328], как одно из средств создания подтекста [8, с. 138-139]. Большинство исследователей сходятся во мнении, что парцелляция имеет определённую прагматическую направленность (работы А.П. Сквородникова [13; 14]). Наибольшего эффекта с точки зрения прагматики языка парцелляция достигает, выступая в роли выразительного синтактико-стилистического средства.

Значимость данного явления для художественной публицистики отмечает Кайда Л.Г.: она состоит в «повышении воздействующей функции текста» [8, с. 128]. На наш взгляд, данная функция парцелляции распространяется и на аналитический жанр публицистики. Кроме того, Кайда Л.Г. указывает на особую двуединую природу этого явления. При помощи приёма парцелляции происходит объединение позиции автора, который по своему усмотрению разделяет сообщение на части, и позиции читателя, который, в свою очередь восстанавливает смысл сообщаемого из нескольких смысловых частей [8, с. 129].

В статье представлены результаты, полученные в ходе исследования корпуса из 50 русскоязычных и 50 англоязычных аналитических газетных текстов. Тексты отбирались из британских и российских газет, содержащих разделы «Comment», «Opinion», «Мнение», «Комментарий». Все отобранные тексты исследовались на наличие предложений, содержащих ряд синтаксических приёмов, в том числе парцелляцию. Методом компонентного анализа были выявлены различные структурные типы предложений с парцелляцией. Языковым материалом послужили 2604 предложения в русском языке и 2399 предложений в английском, из них приём парцелляции встречается в русском языке в 83 предложениях, в английском языке – в 43 предложениях. Отметим, что соотношение простых и сложных предложений в исследуемом корпусе текстов следующее: в русскоязычных текстах соотношение 1447 простых и 1158 сложных предложений, в англоязычных – 985 простых и 1414 сложных предложений. Исследуемый синтаксический приём присут-

ствуует в аналитических текстах обоих языков, однако шире он представлен в русскоязычной выборке – 17% – и 8% в англоязычном материале соответственно. Среди предложений с парцелляцией было выявлено 6 структурных типов. Так, парцеллят может быть: 1) частью сложносочинённого предложения (начинаться с сочинительного союза), 2) частью сложноподчинённого предложения, а именно придаточной частью, отделённой интонационно и пунктуационно от главной, 3) однородным членом, отделённым интонационно и пунктуационно от других членов ряда, 4) причастным или деепричастным оборотом, 5) приложением, 6) пояснительной конструкцией.

Наиболее распространённой моделью парцелляции в русскоязычном материале стала парцелляция однородных членов (42%), в англоязычном материале с таким же процентным показателем на первом месте парцелляция частей сложносочинённого предложения. Таким образом, вслед за Александровой О.В. [1, с. 65-67], причисляем к случаям парцелляции ситуации с различными по статусу синтаксическими единицами – «сильно обособленные члены» предложения – 1) определения: *Оговоримся сразу, что речь может идти только о законной, процедурной смене правил — через выборы. Настоящие, открытые конкурентные и равновозможные. В отличие от того действия, которое нам пока предлагается* («Известия», 01.02.12); 2) обстоятельства: *Основания думать, что «теневой» электорат согласится на компромисс с властью и проголосует за лояльную правую партию, были. Весной, летом, в начале осени* («Независимая газета», 14.12.11); 3) сказуемые: *Это позволит многим россиянам более успешно самостоятельно решать свои личные фундаментальные проблемы, участвовать в управлении своими акциями, а значит, в какой-то мере и компаниями. Повысит включенность россиян в процессы капиталистического развития страны, доверие к происходящим переменам и к государству* («Ведомости», 22.08.11); 4) подлежащие: *Mayhem. Catastrophe. Apocalypse. Chaos. A hail of brimstone. The end of the (consumerist) world. Years*

of misery ... And that's just the more optimistic parts of the media, as they contemplate the breakup of the eurozone («The Guardian», 04.12.11). Информация, поданная в такой манере, требует повышенного внимания читателя. Как утверждает Кайда Л.Г., в таких предложениях приём парцелляции «гарантирует совпадение восприятия информации со стороны автора и читателя... можно считать её своеобразным регулятором прямой и обратной связи» [8, с. 130]. Так, в первом примере парцелляция определений создаёт особый подтекст – читатель понимает, что имеющаяся выборная процедура не является ни открытой, ни конкурентной, ни равноправной, что находит своё подтверждение в следующем предложении: *В отличие от того действия, которое нам пока предлагается*. Парцелляция однородных обстоятельств во втором примере способствует созданию пространственно-временных рамок и указывает на то, что ситуация, сохранявшаяся довольно длительный период времени, в какой-то момент изменилась.

Пример под номером 4 также наглядно иллюстрирует обособление однородных членов – подлежащих. Их инициальная позиция по отношению к обобщающему слову только усиливает эффект нарастания напряжённости. Являясь связанными семантически, отделённые пунктуационно, а следовательно, и интонационно, подлежащие, выраженные существительными с негативной коннотацией, помогают автору передать картину упадка, которую может повлечь за собой распад еврозоны. Третий пример представляет собой простое предложение, в котором однородные сказуемые *позволит* и *повысит*, относящиеся к подлежащему *это*, разделены знаком точки. У каждого сказуемого есть группа зависимых элементов. Группа сказуемого в первом предложении раскрывает одну возможную перспективу – решение личных финансовых проблем граждан, группа сказуемого в отделённом предложении описывает другую перспективу – решение проблем на государственном уровне. Возможно, с целью такого логического выделения двух направлений использован приём парцелляции.

В английских аналитических газетных текстах парцелляция однородных членов распространена менее, чем в русском и составляет, по нашим наблюдениям, 25%. Наиболее часто встречающаяся модель – вынесение в отдельное предложение части сложносочинённого предложения (42%). Такая модель чаще всего **начинается с союза (в большинстве случаев – *and* или *but*)**: 1) *The prime minister surely ought to ask the cabinet secretary to **have the code rewritten** to close that loophole. **And get it done** by Monday evening* («The Guardian»); 2) *“Our plan will work”, was all the prime minister offered by way of reassurance yesterday. **But** that judgment already looks flaky. **And** most people in Britain aren’t reassured* («The Guardian», 16.10.11). Кроме этого, выявлены и случаи с разделительным союзом *or*: 3) *Steve Jobs wasn’t crazy in the way people are when they can’t, for example, work out the sums in a 50/50 deal. **Or** in the way people are when they can’t, for example, find someone else’s invention, like, say, a mouse, and know that they’re “sitting on a goldmine”* («The Independent», 17.12.11).

Рогова К.А. также относит предложения с сочинительным союзом в начальной позиции к явлениям парцелляции и при этом уточняет, что при парцелляции «конструкция, единая в языке, расчленена в речи» [11, с. 15]. Такое расчленение сложносочинённого предложения делает отделённую часть выразительной в смысловом и эмоциональном плане, повышает информативность сообщения, а также имитирует разговорную, непринуждённую речь автора, что достигается благодаря особой ритмико-синтаксической организации предложений [11, с. 19].

Приведённые выше примеры демонстрируют то, как благодаря отделению части сложносочинённого предложения происходит актуализация парцеллята, авторское отношение наиболее полно эксплицировано, создаётся определённый подтекст, что особенно очевидно во втором примере, в котором скептический настрой автора явно просматривается за отрывистыми продолжениями – парцеллятами сложносочинённого предложения.

Данная модель парцелляции в русскоязычном материале присутствует в 16 % случаев. Это предложения, начинающиеся с сочинительных союзов разной семантики: *Российская экономика не похожа на картонный домик. Наоборот, с виду она – нормальный дом, с колоннами, фронтонами, балконами. **Но** у этого дома – картонная крыша* («Новая газета», 02.11.11); *Раздражение вызывает то обстоятельство, что с протестом неблагодарных, бесящихся с жиру буржуа не получается не считаться, повестка дня Болотной площади проникает даже в прежде стерильный эфир. **И** контролировать эту реальность не получается. **И** приходится ей уступать. **Или** изображать уступки* («Независимая газета», 17.12.11).

Вторая по распространённости модель парцелляции в русскоязычном материале – выделение пояснительной конструкции (23%), или, в терминологии Иванчиковой Е.А., парцеллированные конструкции с «пояснительно-уточнительным значением» [7, с. 294]. В англоязычных аналитических текстах данная модель является малораспространённой.

*Поскольку большинство стран еврозоны не в состоянии прожить на налоговые доходы, делать долги — для них единственный выход. **Причем долги под любой процент*** («Московские новости», 04.12.11); *Для большинства россиян это ощутимая сумма. **Более трети средней годовой зарплаты*** («Ведомости», 22.08.11); *But the higher divisions, Knight Commander (KBE) or Dame Commander (DBE), and, further up still, Knight Grand Cross (GBE) or Dame Grand Cross (GBE), give recipients the right to style themselves as “Sir” Somebody-Or-Other or “Dame” Somebody-Or-Other. And it is these titles that make the British system different from most others. **For** the reward is twofold – the honour itself and the rather blatant social distinction* («The Independent», 02.02.12).

Во всех приведённых выше случаях парцеллят выполняет уточняющую функцию, является распространителем базовой части, добавочная информация, вынесенная за пределы базового предложения, является новым рематическим центром.

Рассмотрим модель с парцелляцией придаточной части сложноподчинённого предложения в обоих языках. В русскоязычном материале такие случаи составили 11%, в англоязычном – 14%. Как отмечает Рогова К. А., такое синтаксическое преобразование возможно благодаря «автосемантической главной части и её способности выступать в качестве самостоятельного предложения, а также на обязательной постпозиции придаточной части» [11, с. 40]. Конструкции такого типа трактуются исследователями неоднозначно. Согласно одному из мнений, парцеллят, т. е. придаточная часть, становится самостоятельным предложением и является компонентом сложного синтаксического целого – в таком случае приём парцелляции выходит на текстовый уровень. Эта характеристика парцелляции отражена в одном из её определений, данных Гаком В.Г. Он рассматривает её как «промежуточную форму между предложением и сверхфразовым единством» [4, с. 208].

Приведём несколько примеров с придаточным определительным и придаточным изъяснительным, а также придаточным причины: *Но есть и другие факты. Которые позволяют сделать вывод, что гонка вооружений – вовсе не миф* («Новая газета», 19.12.11); *When people never say no, it's easy to think that there's no battle you can fight that you can't win. And that no harm can come your way* («The Independent», 17.12.11); *Most people in the world know that harm can come their way. That it can, and does, and will* («The Independent», 17.12.11); *I wonder about that. For there are some wider lessons to be learned and David Cameron would be sensible to absorb and act upon them before another scandal of a similar nature comes along* («The Guardian», 16.10.11).

Конструкции с парцеллятом-придаточным редко используются в обоих языках. Постпозиция придаточного предложения в совокупности с интонационным и пунктуационным отделением придаёт ему характер добавочного сообщения, тем самым сближая данную модель с выделением пояснительной конструкции, описанной ранее.

Наименее представлена парцелляция причастных (деепричастных) оборотов – 2% в русском языке и ни одного случая в английском, а также случаи с парцелляцией приложения – 6% в русском и 5% – в английском. В связи с этим нам не представляется возможным отнести данные модели парцелляции к типичным синтаксическим явлениям аналитического газетного текста.

Как показал анализ языкового материала, парцелляция – экспрессивный синтаксический приём, затрагивающий как уровень предложения, так и текстовый уровень. Данный приём представлен в аналитических текстах на обоих языках, с преимуществом в 9% в русском языке. Большая распространённость парцелляции в русском аналитическом тексте может быть вызвана общей тенденцией к упрощению синтаксиса публицистики, общей установкой на создание живой, звучащей речи на страницах российских газет, стремлением адаптировать газетную аналитику – жанр довольно сложный для восприятия – для максимально широкого круга читателей. Что касается экспрессивных и прагматических функций парцелляции, то они схожи в обоих языках. Для исследуемого медиа-жанра непосредственно важна экспрессивная функция. Сила воздействия «нестандартной», авторской фразировки высказывания значительно больше по сравнению с традиционной. Такой способ организации синтаксического облика высказывания позволяет автору письменного текста наиболее надёжным образом зафиксировать свою позицию, своё отношение к описываемой ситуации, таким образом, парцелляция включает механизм создания подтекста. Кроме того, для этого синтаксического приёма характерна функция рематизации. Интонационно-позиционное выделение части предложения или какого-либо члена предложения делает его новым рематическим центром. При помощи данного приёма можно передать процесс рассуждения автора, ход его мысли, детализировать результаты процесса мысли, что приближает ситуацию к реципиенту. Сложные синтаксические конструкции, характерные

для доказательного рассуждения, при дроблении на фрагменты упрощают восприятие, выделяя тематически важные моменты, направляя внимание читателя в нужном автору направлении, тем самым реализуя основные функции аналитического текста – информационную и функцию воздействия.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса на материале английского языка. – М.: Либроком, 2009. – 216 с.
2. Богдавленская Ю.В. Парцелляция в русском и французском языках: структурные и семантико-синтаксические особенности: дис... канд. филол. наук. – М., 2003. – 220 с.
3. Ванников Ю.В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. – М.: Русский язык, 1978. – 296 с.
4. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М.: Добросвет, 2000. – 832 с.
5. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). – М.: URSS: Красанд, 2010. – 286 с.
6. Донская М.М. Английский язык в мультимедийном пространстве рекламного дискурса: автореф. дис... канд. филол. наук. – М., 2007. – 19 с.
7. Иванчикова Е.А. Парцелляция, ее коммуникативно-экспрессивные и синтаксические функции // Русский язык и советское общество: социолого-лингвистическое исследование. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка / АН СССР: Ин-т рус. яз. // Под ред. М.В. Панова. – М.: Наука, 1968. – 367 с.
8. Кайда Л.Г. Эффективность публицистического текста. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 183 с.
9. Калинин А.Н. Синтагматика и синтаксис парцеллированных конструкций в современном английском языке. – Самара: СГПУ, 2005. – 183 с.
10. Копнина Г.А. Конвергенция стилистических фигур в современном русском литературном языке (на материале художественных и газетно-публицистических текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Красноярск, 2001. – 27 с.
11. Рогова К.А. Синтаксические особенности публицистической речи. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. – 70 с.
12. Сиротинина О.Б., Кузьмичева И.С. и др. Некоторые синтаксические особенности разговорной речи // Русская разговорная речь: сб. научн. тр. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1970. – С. 143-144.
13. Сковородников А.П. О классификации парцеллированных предложений в современном русском литературном языке // Филологические науки. – 1978. – № 2. – С. 58-67.
14. Сковородников А.П. О функциях парцелляции в современном русском литературном языке // Русский язык в школе. – 1980. – № 5. – С. 86-91.
15. Цумаев А.Э. Парцелляция в современной газетной речи: автореф. дис... канд. филол. наук / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. – М., 2003. – 25 с.
16. Чепиль А.Р. К вопросу о структурно-семантических и функциональных характеристиках парцеллированных конструкций // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. – № 4. – С. 166-168.

РАЗДЕЛ IV. РОМАНО-ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'42 - 811.112.2

Дергунова А.А.

Московский педагогический государственный университет

РОЛЬ ПАРАНТЕТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В ТЕКСТАХ НОВОСТЕЙ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ СМИ

A. Dergunova

Moscow State Pedagogical University

THE ROLE OF PARENTHESIS IN THE GERMAN NEWS MEDIA TEXTS

Аннотация. Данная статья посвящена парантетическим конструкциям и их роли в текстах новостей немецкоязычных СМИ. На наш взгляд, такое текстовое явление, как парантеза, обладает разнообразными функциональными возможностями, которые часто используются автором для оказания непосредственного воздействия на читателя. Большой потенциал парантетических конструкций объясняется их модальным характером. Целью предлагаемой статьи стало: обозначить такое явление, как парантетическая конструкция, показать актуальность её применения в прессе и рассмотреть её функциональные возможности.

Ключевые слова: парантеза, воздействующие средства, имплицитный компонент, контекст, оценка.

Abstract. This article is devoted to the parenthesis and its role in German news media texts. In our opinion parenthesis has a wide range of functional possibilities, which are often used to produce a direct impact on the reader. The great potential of parenthesis can be attributed to its modal character. The aim of this article was to define the phenomenon of parenthesis, to show the importance of its use in the press and to examine its functionality.

Key words: parenthesis, effecting means, implicit component, context, assessment.

В текстах новостей немецкоязычных СМИ широко представлено такое явление, как парантетическая конструкция. На современном этапе развития лингвистики существует обилие терминов, синонимичных данному понятию, а именно: «внесение», «вставка», «вставочная конструкция», «вводная конструкция», «парантеза», «парантетическое внесение». Некоторые зарубежные лингвисты пытаются разграничить данные конструкции, например, Г. Свит выделяет три группы вводных элементов:

- 1) inserted (вставные);
- 2) parenthetical (вводные);
- 3) appended (привески).

К первой группе автор относит только придаточные предложения, стоящие в интерпозиции, ко второй причисляет независимые предложения, которые вклиниваются в другое пред-

ложение и являются логически главными во всей конструкции, а третью группу составляют самостоятельные предложения, занимающие постпозицию [6, с. 163].

Большинство лингвистов пользуются термином «парантетические включения», подразумевая под ним и вводные, и вставные предложения (Г. Браун, М.А. Лейпер). Мы разделяем это мнение и попытаемся выяснить, какие парантетические конструкции используются для выражения текстовых категорий цельности, связности, проспекции, ретроспекции, актуального членения и модальности.

Что касается определения данного понятия, то оно зависит от области применения данного явления и подхода к его изучению.

В контексте устной диалогической речи парантеза определяется как локализованный внутри высказывания или более широкого контекста отрезок речи, формально выраженный вводным или вставным словосочетанием, предложением (простым или придаточным) или группой предложений, не имеющих формально-грамматического согласования со всем высказыванием, не связанных с ним по содержанию [2].

С учётом специфики письменной речи парантетические конструкции рассматриваются как особые синтаксические единицы, которые делимитируются графически, отличаются от других средств осложнения предложения специфическими структурными, позиционными и коммуникативно-прагматическими свойствами; при этом дистинктивным признаком данных построений является пунктуационное выделение (скобки / двойное тире) [3, с. 121].

Парантетические конструкции, благодаря своим функциональным свойствам одновременно вносят и выделяют необходимую информацию на фоне общности и цельности текста, привлекают к себе внимание многих языковедов.

С точки зрения дискурсивного подхода, парантеза служит средством создания напряжения, для выражения дополнительной информации, сатирического комментария.

Парантетические конструкции придают речи непринуждённость, эмоциональность, динамику, вносят разнообразие в синтаксическую структуру текста, придавая ему увеличенную иллюкутивную силу [1, с. 7].

Поскольку мы рассматриваем употребление парантезы в политическом дискурсе, то необходимо подчеркнуть их важную роль в организации его связности. В целостном произведении появление парантетических конструкций помогает автору выразить его мнение, отразить особенности мышления, внести какие-нибудь уточнения, добавить или снять двусмысленность сообщения; ср., например:

Für seinen „fatalen Einkaufsbummel“ (ein Sicherheitsexperte), bei dem er unter anderem einen Rasierapparat kaufen wollte, lieh sich der Mann aus Wuppertal von einem Verwandten dessen Auto [9, с. 53].

В данном предложении употребление парантезы обусловлено желанием автора уточнить происхождение термина, которое послужило и названием статьи, информирующей нас о судьбе жителя Германии. Военные представители США арестовали его в Афганистане и продержали под арестом 3 месяца. Причиной таких действий послужил «фатальный шопинг» немецкого гражданина. Именно этот термин использовал эксперт безопасности США при объяснении причин ареста немецкого туриста, а автор для уточнения источника использовал парантезу. Немаловажно, что адресант при помощи этого приёма подчеркнул «перегибы» в самой системе безопасности США, то есть выразил своё отношение к случившемуся.

Как мы уже говорили, парантетические конструкции являются удобным средством для создания целостного произведения. Поскольку для лучшего восприятия тексты новостей разделены на абзацы, то для создания их связанности адресант часто прибегает к использованию парантез, которые могут иметь как проспективный, так и ретроспективный характер. Рассмотрим пример:

Tatsächlich sind konstruktive Initiativen – wie die des Berliner Vereins „Pro Reli“ – eher die Ausnahme [8, с. 51].

Данное предложение демонстрирует реализацию проспективной функции парантетического высказывания. Из контекста статьи мы видим, что до этого момента речь шла только об общей политической ситуации в Германии, об отсутствии демократии и о традиционных партиях. При помощи парантетической конструкции автор приводит пример нового объединения и в дальнейшем подробнее рассказывает о его структуре, планах и представителях. Таким образом, в тексте поддерживается когезия.

Ретроспективный характер парантез мы можем пронаблюдать на следующем примере:

Damit aber, so die Kritiker – von denen nicht wenige in der Behördenzentrale in der Berliner Otto-Braun-Straße sitzen, – habe sich Birtler zum Ende ihrer ersten Amtszeit nicht „in den Wind stellen“ wollen [11, с. 40].

В данной статье речь идёт о Марианне Биртлер, руководителе ведомства Уполномоченного по архивам Министерства госбезопасности ГДР, более известного как Штази. Автор начал своё повествование с описания месторасположения архивов и ведомства, назвав их конкретный адрес. В дальнейшем мы узнаём, что на протяжении многих лет, будучи руководителем Штази, Биртлер даже не догадывалась о существовании документов, касающихся военных приказов 1974 года, которые в своё время могли бы оправдать поведение солдат-пограничников. Между тем копии этих документов были представлены на выставках. Конечно, такой поворот событий заставил многих представителей общественности засомневаться в компетентности Биртлер. Среди критиков оказались также и её сослуживцы. Автор указывает на этот факт при использовании парантетической конструкции, которая носит ретроспективный характер, то есть он не говорит открыто о наличии возмущённых среди коллег, а делает ссылку на раннее сообщённый адрес Штази. Журналист возвращает читателя к содержательно-фактуальной информации, представленной в начале статьи, привлекая к ней внимание читателя, заставляя его удерживать в памяти отдельные моменты сообщения; следователь-

но, ретроспективная парантеза выступает и в роли когезии. Кроме того, имплицитный характер парантезы помогает читателю создать определённое представление об условиях работы этого управления.

Как известно, парантетические конструкции носят также модальный характер, т. е. позволяют автору выразить своё отношение к описываемым событиям, уверенность, неуверенность, сомнение, предположение и т. д., например:

Tatsächlich nähren veröffentlichte Passagen der Beratung den Verdacht, dass unter Druck von außen – möglicherweise sogar aus der Politik – und ohne ausreichende Beweisführung ein Willkürurteil gesprochen worden sein könnte [10, с. 91].

В данном предложении автор благодаря парантетической конструкции высказывает предположение о том, кто может стать источником произвольного приговора относительно способности Австрии производить собственный допинг-контроль. У читателя, в свою очередь, может сложиться впечатление, что журналист обладает некоторой информацией, но в силу обстоятельств не может ею поделиться. Таким образом, парантеза может воздействовать на сознание людей, формировать их мировоззрение.

Кроме того, парантетические конструкции могут содержать в себе важную оценочную информацию:

Offen – offener jedenfalls als Politiker – beklagen Wirtschaftskapitäne die lästige Einmischung von unten [8, с. 52].

На данном примере мы можем проследить, как адресант при использовании сравнения оценивает деятельность политиков. Негативное отношение автора к сложившейся политической ситуации в стране чувствуется также из контекста. Употребления слова „jedenfalls“ демонстрирует даже осуждение политиков со стороны пишущего.

Иногда мы можем наблюдать не столь ярко выраженную оценку:

Dort versucht Berlins Oppositionsführer Friedbert Pflüger (CDU) – einst erbitterter Gegner der direkten Demokratie – die Abstimmung

über den Flughafen Tempelhof zu einem Volksbegehren über den rot-roten Senat zu machen [7, с. 72].

Использование в парантезе слова „einst“ внешне смягчает её оценочный характер, но, по сути, не отрицает его. Контекст помогает читателю понять, что даже если политики не выступают сейчас открыто против демократии, то это ещё не говорит об их либеральности, готовности к борьбе за права населения. Поэтому имплицитный характер отрицательной оценки в данном случае неизбежно оказывает воздействие на читателя.

Одной из важных функций парантезы является экспрессивно-модальная, то есть она может выражать удивление, недоумение, радость, восхищение, сожаление, досаду, пожелание, извинение, просьбу.

Очень часто парантетические конструкции, выполняющие экспрессивно-модальную функцию, можно встретить в спортивных новостях:

Dann zitierte er aus dem Zauberlehrling von Goethe. Es war wunderbar (hum) («Süddeutsche Zeitung», 05.03.2012).

Употреблённое в скобках междометие выражает эмоциональный настрой автора, его недоумение или удивление по поводу такого поведения тренера.

Таким образом, парантетические конструкции, обладая определённой смысловой самостоятельностью, являются одним из способов увеличения содержательности высказывания. Выполняя эмоциональную, пояснительную, уточняющую, оценочную и др. функции, парантеза играет важную текстообразующую роль. Часто парантетические конструкции используются как специфический способ подачи мысли, как приём авторского комментирования текста. Использование данных конструкций создаёт разноплановость и привносит в дискурс метаязыковые средства. Включение парантезы в текст новостей расширяет не только его логико-грамматические, но и выразительные возможности, делает его особенно эластич-

ным для передачи тончайших оттенков мысли и чувства.

Учитывая специфику публицистического дискурса, которая обусловлена его широкими лингвистическими возможностями отражения многообразия жизни сквозь призму авторской позиции, мы не можем не подчеркнуть важную роль парантезы в реализации прагматической установки текста. Благодаря её способностям представлять авторскую позицию и выделять коммуникативно-важный отрезок текста, данная конструкция способствует формированию у читателя мировоззрения, определённой системы ценностей и, как следствие, побуждает его к конкретным действиям.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Саночкина Н.Н. Некоторые аспекты эмоционально-экспрессивного синтаксиса в дискурсе современной немецкой прессы (на материале статей немецких газет): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003. – 14 с.
2. Фадеева Л.В. Парантеза в немецкой устной диалогической речи [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2005. – 21 с.
3. Шишкина И.С. Парантеза в английском и немецком языках: семантико-синтаксические особенности и графическое оформление / И.С. Шишкина // Вестник ВятГГУ. – 2009. – № 2 (2). – С. 120-125.
4. Brown G., Yule G. Discourse Analysis. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – 288 p.
5. Leiper M.A. A New English Grammar. – New York: The Macmillan Company, 1923. – 362 p.
6. Sweet H. A new English grammar: Logical and historical. P. 1. – Oxford: The Clarendon press, 1900. – 499 p.

Источники языкового материала:

7. Bunjaku A. Bayerische Buben // Süddeutsche Zeitung. – 05/03/2012.
8. Deggerich M. Trend zur Burgerwehr // Der Spiegel. – № 17. – 21/04/2008.
9. Gebauer M. Fataler Einkaufsbummel // Der Spiegel. – № 17. – 21/04/2008.
10. Hahn J. Nada, alles nada // Frankfurter Allgemeine Zeitung. – 04/04/2012.
11. Wensierski P. Stasie // Der Spiegel. – № 34. – 20/08/2007.

РАЗДЕЛ V. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 7.04(470+570)"19/20"

Мезенцева Ю.И.

Московский государственный областной университет

ПРАВОСЛАВНЫЙ СЮЖЕТ В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ

Y. Mezentzeva

Moscow State Regional University

ORTHODOX THEME IN WORKS OF RUSSIAN ARTISTS

Аннотация. Статья посвящена анализу такого мощного направления в искусстве конца XIX – начала XX вв., как православное направление в живописи. На примере творчества знаменитых русских художников В.М. Васнецова, Н.Н. Ге, А. Иванова, М.В. Нестерова, К.Ф. Юона и др. автор демонстрирует неразрывную связь реалистической живописи данного периода с культурой России, со становлением идеала высокой христианской духовности. Сюжет в творчестве этих художников глубоко символичен и во многом определяет становление идеала высокой христианской духовной силы и опыта.

Ключевые слова: православный сюжет, мировоззрение, идеал, символика.

Abstract. This article analyzes one of the most powerful trends in the late 19th– early 20th century art, i.e. Orthodox theme in painting. The author demonstrates the inextricable link between realistic painting of the period with the Russian culture and the formation of the ideal of high orthodox spirituality. Works of famous Russian artists V. Vasnetsov, N. Ge., A. Ivanov, M. Nesterova, K. Juon, etc. are the examples. The themes these artists developed in their pictures are deeply symbolic and to the great extent determine the formation of the ideal of high orthodox spiritual strength and experience.

Key words: orthodox plot philosophy, ideal, symbolic.

В словаре В.И. Даля понятие «сюжет» определяется как предмет, завязка сочинения, его содержание. Это объяснение роли сюжета в художественном творчестве во многом применимо и к живописи. Розанов В.В. писал: «Нельзя изображать, не любя изображаемого... живописец утверждает вещь, хочет утвердить её истину и всегда закрепляет её образ» [8]. Сюжет картины в более широком смысле можно определить темой. Художник должен найти и определить свою тему, а иначе картина явится лишь изображением сюжета. Именно выбор темы определяет уровень личности художника.

Сейчас много говорят и пишут о духовности, и часто подлинная духовность подменяется бесплодной игрой интеллекта, что приводит человека к духовному тупику, потере «чувства Бога». Хомяков А.С. писал, что итальянское ренессансное искусство – это плоть, которая

только притворяется духом, но на самом деле остаётся всё-таки материей. Это утверждение объясняет многие картины итальянских художников, изображавших религиозные сюжеты, когда исчезал высокий идеал и “заземлялся” художественный образ. Русская же культура опирается и тяготеет к утверждению общей картины мира. «Актуальность духовно-нравственного воспитания постоянно возрастает. Во все века люди высоко ценили духовно-нравственную воспитанность. Глубокие социально-экономические преобразования, происходящие в современном обществе, заставляют нас размышлять о будущем, о молодёжи. В настоящее время смяты нравственные ориентиры, подрастающее поколение можно обвинять в бездуховности, безверии, агрессивности. Тиражируемые на всю страну средства массовой информации ведут разрушительную антидуховную пропаганду. Становятся причиной снижения критериев нравственности и даже угрожают психологическому здоровью человека. Сегодня духовно-нравственное воспитание нуждается в теоретическом осмыслении его методологических основ, разработке целостного подхода к ним» [1, с. 73].

Необычайно разнообразна палитра русских художников, использующих православные сюжеты в своём творчестве. Известный русский художник К.П. Брюллов учился в Академии художеств у профессора А.И. Иванова. Первой работой Брюллова на религиозную тему стала дипломная работа «Явление Аврааму трёх ангелов у дуба Мамврийского». За неё он получил большую золотую медаль и диплом первой степени. В 1840 г. художник написал запрестольный образ «Взятие Богоматери на небо» для Казанского собора в Петербурге. Эскизы для Исаакиевского собора ввиду болезни не были закончены, за исключением «Богоматерь с апостолами и ангелами» в плафоне купола. Безусловно, Брюллов – представитель классической академической школы, и он не претворял традиции древнерусской монументальной живописи, но в его работах ощущаются эмоциональные и душевные переживания. «Творчеством

можно назвать такую деятельность человека, в результате которой рождается нечто качественно новое, отличающееся неповторимостью и оригинальностью. Если говорить о художественном творчестве, то это такая деятельность человека, в результате которой создаётся художественный образ» [10, с. 6].

Одним из ведущих художников православно-национального направления в XIX–XX веках явился живописец и иконописец В.М. Васнецов. Учился художник в Академии художеств у профессора П. Чистякова. В 1870 году он был удостоен малой серебряной медали за эскиз «Христос и Пилат перед народом». Знакомство с меценатом С.И. Мамонтовым и абрамцевским кружком обратило его в мир чудесной русской сказки и написанию икон, которые стали главными в его творчестве. Обе эти сферы выразили беззаветную любовь художника к России и её культуре. Наиболее глубоко талант Васнецова раскрылся в церковной живописи, и первые шаги к православному направлению были сделаны в Абрамцеве, где Васнецовым и была расписана церковь, спроектированная им в 1881 г. Лучшим стал образ преподобного Сергия Радонежского. Его преподобный Сергий – мудрый старец, за его спиной виден основанный им монастырь, а справа в небесах – образ Пресвятой Троицы. В 1885 г. историк А.В. Прахов предложил художнику расписать Владимирский собор в Киеве. Условием художника была свобода творчества: «Всё, что свяжет эту свободу – повредит делу и моему идеалу. Я верю также, что мои представления о задаче нисколько не противоречат ни идеалу высокохристианскому, ни церковному» [2, с. 309].

Работа Васнецова по росписи Владимирского собора увенчалась успехом. Фигура Христа в куполе собора монументальна и выразительна. Христос призывает и благословляет людей вступить на путь истины. Современники называли Васнецова создателем русской Мадонны, имея в виду образ Божьей Матери в алтаре Владимирского собора. Богородица двумя руками обнимает сына, словно хочет оградить его от грядущего зла. Она

печальна, но покорна воле Божией. Такое впечатление, что Богородица устремляется вверх к образу Спасителя в куполе собора.

У художников-передвижников острые социальные и политические идеи проникли в ту сферу живописи, которая избирала своим главным предметом религиозные сюжеты. В этой области проявил себя Н.Н. Ге. Он стремился раскрыть в евангельских повествованиях великую драму человеческой жизни. «Ключевым событием для всей русской истории и, в частности, для истории русского искусства, явилось обращение Руси в христианство, с принятием которого вся жизнь русского государства в корне изменилась» [9, с. 18].

Творчество выдающегося русского художника Н.Н. Ге приблизило нас не только к изобразительному искусству, но и к учению Христа и высокой вере. В 1863 г. Ге представил петербургской публике свою картину «Тайная вечеря». Она имела успех, её приобрёл царь Александр II с присвоением художнику звания профессора Академии художеств. Эта картина открыла цикл евангельских сюжетов в творчестве Ге. Сюжет «Тайной вечери» получил у Ге трагическое выражение. Художник показал не сцену жертвенной трапезы Христа с учениками, но тот кульминационный момент, когда Иуда навсегда порывает со своим учителем. Фигура Христа освещена мягким пламенем светильников, характеризует его кротость, глубокую печаль и скорбь. Фигура Иуды окутана мраком. Столкновение двух человек выступает как непримиримость двух противоположных мировоззрений и идеалов. Каждый человек должен решить, с Богом он или с дьяволом.

В картине «В Гефсиманском саду» Ге показал человека, идущего на муки и смерть, принимающего на себя всю тяжесть жизненной несправедливости.

Его последующие полотна на темы Евангелия имели своей целью пробудить чувство сострадания человека к человеку, отвращение к злу, разбудить совесть людей.

Знаменитой стала ещё одна картина художника – «Что есть истина?». В глубине

полотна, в тени – фигура Христа со связанными руками. Спиной к нам обращена убитая фигура римского прокуратора Пилата с небрежным жестом, обращённым к Христу. Фигура Пилата освещена ярким солнечным светом, и этот свет символически разделяет мир материальный и мир духовный. Зритель ощущает явное превосходство измученного, гонимого Христа над силой власти. Мы уже знаем, чем закончится противостояние. В картине «Что есть истина?» контраст между фигурой Христа – измученного, затравленного проповедника и Пилата – римского патриция – создаёт поразительное впечатление. Христос и Пилат выступают как выразители двух различных миров.

В картине «Голгофа. Повинен смерти» контраст двух действующих лиц получает чрезвычайно сильное выражение. Мы видим Христа с запрокинутой головой, обхватившего своё измученное, страдальческое лицо. Ге признавался, что в этой работе он хотел прежде всего выразить протест против насилия. Люди посылают на смерть того, кто пришёл в этот мир дать им любовь и спасение. Фигура Христа, с ужасом вззирающего на крест, сопровождается здесь изображением простёртой человеческой руки, дающей приказ к распятию. Зритель не видит человека, убивающего другого человека. Его взору представляется лишь властно протянутая рука, указывающая перстом на жертву.

Последней работой цикла явилась картина «Распятие». Она была снята с выставки и подвергалась критике. По поводу этой работы Ге сказал: «Я долго думал, зачем нужно Распятие... – для возбуждения жалости, сострадания оно не нужно... Распятие нужно, чтобы осознать и почувствовать, что Христос умер за меня. Я сотрясу их все мозги страданиями Христа. Я заставлю их рыдать, а не умиляться» [3].

Самобытное развитие получило искусство в творчестве живописца А.А. Иванова. Одним из сильных библейских эскизов Иванова является «Хождение по водам». Главная мысль евангельского рассказа – о спасительной силе веры.

Картина А. Иванова «Иосиф, толкующий сны в темнице хлебодару и виночерпию» произвела большое впечатление зрелым мастерством. Академия художеств удостоила живописца большой золотой медали. «О необходимости каждому художнику иметь свой особый изобразительный язык, посредством которого может широко раскрываться творческая индивидуальность художника, постоянно говорят сами мастера изобразительного искусства» [5, с. 51].

В 1835 г. А. Иванов закончил полотно «Явление Христа Марии Магдалине после Воскресения». Большое впечатление производит заплаканное лицо Магдалины, озарённое сияющей улыбкой. В этой работе художник открыл глубины человеческой души. Картина имела успех в Петербурге и её поместили в русский отдел Эрмитажа, как одно из лучших произведений отечественного искусства.

Глубокая грусть, сознание бессилия, а вместе с ними и религиозные настроения овладевали художником. У него росла и укреплялась мысль запечатлеть на большом полотне вековые мечты и надежды человечества на избавление от зла и тьмы. Так возник замысел большой картины «Явление Христа народу», ставшей для художника делом его жизни.

Русский философ и писатель А.С. Хомяков высказывался о глубине этой картины: «Всего замечательнее то обстоятельство, что главное лицо всей картины, Спаситель, поставлен на далеком плане. Иванов не впал в искушение выдвинуть Его вперёд. Иоанн видел Иисуса идущего, очевидно, в некотором удалении, и Иванов так и передал происходящее» [11, с. 181].

В образе Иоанна художник обрисовал грозного обличителя царя Ирода, пророка грядущего гнева. В картине Иванова сказались его религиозные настроения. Миру насилия и зла художник противопоставил образ Мессии, идущего к людям со словами любви, кротости и примирения. Изображая первое явление Господа, художник говорит о втором пришествии Христа.

Смысловым ядром картины Иванов сделал жест Иоанна Крестителя, указывающий

на Христа. К нему обращены все группы людей, пришедших услышать проповедь и принять крещение. В своей грандиозной картине Иванов достиг вершины поисков образа Богочеловека. Христос идёт навстречу кресту, который протягивает ему Иоанн Креститель как пророческий знак.

Художник И.Н. Крамской учился в Академии художеств в Петербурге у профессора А.Т. Маркова. За картину «Моисей источает воду из скалы» Крамской получил малую золотую медаль. Он работал в различных жанрах. Известны его портреты русских писателей и художников, но особое место в его творчестве занимала религиозно-историческая живопись.

На Крамского большое впечатление произвела работа А.А. Иванова «Явление Христа народу». Ещё во время учёбы в Академии художеств его волновал образ Христа. Он тщательно готовился к воплощению этого образа на холсте. Долгое время собирал материал, совершив поездки за границу и в Крым для изучения пейзажа. Он искал новые пути в воплощении образа: «Я вижу ясно, что есть один момент в жизни каждого человека... когда на него находит раздумье – пойти ли направо или налево, взять за Господа Бога рубль или же не уступить ни шагу злу» [4].

Картина «Христос в пустыне» – это раздумье о судьбе православной России, невозможность победить зло иначе, чем ценой самопожертвования. Мы видим Христа на фоне пустынного горного пейзажа с жестом сжатых рук, а на горизонте утренняя заря борется с сумраком ночи. Крамской, следуя духовной традиции Иванова, трактовал сюжет в морально-философском плане и воплощал сложные раздумья над судьбами мира, идею самопожертвования.

С абрамцевским кругом С. Мамонтова соприкасалось искусство М.В. Нестерова, воспитанника Московского училища живописи и ваяния и Петербургской Академии художеств. Нестеров стал певцом старой патриархальной Руси.

В первых полотнах на религиозные сюжеты – «Пустынник», «Видение отроку Вар-

фоломею», и в следующем за ним цикле: «Юность преподобного Сергия», «Труды преподобного Сергия», «Сергий Радонежский» – Нестеров рисует образы святого отшельника, живущего в трудах, в созерцании природы и молитве. Нестерова следует причислить к самым выдающимся русским живописцам-пейзажистам. Русские берёзы, ели, цветы и травы наделены у него трепетом внутренней жизни. Картины Нестерова трудно отнести к какому-либо жанру, это лирические произведения, поэтические сказания.

На выставке передвижников в 1889 г. Нестеров представил картину «Пустынник». Эта картина открыла новый этап в творчестве художника. Образ Пустынника воплощает идею вечности. Согбенный седой старец идёт по земле. Она ещё полностью не освободилась от снега, кругом голо и холодно. Но старец в лаптях улыбается, глядя на этот Божий мир, который даже в это холодное время года имеет свою красоту и благодать. Старец является неотъемлемой частью Божьего мира. Он идёт, преисполненный тихой радости, попирая свою тень, которая находится не справа и не слева, а прямо перед ним. Это главный идейный смысл картины – попрание всего материального, молитвенное несение монашеского подвига с преодолением и борением со своей плотью и рождением святости. Эта работа имела большой положительный резонанс в обществе и открыла новый этап в художественном творчестве.

М.В. Нестеров работал и жил в Сергиевом Посаде, где и был задуман цикл работ, посвящённых преподобному Сергию Радонежскому. Художник писал: «Это – мой Святитель. Он о душе родного народа радел не меньше, чем о своей собственной, о спасении Руси молился он больше, чем о своём собственном» [7, с. 98-99].

Первой работой в цикле стало «Видение отроку Варфоломею». Мы видим хрупкую фигуру отрока с молитвенно сложенными руками, благоговейно взирающего на старца – схимника. Действие картины разворачивается на фоне скромного осеннего пейзажа,

уже остывшего от буйства красок в жёлтых листьях и пожухлой траве. Художник писал: «Как-то в террасе абрамцевского дома моим глазам неожиданно представилась такая русская, русская красота: слева лесистые холмы, под ними извивается аксаковская Воря, там где-то розовеют дали, вьётся дымок, а ближе капустные малаховские огороды. Справа золотистая роща. Кое-что изменить, добавить, и фон для «Варфоломея» такой, что лучше не придумаешь» [1, с. 73]. На полотне сошлись старость и молодость, прошлое и будущее, осенённое иконой на дереве с двумя клеймами позади старца-схимника. Россия ассоциировалась в русском народе с домом Богородицы, а Георгий Победоносец – с победой добра над злом. В дали скромного пейзажа проглядывает очертание небольшой деревянной церкви, которая станет в будущем мощной святыней – Троице-Сергиевой Лаврой. Достоинством этой картины является достоверность и историчность в изображении эпохи.

Следующей работой была «Юность преподобного Сергия», где святой представлен юношей со сложенными на груди руками, а у его ног лежит смиренный медведь. Фоном служит весенний лес в период пробуждения природы, что созвучно юному возрасту Сергия в период его духовного становления. За спиной юноши возвышается церковь за высокими деревьями. Композиционная вертикаль выстраивается единством фигуры юноши и возвышающейся за ним церкви и поддерживается ритмом деревьев, уходящих ввысь. Завершает эту композицию крест на куполе церкви. Образ Сергия – это естественное безмолвное единение человека и Бога.

Интересным является триптих «Труды Преподобного Сергия». Необычным смотрится ореол над головой святого, занятого обычными земными заботами. Люди, объединённые одной идеей, строят дом, в котором нет точного очертания храма. Это духовное домостроительство, обретение храма в душе, что являлось главной заповедью преподобного Сергия Радонежского.

В 1900 г. Нестеров написал новую картину – «Преподобный Сергий», где на фоне весеннего пейзажа представил Сергия в тёмной мантии с посохом в руке. Облик его светел и наполнен мудростью. Это уже не юный Сергий в начале своего благословенного пути, а наставник монахов, достигший высокого духовного опыта и силы.

В Московском училище живописи, ваяния и зодчества выделялся ученик В.А. Серова молодой художник К.Ф. Юон. Его искусство пронизано радостным, праздничным духом. «Мастерство в изобразительном искусстве означает совершенство владения изобразительной техникой, а значит, и самую высокую степень владения графическими и живописными умениями и навыками, законами и правилами композиции. Только при этом условии возможно создание современного произведения искусства» [6, с. 66]. В работе художника «К Троице» композиция картины подчинена ритму движения ярких саней, в это же время перед нами предстаёт панорама Троице-Сергиевой Лавры. Пока не иссякнет народная тропа к обители преподобного Сергия, будет стоять и Россия.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белоголова Н.М. Абрамцево. – М.: Советская Россия, 1981. – 258 с.
2. Васнецов В.М. Письма. Дневники. Воспоминания. Суждения современников // Сост., вступ. и примеч. Н.А. Ярославцевой. – М.: Искусство, 1987. – 496 с.
3. Ге Н.Н. «Распятие» // ЖЗЛ. Известные факты об исторических персонажах [Электронный ресурс]. – URL: http://clubs.ya.ru/zh-z-l/replies.xml?item_no=4496 (дата обращения: 09.10.2012).
4. Крамской И. «Христос в пустыне» // Рассказы о шедеврах живописи [Электронный ресурс]. – URL: http://www.nearyou.ru/100kartin/100karrt_56.html (дата обращения: 09.10.2012).
5. Кузин В.С. Вопросы изобразительного творчества. – М.: Просвещение, 1971. – 143 с.
6. Кузин В.С. Психология: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: АГАР, 1997. – 304 с.
7. Нестеров М.В. Давние Дни. 1-е изд. – М., 1941.
8. Розанов В.В. Демократизация живописи [Электронный ресурс]. – URL: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_demokratizaciya_jivopisi.html (дата обращения: 09.10.2012).
9. Сарабьянов В.Д., Смирнова Э.С. История древнерусской живописи. – М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2007. – 752 с.
10. Тарева А.Ю. История художественной культуры и основы эстетического воспитания. Курс лекций. – М.: Изд-во МГОУ, 2002. – 112 с.
11. Хомяков А.С. Сочинения. Т. I-IV. – Изд. 2-е. – М.; Прага, 1861-1873. – Т. I.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

26-27 июня 2012 г. в МГОУ проходила Международная научная конференция «**Романские языки в межкультурном пространстве**», организованная кафедрой романской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации. Это уже третья международная конференция по романским языкам в Московском государственном областном университете.

Первая (24-25 июня 2008 г.), посвящённая 100-летию со дня рождения выдающегося учёного-романиста, доктора филологических наук, профессора Нины Алексеевны Катагощиной, затронула актуальные проблемы истории и теории романских языков, вторая (22-23 июня 2010 г.), приуроченная к 85-летию видного отечественного учёного, заслуженного деятеля науки РФ, академика Международной педагогической академии, доктора филологических наук, профессора Васильевой Наталии Михайловны, рассмотрела состояние романских языков в эпоху глобализации с позиций социолингвистики.

Нынешняя конференция продолжила проблематику предыдущих, сделав акцент на статистику и динамику романских языков в контексте межкультурной коммуникации. Ведь, как известно, язык – это отражение культуры, его сокровищница, а знание языка является важнейшей предпосылкой понимания другой культуры.

В конференции приняло участие свыше 100 учёных из разных уголков России, в том числе Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Волгограда, Воронежа, Орла, Липецка, Тулы, Ярославля, Калуги, Иркутска. Московские вузы были представлены МГУ, МГЛУ, МГПУ, МГПИ и другими авторитетными высшими учебными заведениями. Кроме того, на конференции выступили с докладами зарубежные учёные, представители университетов Франции, Швейцарии, Италии, Бразилии, Румынии, Болгарии.

С приветственным словом к собравшимся обратилась проректор по научной работе МГОУ, доктор филологических наук, профессор М.Н. Левченко, отметившая, что конференция – важное событие в жизни университета, способствующее укреплению международного сотрудничества вузов. Она подчеркнула, что проведение подобных конференций стало хорошей традицией нашего университета, выразила уверенность в злободневности рассматриваемых на ней вопросов, её высокой информационной насыщенности и пользе как для маститых учёных, так и для начинающих исследователей.

В приветственном слове атташе посольства Франции по сотрудничеству в области образования и французского языка в России господин Патрик Депланк подчеркнул значимость данной конференции, способствующей укреплению дружественных связей между двумя странами, углублению взаимопонимания между нашими народами.

В сообщении зав. кафедрой романской филологии, доктора филологических наук, профессора И.В. Скуратова были обозначены основные направления межкультурной коммуникации в современных романских языках. Он подчеркнул важность распространения французского языка, который на протяжении последних двух столетий обеспечивает диалог культур, их

взаимопроникновение и взаимовлияние. Сопоставляя иную и свою культуры, мы глубже постигаем их сущность и специфику.

На конференции работало девять секций. Зарубежные гости выступали как руководители секций и как докладчики.

Наиболее яркими и запоминающимися были выступления Армель Жаке-Андрие (Франция), Риты де Кассиа Пайва (Бразилия), Александру Мардале (Румыния, Франция), Ива Борде (Швейцария), Габриеллы Серроне (Италия), Калины Яневой (Болгария), Микаэлы Марианны Морков (Румыния), Марии Истрат (Румыния), Лилианы Агаш (Румыния) и Кевина Баке (Франция), проф. Н.М. Васильевой, проф. Л.П. Пицковой, проф. Г.В. Овчинниковой, проф. В.Г. Кузнецова, проф. И.А. Цыбовой, проф. Т.П. Понятиной, д.ф.н. Е.Н. Михайловой, д.ф.н. П. Рыжовой, доц. Т.И. Ретинской, доц. К.Х. Рекош.

Некоторые выступления можно назвать неожиданными и оригинальными. Так, во время работы секции «**Сравнительная типология**» профессор из Франции Армель Жаке-Андрие выступила с презентацией, основанной на идеях Соссюра и Косериу, развивая которые, она рассмотрела взаимосвязь между языком и эмоциональным состоянием человека и показала выявленные ею закономерности этой взаимосвязи.

Итальянская исследовательница Габриелла Серроне сопоставила юридический аспект французского и итальянского языков.

В докладе бразильского учёного Риты де Кассиа Пайва были затронуты особенно актуальные в наши дни проблемы билингвизма (секция «**Социолингвистика, прагматика и когнитивная лингвистика**»). Речь шла о проекте «**Гуама Билингве**», который содержит методические разработки по преподаванию испанского языка в школах учащимся (15-18 лет), входящим в группу социального риска. Была отмечена значимость учёта культурной составляющей в преподавании испанского как иностранного.

Живую дискуссию вызвал доклад научного сотрудника Парижского университета Александру Мардале, в котором автор анали-

зировал проблемы взаимодействия морфологии и синтаксиса, фонетики и фонологии, а также дискурса как структуры высказывания (секция «**Романские языки в статике и динамике**»).

Интересные презентации о влиянии латинских языков на профессиональную деятельность переводчика и роли новых информационных технологий были представлены болгарской исследовательницей Калиной Яневой и лектором французского языка МГОУ Кевином Баке (секция «**Проблемы перевода и межкультурной коммуникации**»).

Швейцарский лингвист Ив Борде (секция «**Интеграция новых коммуникационных технологий в преподавании романских языков**») обратил внимание слушателей на сложности, возникающие при чтении и анализе художественных произведений классиков французской литературы.

Особый интерес вызвал ряд докладов румынских исследовательниц Лилианы Агаш, Микаэлы Морков (секция «**Лингвострановедение**») и Марии Истрат, посвящённых специфике румынского языка и влиянию на него славянской культуры.

В ярком и эмоциональном докладе проф. Васильевой Н.М. был представлен всесторонний анализ придаточных предложений во французском языке, прежде всего синтаксический и коммуникативный.

Неподдельный интерес участников и гостей конференции вызвал доклад проф. Пицковой Л.П. о формальном аспекте пословиц и поговорок во французском и русском языках.

Не менее актуальным было сообщение проф. Овчинниковой Г.В., посвящённое морфо-семантическому и социокультурному разнообразию заимствований.

Проф. Кузнецов В.Г. сосредоточил внимание слушателей на переводческом аспекте гипер-гипонимических отношений, которые в силу исторических, типологических и этнокультурных причин не совпадают в семантическом, парадигматическом и синтагматическом планах в разных языках.

В выступлении проф. Цыбовой И.А. основное место было уделено проблемам сло-

вообразования в романских языках, наличие общетипологических черт, а также различиям словообразовательного значения и словообразовательной категории.

В докладе проф. Понятиной Т.П. рассматривалось взаимодействие писателя с читателем при помощи повествовательной стратегии как средства усиления оценочного значения во французском художественном тексте.

Доклад проф. Михайловой Е.Н. коснулся истоков романского языкознания, связанных с Шарлем де Бовелем, а именно: проблемы происхождения французского языка, его связи с латинским языком и другими романскими языками, проблеме языковой эволюции и языковой вариативности.

Доктор филологических наук Рыжова Л.П. остановилась на интерактивности как ключевом понятии франкоязычной лингвистической прагматики, характеризующейся многочисленными и неоднозначными исследованиями.

Доцент Ретинская Т.И., рассуждая о деривации и конверсии как универсальных механизмах арготического словотворчества, констатировала их наличие в большинстве профессиональных аргос.

Доцент Рекош К.Х. отметила, что лингвистический аспект является неотъемлемой частью любой отрасли знания, в частности права, поскольку право – конструкция, функционирующая благодаря юридической технике (искусству правового регулирования).

Конференция прошла в атмосфере благожелательности и деловитости. Участники конференции обменивались мнениями, дискутировали, делились с коллегами результатами исследований, сомнениями, научными находками и достижениями и были открыты для сотрудничества, приобретения новых знаний, взаимообогащения.

После конференции поступили многочисленные письма от отечественных и зарубежных гостей, в которых выражалась высокая оценка уровня организации конференции, гостеприимства и радушия администрации вуза, преподавателей и студентов.

Конференция прошла с большим успехом, придав новый импульс преподаванию романских языков в российских вузах.

Закрывая конференцию, ректор МГОУ профессор Хроменков П.Н. поблагодарил гостей и выразил надежду на плодотворное сотрудничество, подчеркнув, что язык сегодня рассматривается через призму междисциплинарных подходов, интеграцию достижений философии, педагогики, психологии, истории, культурологи, что позволяет по-новому рассмотреть все грани самой важной способности человека – способности к коммуникации, в её самой сложной разновидности – межкультурной.

И.В. Скуратов

НАШИ АВТОРЫ

Адаменко Ульяна Андреевна – аспирант кафедры теоретической грамматики английского языка Московского педагогического государственного университета; e-mail: madam.adamenko@gmail.com

Балута Анастасия Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романистики и германистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: cobra49@yandex.ru

Вековищева Светлана Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и англистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: vekovishcheva_sn@mail.ru

Гаврилова Юлия Викторовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка ФЭМ и ФМФ Всероссийской академии внешней торговли (г. Москва); e-mail: March1378@yandex.ru

Дергунова Анастасия Александровна – аспирант кафедры грамматики немецкого языка Московского педагогического государственного университета; e-mail: nastuha.naumova@gmail.com

Евсюнина Татьяна Сергеевна – аспирант кафедры теории языка и англистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: Tatouchk@yandex.ru

Зойдзе Элла Амирановна – старший преподаватель кафедры английского языка Московского городского педагогического университета; e-mail: ella_zoidze@list.ru

Киосе Мария Ивановна – кандидат филологических наук, доцент, докторант сектора теоретического языкознания Института языкознания Российской академии наук (г. Москва); e-mail: maria_kiose@mail.ru

Кузьмина Марина Андреевна – аспирант кафедры теории и методики преподавания иностранных языков Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова; e-mail: mkuzmina@mail.ru

Лызлов Алексей Игоревич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Смоленского государственного университета; e-mail: aleksej-lyzov@yandex.ru

Мезенцева Юлия Ивановна – кандидат педагогических наук, профессор кафедры методики обучения изобразительному и декоративно-прикладному искусству Московского государственного областного университета fakul-izonr@mgou.ru

Молчкова Лариса Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и практики перевода Международного института рынка (г. Самара); e-mail: lmlm@yandex.ru

Сейранян Маргарита Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики английского языка Московского педагогического государственного университета; e-mail: Margo.seiranyan@yandex.ru

Скуратов Игорь Владимирович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: iv_skuratov@mail.ru

Хомутский Константин Игоревич – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английского языка при факультете права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; email: khomutskiykonst@gmail.com

Хухуни Георгий Теймуразович – доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории языка и англистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: khukhuni@mail.ru